

РЕШАТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ —
ДЕВИЗ МОЛОДЫХ.

Яблоки:
от сада до
магазина.

КНИГИ —
ДЕТСКОМУ
ДОМУ.

СМЕНА

ISSN 8131-6656

№ 9 (1415) май 1986

И снова мирный май
над нашей землей.
Но снова память наша
возвращается к тем
далеким уже
майским дням сорок пятого,
когда благодарный мир
склонил голову
перед подвигом
советского народа.

Рисунок Стасиса КРАСАУСКАСА

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

Эпитафия

Я погиб под Орлом в наступленье...
Прорастает ковыль сквозь меня.
Солнца ливень...

И птичье паренье
На экране лазурного дня.
Кукованья не слышу кукушек,
Я не слышу, как сосны растут.
Под землю сырою мне душно,
Над землей ромашки цветут!
Колос вызрел, звенит...

Голубеет
Над мной полевой василек.
В сердце — штык!
И темнеет, чернеет
Синий лен, превратясь в уголек.
Я погиб в штыковой атаке.
Вмиг померкла глаз синева,
Небосвод — на меня!
Я — на злаки...
Рот забили земля и трава.
Я домой не вернусь. Да, обидно...
Мама, хлеба не режь для меня.
Пищу мертвых мне есть. Очевидно,
Впрок ее заготовит земля.
В небе — солнца сияющий слиток.
Стая жаворонков пронеслась.
Мы лежим под Орлом. Мы убиты.
Нет нас с вами. Но —
вспомните! — нас.

Каска и одуванчик

У коряги, где ряска,
В тишине пресвятой
Моей ржавую каску
Речка пресной водой.
Из земли прорастает
Одуванчик простой.
И со стебля взлетает
Мотылек голубой.
Червячок ввысь стремится.
Он по ветке ползет...
Перелетная птица
В синем небе поет.
Из-под брошенной каски
Прорастает цветок.
Ты коснись его с лаской —
Ощути жизни ток.

Мне важно, чтоб снег,
тот, что утром здесь выпал,
Как будто тарелка из обмерших рук,
Нечаянно бы не разбился,
не скрипнул,—
Походка снежинок изящна, как звук!
Не нравятся мне черепки, их не склеить.
К единству и целостности я стремлюсь.
Как Неринги дюны, снег первый белеет.
Он — праздник в доме: одного я боюсь,
Чтоб черного не обнажил реализма
И пятен дешевых (я их не терплю).
Растаяв, не вычернил подлинной жизни,
Закованной в стужу, об этом молю!
Боюсь, чтоб сугробы
не стали вздуваться,
Как у бесконтрольных обжор животы.
Хочу, чтобы снег
в бескорыстнейшем танце
Звучал, как Пер Гюнт,
с неземной высоты.
Боюсь я расчета — такого ль, другого...
И пальцы, как ножницы, снег состригут.
Я снежную ленту разрежу, открою
Мост в зиму. (Застыл, но сумею, смогу!)
Весы не люблю. И искусство обмана.
В корысти снегов —
бескорыстная страсть.
Пусть белый феномен природы изранен,
Пусть цвет аскетический ворон предаст,
Но мне наплевать
на предательство с детства.
Важней — чистота.
И кружится пусть снег,
Обнявший фатою-любовью мне сердце,
Идеей, которою жив человек.

Перевел с литовского
Юрий КОБРИН.

Михаил ПЕЧЕРСКИЙ,
специальный
корреспондент
«Смены»

Приказ начальника — закон для подчиненных. Казалось бы, эта известная формула сама по себе ясна. Но не будем торопиться признавать ее аксиомой, не требующей доказательств. Бывает, что приказы по одному и тому же вопросу, по одной и той же проблеме мельтешат перед глазами, словно белые мухи в метельном феврале, но никому от них ни жарко, ни холодно.

В СПТУ-50 города Новокузнецка, которое готовит шахтерские кадры, не было столовой. Будущие горняки питались как придется, главным образом всухомятку, покупая на переменах пирожки и белыши в ближайшем ларьке. Директор профтехучилища Алексей Абрамович Петерс без устали стучался в разные двери, чтобы решить проблему. И вот блеснул луч надежды. Уступая «домогательствам» настырного директора, «генералитет» производственного объединения «Южкузбассуголь» 18 декабря 1975 года — заметьте: 10 лет назад! — принял решение: «Установить павильон для питания учащихся СПТУ-50 в срок до первого августа 1976 года».

Чтоб столовая была сдана в эксплуатацию к началу учебного года. Тут работы кот наплакал...

— Есть! — козырнули строители и молодецки засучили рукава, выражая тем самым готовность немедленно бежать и вкалывать до седьмого пота. Потеть, правда, быстро расхотелось. На стройке то и дело воцарялась церковная тишина. Дело двигалось туго.

В апреле 1983 года, обзрев едва выступающий из земли объект, В. Ялевский ударил по нерасторопным строителям новым приказом: «Обязываю обеспечить ввод в эксплуатацию здания столовой для СПТУ-50 к первому августа».

Минул август, ушли морозы, пришла весна. Второго апреля 1984 года генеральный директор взялся за авторучку, чтобы написать еще один приказ. На этот раз в нем содержались такие примечательные слова: «Считать завершение строительства столовой к 01.08.84 г. особо важным заданием...» И далее о будущей премии за выполнение «особо важного задания».

Не помогла и обещанная премия! Неделями, а то и месяцами не появлялись строители на «особо важном объекте». Тем временем Владлен Данилович Ялевский ушел на повышение — генеральным директором ВПО «Кузбассуголь». С новой руководящей высоты объект особой важности, вероятно, видится ему маковым зернышком и уже не вписывается в круг неотложных работ.

города Междуреченска обещаниями отгрохать полигон, оснащенный современным угледобывающим оборудованием, чтобы будущие горняки отработывали здесь навыки управления могучей техникой, однако воз не трогается с места. В старых, обветшалых и едва-едва приспособленных бараках, которые уже долгие годы находятся в распоряжении СПТУ-24 города Новокузнецка, настолько тесно, что заниматься тут приходится в три смены. Нет абсолютно никаких помещений для уроков физкультуры и начальной военной подготовки, спортивно-массовой работы, занятий кружков художественной самодеятельности и технического творчества, как того требует «Положение о среднем профессионально-техническом училище», утвержденное Советом Министров СССР. Такая же ситуация, впрочем, во многих других горняцких ПТУ Кузбасса.

— Одиннадцать из тридцати училищ вообще находятся в плачевном состоянии, — сокрушался в беседе со мной начальник областного управления профтехобразования Николай Фоканович Ильин. — Не учебные заведения, а самые настоящие курятники, развалюхи. Однако наши богатейшие базовые предприятия не особенно шевелятся, чтобы создать для своих училищ современную материально-техническую базу, хотя это их прямая обязанность. Побывайте, например, в ГПТУ-35 города Про-

копьевска — наглядно убедитесь в этом сами... Я побывал и убедился: в словах Николая Фокановича нет ни малейшего преувеличения. Училище было основано в сорок первом году. Тогда ему могли предоставить лишь помещения барачного типа. Сколоченные наспех, они изрядно обветшали, вросли в землю и покосились, стены превращаются в труху. Один из барачных пришлось даже заколотить: в нем угрожающе провис потолок, заниматься без риска для жизни стало невозможно. Думаю, понятно, что и здесь нет элементарного: спортивного комплекса, столовой, нет зала для собраний, не говоря уже о помещениях для занятий коллективов художественной самодеятельности и кружков технического творчества. Кроме того, прокопьевское ГПТУ-35, пожалуй, одно из немногих профессионально-технических училищ страны, где до сих пор не дают среднего образования: нет условий для этого.

Зато есть в данном ГПТУ целых семь с половиной килограммов переписки по поводу бедственного положения многострадальной кузницы горняцких кадров. Иные из бумаг уже изрядно пожелтели, поскольку профтехучилище и областное управление профтехобразования начали обращаться в различные инстанции еще на заре шестидесятых годов.

Годы быстро летят. Вот только дело не скоро делается. Почти пятнадцать лет ушло на всевозможные согласования и пересогласования, пока наконец в 1976 году институт «Сибгипрошахт» выдал проект нового учебного комплекса на 720 учащихся. Бывший генеральный директор производственного объедине-

ния «Прокопьевскуголь» А. Петров пообещал немедленно начать строительство. Сменивший его В. Долгушин тоже не скупился на обещания. Однако тому и другому осуществить благие намерения всякий раз мешали какие-то «веские» обстоятельства: то они не могли договориться со строителями, то не знали, где достать строительные материалы, то у них «горел» план по добыче угля и невозможно было ни на минуту оторваться от этой внезапно возникшей проблемы, то лютует, то десятое. Давно известно: кто хочет, тот делает, кто не хочет — ищет причины, чтоб не делать.

Доискались до того, что родившийся в муках проект учебного комплекса в один прекрасный день благополучно... приказал долго жить. В 1983 году Госстрой СССР объявил его устаревшим и изъял из числа действующих типовых проектов. Между тем на столе у генерального директора В. Долгушина к тому времени лежал официальный документ, подписанный заместителем министра угольной промышленности СССР Ф. Кузюковым, из которого следовало: построить учебный комплекс для ГПТУ-35 следует в течение 1984—1985 годов. А как это сделать, если проектно-сметная документация, стоившая, кстати, свыше десяти тысяч рублей, признана устаревшей и ее надлежит списать в макулатуру?

Ответственные работники объединения до сих пор не спеша ищут ответ на этот вопрос.

Тем временем престиж этого горняцкого ГПТУ катастрофически падает. В 1981 году здесь училось 520 человек, теперь — 357. Такая же тенденция наметилась и в некоторых других профтехучилищах Кузбасса. Например, пять лет назад в обветшалых бараках СПТУ-14 города Ленинска-Кузнецкого профессии шахтостроителя обучались почти четверста ребят. Сегодня — вдвое меньше.

Напомним: реформа общеобразовательной и профессиональной школы предусматривает в перспективе увеличить численность восьмиклассников, поступающих в средние ПТУ, примерно вдвое. А тут движение в противоположную сторону.

— Виновных надо искать не только в Кузбассе, но и в Минуглепроме СССР. — считает секретарь Кемеровского обкома партии Николай Григорьевич Кирьянов. — У министерства очень странная политика: выделили ассигнования, а там хоть трава не расти. На сооружение объектов для ПТУ оно каждый год отпускает миллионы рублей, а осваиваются эти средства по копейке.

Кстати, Н. Кирьянов не первый и не единственный, кто произносит слова упрека в адрес министерства. Еще в марте 1976 года президиум ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности рассматривал вопрос о выполнении планов строительства профтехучилищ в системе Минуглепрома. Разговор шел взыскательный, и было признано, что министерство занимается этим делом из рук вон плохо, в том числе и в Кузбассе. Нет с его стороны должного контроля за строительством объектов профтехобразования.

БУМАЖНЫЙ ПОТОК

Рейд «Смены»

ОБЕЩАНИЙ ОБРУШИВАЕТСЯ ИЗ ГОДА В ГОД НА ГОРНЯЦКИЕ ПТУ КУЗБАССА. КОГДА ЖЕ ДОЙДЕТ ДЕЛО ДО КОНКРЕТНОЙ ПОМОЩИ?

Будущие горняки и их наставники обрадовались, но, как оказалось, преждевременно. Они-то думали, что «Южкузбассуголь», приняв решение, сразу же возьмется за его выполнение и быстро доведет дело до конца. Однако в производственном объединении сидели люди степенные, несуетливые. По их мнению, павильон для питания учащихся не был объектом стратегического значения. За невнимание к таким мелочам с работы не снимут, поэтому горячку пороть нечего: пусть принятое решение побудет пока в самом нижнем ящике письменного стола — отлежится и окончательно созреет.

«Созревание» продолжалось семь лет, а учащиеся по-прежнему бегали за пирогами. Правда, за это время «Южкузбассуголь» отгрохал для себя шикарный высотный административный корпус, который украсил одну из центральных улиц Новокузнецка и по удобствам не имеет себе равных в этом большом сибирском городе. Есть там, конечно, и вместительная столовая, где без всякой суетолики может пообедать целый пехотный полк. А вот в СПТУ-50 так и не дождался обещанного павильона.

Директор профтехучилища Петерс, однако, не сдавался. К тому же у него появились могучие союзники — горком партии и горисполком. По их настоянию «Южкузбассуголь» в феврале 1982 года наконец-то начал строить — уже не павильон, а столовую для своего подшефного учебного заведения.

— Надо, значит, надо, — философски сказал по этому поводу тогдашний генеральный директор объединения В. Ялевский и отдал приказ своему ремонтно-строительному управлению: —

Ему теперь недосуг затребовать из архива свои старые приказы и строго спросить, как же они выполняются.

Докладываю читателям «Смены» и персонально В. Ялевскому: через четыре с лишним года после закладки фундамента «особо важный объект» недавно наконец-то введен в эксплуатацию. В натуре это оказался теремок на сто посадочных мест. Учащиеся СПТУ-50 обедают в восемь потоков! С огромными потугами гора родила мыш...

— Временное явление, переходный вариант, — разъяснил мне нынешний генеральный директор объединения «Южкузбассуголь» Ю. Малышев. — В тех бараках, где уже почти сорок лет ютятся СПТУ-50, вообще, по-моему, немислимо нормально работать. Вот построим для него в ближайшее время новый учебный комплекс, тогда совсем другое будет дело...

Но не было уверенности в голосе Юрия Николаевича. Быть может, потому, что до сих пор не готова проектно-сметная документация для этой новостройки, хотя сооружение комплекса планировали начать в одиннадцатой пятилетке.

В Кемеровской области подготовкой молодой рабочей смены горняков занимаются тридцать ПТУ. У большинства из них безбрежное море проблем. Для СПТУ-43 города Анжеро-Судженска, например, уже восьмой год строится учебный комплекс, конца этому «долгострою» не видно до сих пор.

Руководители шахт «Распадская» и имени Шевякова многие годы кормят учащихся и преподавателей СПТУ-37

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1415) МАЙ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
полеты
начинаются
на земле.

Фото
Анатолия РЯБКО.

- 1 ХХVII СЪЕЗД КПСС ТРЕБУЕТ ОТ НАС...
Михаил ПЕЧЕРСКИЙ. «БУМАЖНЫЙ ПОТОК».
- 3 ЧТО ВОЛНУЕТ МОЛОДЫХ.
- 4 Леонид ПЛЕШАКОВ. «ЯБЛОКИ».
- 8 Рассказ Василия САМОЙЛОВА «НЕ ЗАБЫТ».
- 12 НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
«ЭСТЕТИКА ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ».
Фоторепортаж Алексея ВЛАДИМИРОВА
и Виктора САККА.
- 15 Ян ВЛАДИН. «РЕШАТЬ, А НЕ ЖДАТЬ».
- 16 ОТЕЧЕСТВО. «КАВКАЗСКИЕ ЭТЮДЫ».
Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 18 ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ
«ОТСТУПИТЬ ИЛИ ОДОЛЕТЬ?».
- 20 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Марина КРАЙНЯЯ. «ПОДАРИТЕ МНЕ ЛЕТО...»
- 21 СКОРОСТЬ.
Владимир АРКУША. «МАШИНА ДЛЯ ЧЕМПИОНОВ».
- 22 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 24 «...НАД НИМ ЛУЧ СОЛНЦА ЗОЛОТОЙ».
Стихи о море.
- 25 ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
Георгий ДАНАИЛОВ. «НЕ УБИТЬ МОЦАРТА».
- 29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Роман Артура КОНАН ДОЙЛА «ДОЛИНА СТРАХА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СЯУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

Десять лет прошло. Что изменилось? Да ничего! Министерство все так же дает миллионы на строительство горняцких ПТУ и молча принимает к сведению, что развалюхи-курятники не исчезают. В завершающем году минувшей пятилетки в Кузбассе освоили лишь пятую часть отпущенных на эти цели капитальных вложений. Такая же картина и по остальным годам.

А между тем областное управление профтехобразования ежегодно отправляет в министерство десятки тревожных писем и телеграмм, посылает туда ходяков со слезными прошениями.

В министерстве тревожные письма и телеграммы не предадут сожжению, ходяков встречают приветливо и сочувственно, всячески обнадеживают. В подведомственные строительные комбинаты и производственные объединения Кузбасса шелестит отсюда поток напоминаний, разъяснений, распоряжений, предписаний и приказов. Посмотреть со стороны — кипит работа! Однако на самом деле это лишь иллюзия кипучей деятельности.

Однажды на прием к руководству отрасли прорвался директор СПТУ-41 города Прокопьевска Андрей Яковлевич Семенухин. Там внимательно выслушали горестный рассказ директора о том, что старейшее училище Кузбасса (ему исполнилось уже 60 лет) находится в исключительно тяжелых условиях. Здесь всего восемь учебных кабинетов, а учащихся 520. Теснота неимоверная. Занятия приходится вести в две смены. Негде проводить уроки по многим общеобразовательным и специальным предметам, оборудовать современные учебные кабинеты по программированию, робототехнике, вычислительной технике и так далее.

Но есть выход из положения. В двух шагах от СПТУ расположено довольно вместительное пустующее здание, в котором находилось когда-то вечернее отделение Сибирского металлургического института. Если его капитально отремонтировать и реконструировать, то можно разместить и столовую, и общежитие, и спортзал, и библиотеку, а также четыре лаборатории и десять учебных кабинетов. Так нельзя ли это здание передать училищу?

— Отчего же нельзя? — сказали в министерстве и 16 мая 1980 года отбили телеграмму на имя генерального директора производственного объединения «Прокопьевскуголь»: «В целях расширения учебно-материальной базы СПТУ-41 примите от Сибирского металлургического института учебные помещения вечернего отделения, произведите в установленном порядке их капитальный ремонт и передайте училищу».

Поскольку в телеграмме не были обозначены конкретные сроки, руководители объединения пришли к выводу: дело неспешное — может подождать. Однако 17 марта 1981 года из министерства прилетела депеша: «По сообщению Кемеровского управления облпрофтехобразования, ремонт освобожденного помещения вечернего отделения Сибирского металлургического института до сего времени не произведен. Обращаем ваше внимание на нарушение исполнительской дисциплины и обязываем ускорить решение этого вопроса».

Приказ руководства отрасли — дело, казалось бы, нешуточное. Разбейся, но выполни. Иначе может последовать наказание, а там и до оргвыводов рукой подать...

Но ничего такого не случилось. В объединении сидят работники, крепко закаленные и ко всему привычные. Твердо знают: за плохое отношение к подшефным ПТУ бить их никто не станет. А потому с олимпийским спокойствием восприняли здесь и еще одно послание из Минуглепрома, отправленное на этот раз 20 августа 1981 года за подписью заместителя министра В. Никитина: «Несмотря на то, что министерство дважды обязывало объединение «Прокопьевскуголь» отремонтировать для передачи СПТУ-41 помещения, при-

надлежащее вечернему отделению Сибирского металлургического института, эта работа до сего времени не выполнена. Подобное отношение базового объединения к подшефному училищу, готовящему кадры для шахт Кузбасса, срывает нормальный учебный процесс и свидетельствует о грубом нарушении исполнительской дисциплины. Обязываю вас максимально ускорить решение этого вопроса и о принятых мерах доложить до 01.09.81 года».

С тех пор еще немало прошлестелось подобных бумаг. Что ж в итоге? То же самое, что и шесть лет назад, когда директор училища А. Семенухин впервые обратился за помощью в Минуглепром...

Похожая история разыгрывается и вокруг СПТУ-36 города Ленинска-Кузнецкого. В ветхом здании всего восемь классовых комнат на 16 групп. Во время занятий можно получить тепловой удар, поскольку на одного учащегося приходится всего квадратный метр площади. Коридорчики — двум подросткам не разминуться. Для спортивных занятий с горем пополам выкроена небольшая комнатка, смахивающая на чулан. Актового зала, конечно, нет. В новом учебном году училище не сможет принять первокурсников: негде размещать.

Еще в середине семидесятых годов министр отдал приказ производственному объединению «Ленинскуголь» обеспечить разработку проектно-сметной документации нового учебного комплекса для этого ПТУ, а комбинату «Кузбассжилстрой», который подчиняется непосредственно Минуглепрому, построить комплекс.

Летом 1979 года строители выкопали два котлована, забили сваи и на этом посчитали свою благородную миссию исчерпанной. Началось хождение по инстанциям, возникла затяжная переписка. Опустим множество утомительных деталей, выделим два момента.

27 мая 1983 года в областное управление профтехобразования пришло письмо от директора по капитальному строительству производственного объединения «Ленинскуголь» А. Честнейшина: «Из-за отсутствия подрядной строительной организации и ограниченности средств строительство профтехучилища №36 проектом плана на 1984 год не предусмотрено». А девятого декабря того же года министерство уведомило начальника областного управления профтехобразования: затруднений со средствами нет, и учебный комплекс для СПТУ-36 будет построен в течение 1984—1986 годов. Подрядчик — все тот же комбинат «Кузбассжилстрой».

Кому верить? Поверили министерству. И, как оказалось, совершенно напрасно. «Кузбассжилстрой» даже не пошевельнулся в сторону заброшенной стройки. Выкопанные котлованы заполнились водой и превратились в пруды, местные жители собираются разводиться в них рыбу...

Конечно, от Москвы до Кузбасса расстояние немалое — почти четыре тысячи километров. Даже из высотного здания на столичном проспекте Калинина, где расположен Минуглепром, не углядеть, что творится в этой дали. Но дело, естественно, не в расстоянии. Дело в позиции министерства и подведомственных ему предприятий по отношению к своим горемычным училищам. Эту позицию никак нельзя назвать заботливой, конструктивной и дальновидной. Уж слишком много в ней беспечности, безответственности, бесконтрольности и даже откровенного равнодушия. Как-то очень легко Минуглепром отпускает грехи тем, кто не выполняет его приказы, распоряжения, предписания, из года в год срывает планы строительства новых объектов для ПТУ, готовящих шахтерскую смену.

И, как и многие годы назад, попрежнему шелестит между Москвой и Кузбассом бумажный поток, не принося кузницам горняцких кадров ни проку, ни радости.

Что волнует
молодых

ОТ РАЗГОВОРОВ В ДЕЛУ

Читатели «Смены» с интересом встретили материалы, появившиеся под рубрикой «Молодой коммунист», в которых остро и заинтересованно говорилось о личном участии каждого в огромной созидательной работе, развернувшейся в стране, о долге каждого жить и трудиться по совести. Продолжаем серьезный разговор о том, что наболело, что тревожит, что не дает быть спокойным, разговор, для которого всегда открыты страницы журнала.

Не повторить ошибок

Наше предприятие, Ростовская бумажная фабрика имени М. И. Калинина, специализируется на производстве пачечной бумаги для табачной промышленности. В качестве товара народного потребления мы выпускаем обои, тридцать процентов которых забирают строительные организации, остальные идут в торговлю и раскупаются в считанные часы. Это и понятно: ведь мы — единственные изготовители обоев на всем Северном Кавказе.

При таком спросе на нашу продукцию можно было бы, как говорится, жить и не тужить. Но наш коллектив отлично понимает, что успокаиваться достигнутым нельзя. Пройдет два-три года, и выпускаемые сегодня обои — их рисунок, расцветка, фактура — выйдут из моды. Короче, мы должны заранее готовиться к изменению ассортимента, повышению качества с учетом будущих требований. Верный путь к намеченной цели — реконструкция, техническое перевооружение производства.

И вот в феврале 1984 года к нам на предприятие начало поступать новое импортное оборудование — скоростные машины, оснащенные автоматикой и способные наносить до восьми цветов, а также модное сегодня тиснение. Однако все это оборудование стоимостью в 1 миллион 700 тысяч валютных рублей вот уже два с лишним года отлеживается на складе и обходится фабрике все дороже: только к декабрю прошлого года за нарушение нормативных сроков монтажа мы выплатили банку в виде штрафов 70 тысяч рублей.

Почему же лежит мертвым грузом ценное оборудование?

Чтобы лучше понять причины, нужно хотя бы кратко познакомиться с историей фабрики. Работает она уже более ста лет. За это время Ростов-на-Дону стал крупным промышленным городом, и наше предприятие, заложенное некогда чуть ли не на окраине, оказалось ныне в самом центре. Уже давно его территорию со всех сторон плотно об-

ступили жилые кварталы, так что расширять производственные площади, строить новые цеха и устанавливать в них новое бумагоделательное оборудование (оно довольно громоздкое и требует простора) мы не можем. Приходится работать на старых, давно морально и физически устаревших машинах. Значительную долю сырья для изготовления бумаги завозим издалека. Поэтому бумага наша обходится гораздо дороже, чем аналогичная продукция, выработанная на мощных современных предприятиях нашего профиля. Отсюда соответственно и все экономические показатели.

Но вот в 1972 году мы начали из части своей бумаги выпускать обои, и это оказалось довольно прибыльным делом. Даже на наших тесных площадях мы сумели довести выработку до пятнадцати миллионов квадратных метров в год. В перспективе мы могли бы полностью перейти на выпуск этой годной, нужной, а в условиях нашего предприятия единственно возможной продукции. Оставалось получить и освоить новое оборудование. Однако, когда в феврале 1984 года такое оборудование поступило, оно только прибавило нам хлопот. Мы не были готовы к его приему и соответствующих складских помещений не имели. Для установки нового оборудования нужно было освободить соответствующие площади, то есть снести кое-какие старые постройки, а на их месте воздвигнуть новые. И все это в условиях работающего на полную мощность предприятия, в неимоверной тесноте.

А строители, как известно, такого не любят. Им больше по душе простор, где можно развернуться технике, где имеется свободный доступ к объекту. Короче, реконструкция нашей фабрики оказалась для них неким ярмом. В 1984 году они к работе не приступили, сославшись (и вполне обоснованно) на то, что годовой график работ был составлен гораздо раньше, чем мы к ним обратились.

В 1985 году наша фабрика все же сумела вписаться в планы Главсевкавстроя. Работы должны были завершиться к июлю 1985 года. Часть их мы обязались сделать своими силами, так называемым хозспособом. Но строители не сдержали слова. Несколько раз они

срывали принятый и утвержденный ими же самими график.

Сейчас главные трудности позади: летом 1986 года новое оборудование должно дать продукцию. И сразу производство обоев на нашей фабрике вырастет вдвое. Причем для этого потребуется всего тридцать рабочих, тогда как сегодня такое же количество продукции выпускает 65 человек. Можно бы радоваться. Но не дает покоя одно обстоятельство.

Мы понимаем, что как изготовитель бумаги наша фабрика давно изжила себя. Ни по объему производства, ни по стоимости продукции она не может соперничать с современными гигантами бумажной промышленности. Ей давно пора «переквалифицироваться» на выпуск других товаров. Нам кажется, что обои — ее профиль. Заменить допотопные бумагоделательные машины соответствующим оборудованием, мы могли бы на тех же площадях увеличить производство втрое.

Разумеется, это потребует реконструкции той части фабрики, которой пока не коснулась модернизация. Дело это в принципе несложное, нам знакомое и, как показывают расчеты, высокоэффективное. Надо только загодя его хорошо обдумать, спланировать и своевременно осуществить. Чтобы не повторить прежних ошибок, когда дорогое оборудование долго лежало без дела.

Вячеслав СТАЦЕНКО,
секретарь комитета ВЛКСМ,
Александр ЦЕЛИН,
слесарь,
Ростов-на-Дону

Почему не пресбыжна профессия?

Правильно ставится в «Смене» проблема подготовки квалифицированных инженерных и рабочих кадров. Хочу поделиться своей тревогой по поводу дефицита специалистов-электриков, энергетиков в городском хозяйстве. Сам я руковожу небольшим энергетическим хозяйством в городе Оса Пермской области. Так вот, сейчас мы стоим перед проблемой: кто придет на смену старым рабочим? Непопулярна у молодежи профессия электромонтера, в редчайшем случае встретишь работника моложе 30 лет. И это при том, что штаты специализированных энергетических организаций в городе и районе укомплектованы в лучшем случае на 50—60 процентов. Еще хуже обстоит дело с обеспечением кадрами электриков в дошкольных учреждениях, учебных заведениях, в системе соцкультбыта. Ведь порой доходит до абсурда: в средних школах, где раньше старшекласников обучали нашей профессии, ребята не могут сами ликвидировать элементарного повреждения электропровода. Почему же молодежь не идет в электрики, а точнее, в коммунальное энергетическое хозяйство? Главная причина, на мой взгляд, в том, что у нас как следует не определен пока статус такого специалиста. Ведь монтер, обслуживающий жилые дома, работает порой без выходных, с утра и до позднего вечера, а зарплату получает такую же, как электрик заводской, который трудится восемь часов в день. Сколько же нужно терпения, чтобы ра-

ботать вот так, на одном энтузиазме? Думаю, очень верно ставится сейчас вопрос о необходимости более точного соотношения между количеством труда и зарплатой. Быть может, когда существующее ныне явное несоответствие утомительного труда городского монтера с его заработком будет устранено, тогда и специальность эта вновь станет престижной и популярной у молодых, как это было раньше.

Н. УШАХИН,
г. Оса Пермской области

Главное- сознательность

Прочитал в №3 выступление бригадира Сергея Бычкова и не могу не откликнуться: очень уж важные проблемы затронул молодой коммунист из Новокузнецка. Может, я буду слишком резок, но скажу то, что думаю. Пока на наших советских предприятиях существует понятие «брак», все разговоры об ускоренном движении вперед бесполезны. Спросите у японца: что такое брак? Думаю, он не знает. Потому что, как только сработает плохо, тут же окажется на улице. А мы с этим понятием очень даже хорошо знакомы и, к сожалению, не спешим с ним совсем расстаться: в социалистических обязательствах ставим задачу уменьшить брак на столько-то процентов, а значит, все-таки не изжить его окончательно. Верно говорит Бычков: «...О чем бы мы ни говорили, все в итоге сводится к качеству работы каждого на его рабочем месте». А качество целиком зависит от рабочей, партийной сознательности каждого. Без этого — никуда...

В. КАРПЕНКО,
студент,
г. Куйбышев

Учить культурному труду

Хочу кое-что добавить к выступлению молодых коммунистов в «Смене». Видел недавно две сцены, участниками которых были парни, заканчивающие курсы трактористов. В одном случае они устроили гонки на тракторах по склону холма: кто быстрее придет к финишу. В другом — сцепили две машины тросом и давай тянуть «кто — кого». Есть ли тут из-за чего беспокоиться? По-моему, есть. Выучиться на тракториста несложно, а вот научиться на этом самом тракторе как следует работать — культурно, производительно, с бережным отношением к машине — это потруднее. Но как раз этому-то и не учат ни на каких курсах! А это — самое главное. Думаю, надо наряду с изучением трактора, его деталей обязательно изучать и приемы передовой работы. Ведь культура труда тоже должна закладываться с молодости.

Василий ВИНОГРАДОВ,
пос. Суханово
Великолукского района
Псковской области

Парадоксы яблочного изобилия

Когда в последних числах августа прошлого года я уезжал в командировку по Российскому Черноземью, прилавки московских магазинов, несмотря на разгар сезона, отнюдь не ломились от обилия фруктов. Из косточковых в продаже иногда появлялась недозрелая слива, семечковые были представлены первосортными — если верить ценнику — зеленюхами на цвет, величиной чуть больше грецкого ореха яблоками, один вид которых вызывал оскомины и сводил челюсти. Этот фруктовый дефицит, собственно, и подсказал маршрут командировки.

Российское Черноземье, истари яблочный край, находится, по нынешним меркам, рядом со столицей. Поэтому, казалось, именно здесь будет легче всего найти объяснение, почему в самый разгар сбора фруктов в очередной сезон отказывается функционировать долгожданный и не единожды обещанный конвейер «сад — магазин». В щедрости урожая я мог убедиться не только по официальным отчетам и запротоколированным выступлениям — мимо окон поезда, мчавшего меня в Мичуринск, яблочную столицу края, пронеслись огрузившиеся плодами сады, а во время коротких стоянок вагоны, по местной традиции, атаковывал «частный сектор» с ведрами «штрифеля», «боровинки», «аниса», «папировки», «пепина шафранного» и еще каких-то других, неизвестных даже хозяевам, но удивительно аппетитных на вид сортов. Пассажиры упрасивали: возьмите, два рубля ведро — разве дорого? Однако покупателей было

начале века садоводство в России было сосредоточено преимущественно в трех регионах — Центрально-Черноземной зоне, центральных районах Украины и в Поволжье, — имевших в совокупности около 60 процентов всех насаждений страны. Из них на черноземные губернии собственно России приходилась чуть ли не одна пятая садов империи. Сравнительно интенсивно велось промышленное садоводство в Крыму, Средней Азии, Закавказье и на Северном Кавказе. И все же, несмотря на исключительно благоприятные условия в этих зонах, резкое экономическое отставание окраинных районов державы сказывалось на развитии этой отрасли хозяйства.

Во всей Средней Азии садами было занято всего 19,6 тысячи гектаров — в 1,7 раза меньше, чем в одной Курской губернии. В Закавказье — 46,5 тысячи гектаров, что всего на десять процентов превышало площадь садов в Воронежской. Слабо было развито садоводство в Подмоскovie, на Брянщине. На огромных просторах Казахстана, Киргизии, не говоря уж о Сибири, Дальнем Востоке, Урале, Башкирии, Чувашии, плодовых насаждений почти не было.

Сказанное выше, полагаю, дает не только возможность правильно осмыслить давние истоки и причины яблочной проблемы, но и — что тоже немаловажно — отмечает охотно муссируемые ветхозаветные воспоминания наших бабушек: раньше, мол, курской или орловской «антоновки» было «навалом», а теперь ее днем с огнем не найдешь — все какие-то не нашенькие «джонатаны», «старкены», «делишесы», от которых, как говорят,

**XXVII съезд КПСС
требует от нас...**

**Почему не хватает яблок
на наших столах?
Почему при высоких урожаях
значительная их часть гибнет
на дальних подступах
к прилавкам магазинов?
Почему спрос на самые
популярные
фрукты приходится
удовлетворять
за счет импорта?
Это вопросы,
ответы на которые необходимо
знать, чтобы исправить
сложившееся положение.
Решение продовольственной
проблемы XXVII съезд
партии определил**

**Социальное
исследование проблемы**

**Леонид
ПЛЕШАКОВ**

Яблочко

немного: ну кто поедет в Тулу с самоваром, а в Мичуринск с яблоками?

Ситуация показалась парадоксальной. Здесь — густо, в Москве — пусто.

Однако еще больший парадокс ждал в самом Мичуринске. В буфете гостиницы, где я жил, такая же, как в московских магазинах, слива, как ни странно, была почти в четыре раза дороже. На улицах с лотков продавали мятую яблочную мелочь с претенциозным именем «мечта», и хотя «мечта» стоила по-божески, честно говоря, на нее даже эти деньги тратить было жалко. Фруктово-овощные ряды колхозного рынка ломились от даров южных республик, потрясая покупателей броским колоритом и заоблачными ценами. Аборигены — груша «бессемянка», румяно-полосатый «штрифель», скромная «папировка» — выглядели бедными родственниками на этом ярком празднике даров далеких земель и, сообразуясь с ситуацией, скромно грядились на заднем плане.

...Насколько помнится, у нас нет второго города, который бы был назван в честь ученого еще при его жизни. Старый Козлов получил свое новое имя в 1932 году, когда Ивану Владимировичу Мичурину было уже семьдесят семь лет. К тому времени работы великого естествоиспытателя имели уже всемирное признание.

Но главное — здесь продолжают начатое им дело. Научные исследования ведут основанная еще Мичуринским Центральной генетической лабораторией (на правах института) и Всесоюзный научно-исследовательский институт садоводства. Кадры для села готовят плодоовощной институт и сельскохозяйственный техникум. Все они, между прочим, носят имя И. В. Мичурина. Забегая вперед, скажу, что, когда я знакомился с фруктовой проблемой на месте, в хозяйствах, почти всегда оказывалось, что мои собеседники либо учились, либо учатся в Мичуринске, или же поддерживают постоянный контакт с его учеными.

Яблоко в историческом аспекте...

Для лучшего понимания нынешней ситуации иногда полезно заглянуть в прошлое.

Как рассказал мне заведующий отделом экономики ВНИИСа Илья Михайлович Каганович, в

не витамины, а только диатез. Действительно, когда каждое пятое яблоко (и было оно в основном «антоновкой») выращивалось в Черноземье, откуда до главных потребителей, промышленных городов Центра, рукой подать, плодам курских, орловских, воронежских, тамбовских садов там было легко занимать доминирующее место.

Однако за истекшие десятилетия положение существенно изменилось. С той поры сады Молдавии, например, выросли в шесть с половиной раз, а Крыма — даже в семь раз. Если до революции Закавказье по площади садов едва опережало одну Воронежскую губернию, то теперь по этому показателю оно в два с половиной раза обошло все Черноземье. Хотя последнее тоже не стояло на месте — садов тут стало в полтора раза больше, — все-таки районы-«конкуренты» росли быстрее, так что теперь на Черноземный Центр приходится не каждый примерно пятый гектар сада страны, а где-то только двадцать пятый. Да и выгодное географическое положение значительно снивелировано техническим прогрессом. На дорогу в Москву самолет из Средней Азии тратит меньше времени, чем авторефрижератор, допустим, из Ельцы или Обояни. Транспортные издержки? Потребитель согласен оплатить — было бы качество.

Такой вот расклад. Понятно, яблоки — не пшеница, а сады — не зерновой клин. Из всех сельскохозяйственных отраслей плодоводство наиболее долговременная, и это обстоятельство в значительной степени сказывается на его судьбе. После закладки сада до первого промышленного плодоношения проходят долгие годы. Правда, потом урожай можно собирать в течение нескольких десятилетий, хватило бы только терпения и средств дожидаться их. Но с последними — то в этом краю всегда было нескладно.

Российское Черноземье лежит в зоне так называемого Подстепья, потому в его лике угадываются черты соседней и с севера и с юга. От степи оно взяло раздолье, но не тот распластанный плоский простор Прикаспия. Задонья или Северной Таврии, отчего природный ландшафт выглядит там довольно-таки однообразно. Здесь земля всхолмлена и обильно изрезана глубокими оврагами. Последние не кажутся свежими резаными ранами на теле Земли, а скорее напоминают сложные, вытя-

как первоочередное дело, и решить ее предстоит в самые короткие сроки. Сделать это невозможно без анализа ошибок, недоработок. Досконально разобраться в них — значит найти пути их устранения. Прошло время ссылок на так называемые «объективные обстоятельства», служившие прикрытием для тех, кто не умеет работать, не чувствует своего долга перед обществом, перед людьми. Больше нельзя мириться с потерями, с бесхозяйственностью. Достижения науки и техники, организация и дисциплина, всемерная активизация человеческого фактора должны стать надежными условиями решения продовольственной проблемы.

нувшиеся на десятки километров безводные речные системы с многочисленными крупными и малыми притоками. От северной родни Подстепье сохранило немногочисленные леса. Лишь в редких местах они образуют значительные массивы. А в основном лоскутками отпущены на неудобья, в буераки, на тощие почвы, где с плугом не пройти, а пройдеши, все равно не получишь урожая. Все, что можно распашать, превратилось в поля, давно уж распашано до самых овражных урезов. Сами крутояры пошли под выпас, и острые овечьи копытца на сотни лет вперед высекли по их склонам многоэтажные террасы.

Здесь же мужики испокон веков страдали от безземелья и, чтоб как-то свести концы с концами, искали приработка на стороне. Когда стал подниматься Донбасс, все Черноземье хлынуло на его заводы и шахты. Легкие на подъем уезжали туда навсегда, обремененные большими семьями — лишь на зимний сезон, возвращаясь в теплое время к сельским работам. Знаю это не из десятых рук. В Донбассе поработали мой дед и все мои дядя. На него сменили свою деревню мои родители, так как доставшийся к свадьбе клочок земли прокормить молодую семью не мог. Тем, кого не убедил пример из моей семейной хроники, могу привести длинный список известных всей стране уроженцев Черноземья, стартовавших к будущей славе в Донецком бассейне. Однако ограничусь лишь одним человеком: Алексей Стаханов по происхождению наш, липецкий.

Да, но какое это имеет отношение к яблокам? Как ни странно, прямое. При остром дефиците земли для сельскохозяйственных культур сама

собой устанавливалась жесткая табель о рангах. На первом месте стоял хлеб — он всему голова. Дальше — картошка, второй кормилец. Обязателен был овес, без которого не станет работать лошадь, главный транспорт и тягло. Высоко ценились просо и гречиха, кормившие кашей, и, естественно, конопля, дававшая волокно для посконной пряжи и домотканой замашки, одевавшая людей. Каждый крестьянин кроил свой надел в строгом соответствии с этой табелью. При дележке сады отодвигались в самый конец очереди, и чаще всего земля им уже не доставалась. Их не считали баловством, скорее роскошью, признаком достатка. Они были своеобразной визитной карточкой экономического состояния села или отдельного подворья. По ним судили: живут в нужде или достатке, трудяги или лядащие. Даже в пору осенних свадеб, когда, согласно обычаю, родственники жениха и невесты ездили друг к другу «смотреть дворы», их придирчивый глаз подмечал не только обстановку в доме, скотину на подворье, но и есть ли сад. Наличие последнего повышало «акции» будущей родни, и, наоборот, они падали, если в огороде за домом не было ни одного корня: человек без сада, известное дело, либо безнадежно беден, либо бесконечно ленив.

...И на весах экономики

Как ни странно, но в психологии людей эта табель о рангах сохранилась поныне. Сады живут долго, и в наш богатый на различные венения и эксперименты век им не раз приходилось испытывать на себе результаты такой несправедливости. Известно, всякие блага достаются крайнему в последнюю очередь. Зато с них всегда — первый спрос. И чуть что

не так — их первыми высекают под корень. В буквальном смысле.

Наберитесь терпения, прочтите цифры, с которыми познакомили меня в Мичуринске: для понимания истоков нынешней яблочной проблемы эти цифры дают очень многое.

Сейчас, согласно переписи, в центрально-черноземных областях (Воронежской, Тамбовской, Липецкой, Курской, Белгородской) имеется 149,1 тысячи гектаров садов. Из них 77,1 тысячи гектаров числятся за совхозами и другими государственными хозяйствами, 32,6 тысячи гектаров — во владении колхозов, 39,4 тысячи гектаров — в пользовании населения.

Остановимся пока на садах общественного сектора, которые дают около шестидесяти процентов урожая. Их формирование происходило в нескольких этапах.

Сразу после революции на базе бывших крупных помещичьих и купеческих садов начали создаваться государственные плодородческие хозяйства, которые специализировались в основном на выращивании фруктов. Мелкие помещичьи сады были унаследованы совхозами многоотраслевого направления, а позже и колхозами. В годы коллективизации садоводство Черноземья переживает как бы второе рождение. Новые плантации закладывают молодые колхозы и совхозы общего профиля. Организуется также и сеть крупных плодородческих хозяйств.

Следующий этап приходится на 1961—1962 годы, когда специализированное садоводство было поставлено на промышленную основу. Мало того, что площадь под садами выросла в полтора-два раза. В областях создавались тресты, которым подчинились производство, частичная переработка и транспортировка фруктов и полуфабрикатов потребителю. На этот период приходится организация новых хозяйств с закладкой интенсивных насаждений с большей плотностью деревьев. С учетом этого опыта расширялись ранее существовавшие сады, внедрялись более урожайные и более приспособленные к новому методу ведения хозяйства сорта.

Плодовые деревья живут долго. И если внимательно присмотреться к хозяйствам-ветеранам, в структуре их садов нетрудно заметить все извивы и наслоения предшествующих пяти-шести десятилетий. Они, как в зеркале, отражаются в экономике отрасли.

Сейчас в черноземной зоне действует 74 специализированных плодородческих хозяйства, которые производят девятую часть плодов и ягод общественного сектора. Урожайность в них выше, чем в индивидуальных садах, не говоря уже о колхозных. Но даже беглое знакомство с положением дел убеждает: и тут специализация и концентрация далеки от того уровня, который обеспечивает наивысшую эффективность производства. Из этих 74 хозяйств только 18 организованы как агропромышленные предприятия садоводческого профиля, где в едином технологическом процессе объединены производство, хранение и переработка малотранспортабельной продукции. На этих 18 передовиков падает основная нагрузка: располагая всего тридцатью восьмью процентами насаждений, они дают шестьдесят процентов всего валового сбора плодов и ягод, выращиваемых в здешних специализированных хозяйствах. Такая вот перевернутая пирамида.

В свое время ученые-экономисты ВНИИСа провели исследование, которое показало, что высокой рентабельности в этой отрасли могут достичь только те хозяйства, которые имеют крупные, по 800—1500 гектаров, сады. На плантациях меньшего размера экономические показатели резко снижаются. Садами же в несколько десятков гектаров вообще не имеет смысла заниматься: неоправданная трата земли и сил. Это первое.

Вторая отмеченная закономерность: наивысшей эффективности в плодородстве можно достигнуть только в хозяйствах, где уровень специализации близок к 90—95 процентам, где площади садов и пашни соотносятся как один к одному или два к одному. Пахотный клин такого размера способен удовлетворить свои внутрихозяйственные потребности в продовольствии, обеспечит овощами и животноводческой продукцией собственное население и привлеченную в горячую пору рабочую силу. Зато при таком соотношении можно главное внимание уделить садам — основным производителям товарной продукции. А они в долгу не останутся.

В Воронежской области имеется два молодых (по садовым меркам, разумеется) плодородческих совхозов — «Крыловский» и «Новоусманский», площадь садов в которых равна соответственно 1295 и 1227 гектарам, а уровень специализации — 86,6 и 88,3 процента. Среднегодовой урожай яблок за последние четыре года здесь достиг соответственно 138,7 и 153,3 центнера с гектара, а каждый гектар дал в среднем по 2867 и 2480 рублей чистой прибыли в год. Себестоимость центнера продукции

составила семь рублей двадцать две копейки и восемь рублей шесть копеек. Самая низкая в РСФСР! Производство килограмма яблок обходится всего в 7—8 копеек!

А вот в совхозе «Кочетовский», что под Мичуринском, при 5460 гектарах пашни сады занимают всего 860. Кроме них, есть крупный рогатый скот, молочное стадо, немного свиней, овец. Садоводство и тут дает больше половины общего дохода, однако урожайность всего 58,8 центнера, а прибыль — 540 рублей на гектар.

Одна зона, примерно одинаковые условия, но как разительно разные результаты! А ведь есть хозяйства, где площади садов и пашен соотносятся как один к десяти, одиннадцати, а то и более. И как естественное следствие — резкое снижение всех экономических показателей садоводства. Урожай, который при рачительном ведении дел получают с одного гектара, тут берут с пяти, бывает даже с десяти. Это ли не растративание земли, плодородные силы которой способны на большее?

Ну, удивительно ли: самая доходная отрасль Черноземья не выдерживает конкуренции других отраслей, и сбивают ее с ног не доводы экономики, а укоровившаяся в нашем сознании высокочтимая стародавняя табель о рангах. Кто спорит: конечно, хлеб — всему голова, необходимы нам молоко и мясо, нужны сахар и крупы. Но и яблоки тоже! Особенно если учесть, что фруктов мы потребляем меньше рекомендуемых медицинской норм и отстаем по этому показателю от уровня развитых стран.

Что город заинтересован во фруктовом изобилии — факт очевидный. Однако экономически грамотное и хорошо организованное садоводство в первую очередь нужно все-таки самой деревне. Эта отрасль как наиболее рентабельная дает возможность быстрее накапливать средства для решения социальных проблем сегодняшнего села. Высокие доходы и прибыли — не абстрактные экономические категории и не досужие цифровые показатели для разного рода отчетов и итоговых реляций. Это деньги, без них не построишь современное жилье и объекты социально-культурного назначения, требовательность к которым у сельского жителя все время возрастает. Не забудем также, что садоводство — отличная сырьевая база для местных перерабатывающих производств, и это решает проблему занятости для вторых членов семьи и тех рабочих рук, что высвобождаются с окончанием летних сельскохозяйственных работ.

Короче, как ни поверни, — сплошные выгоды. Непонятно только, почему используются они далеко не полностью?

Может быть, ученые в чем-то ошибаются? Может быть, взгляд из кабинетов НИИ — при всем его добротном научном фундаменте и объективности — видит картину все-таки со стороны, а там, где яблоко начинает свой путь к нашему столу, все выглядит иначе? В общем, спустимся на землю, поговорим с теми, кто это яблоко выращивает.

Иван Семенович Зимин, генеральный директор Липецкого плодородческого объединения, рекомендует побывать в трех плодородческих совхозах: «Агроном» Лебедянского района, «Ключе жизни» из-под Ельца и долгоруковском имени Тимирязева. Они — наиболее крупные по площади, тут собирают хорошие урожаи, ведут переработку фруктов, их хранение. По их проблемам можно судить о проблемах всей отрасли.

У начала яблочного конвейера

Совхоз «Агроном» встает рано. Уже в шесть утра в диспетчерской на центральной усадьбе собираются на планерку руководители различных служб во главе с директором Александром Владимировичем Кычаковым. По радио диспетчерская связана с управляющими девяти своих отделений, а также с РАПО и другими хозяйствами района. Таким образом, все участники планерки — и те, что сидят здесь, и те, что находятся от нас за десятки километров, — включаются в обсуждение вчерашних дел, а также программы действий на сегодня. Опиерируют цифрами, фактами, предъявляют друг другу взаимные претензии, выясняют причины неувязок, тут же «снимают» спорные вопросы. Но для меня все это темный лес. Наконец выплыла знакомая и мне «фруктовая» тема. Оказывается, накануне вечером прибыли авторефрижераторы за яблоками для Москвы и Калинин. И это обстоятельство, к моему удивлению, кое-кого из присутствующих не столько обрадовало, сколько озадачило. Я уже знал, что в нынешнем году в садах «Агронома» выращен хороший урожай, и полторы тысячи липецких студентов, помогающих совхозу убирать его, уже успели загрузить в холодильники сотни тонн яблок. Казалось, есть транспорт, есть фрукты — ну и гони их потребителю.

Василий Никонович Левшин, агроном по реали-

зации (есть в совхозе и такая должность), после планерки объяснил мне суть дела:

— В 1985 году «Агроном», согласно договору, должен отправить в Москву 900 тонн свежесъемных яблок первого сорта. Но нынешнее лето выдалось дождливым, и яблоки не приняли окраску. И «коричневые», и «мелба», и другие обычно ярко окрашенные сорта получились белесоватые. А раз нет положенного по стандарту цвета — будут резать сортность.

Вот ведь как получается: в высоком качестве продукции ее производитель заинтересован не меньше потребителей. Что последние требуют от яблока? Чтобы оно было зрелым, вкусным, аппетитным на вид, естественно, не тронутым ни червем, ни гнилью — короче, первосортным. Садоводы желают того же еще в большей мере. Для них качество плодов напрямую связано с их ценою, а значит, с доходами и прибылями хозяйства, с отчислениями на соцкультбыт, премиями и так далее. Заготовительные цены первого сорта в полтора раза выше, чем второго, и вдвое — третьего. Так что есть прямой смысл бороться за сортность и стандартность.

Но сколь неравно положение сторон: потребителя капризы природы лишают красивого яблока, садоводы они элементарно бьют по карману.

Практически каждое лето в Центральном Черноземье случается град. Правда, идет он обычно не особо широкой полосой, но так как площади под садами заняты обширные, то под удар стихии какая-то часть плантаций попадает обязательно. Год от года отличается лишь тем, что в одно лето потери от градобоя больше, в другое — меньше. Амплитуда колебаний внушительная. План — сто центнеров яблок с гектара — «Агроном» перекрывает ежегодно, что позволяет ему постоянно становиться дипломантом ВДНХ. Но если в выдающемся по урожайности 1978 году было собрано на круг по 191 центнеру с гектара, то в 1983-м получено по 131, а годом позже — едва перешли плановую цифру — 100,2 центнера. Причина последнего относительно низкого показателя — град. К тому же он не просто околачивает плоды с деревьев и тем самым снижает урожай — он калечит даже те яблоки, что каким-то чудом удержались на ветках. Они вызревают, набирают свой обычный вкус и аромат, но их изуродованные кавернами и вмятинами тела теряют товарный вид. Встретив такие в магазине, мы возмущаемся садоводами. А их надо бы не винить, им нужно сочувствовать. Они и так уже наказаны дважды — природой и стандартом. Требования последнего предельно строгие: даже если градины не пробили кожуру яблока и оно не начало преть от этого, все равно на каждом плоде не должно быть более пяти отметин от их ударов. Больше пяти — уже не стандарт, свежими в торговлю не отправивши, только в переработку.

О сетованиях Левшина я вспомнил в молодом саду шестого отделения, куда меня привез Юрий Васильевич Худяков, главный агроном совхоза. Сад посадили в 1976-м, и только в нынешнем году он был переведен в разряд плодоносящих. Кроны приземисты, близко стоящих друг к другу деревьев надрылись от гроздей крупных — порой три штуки — уже килограмм — не кричаще, а как-то очень элегантно окрашенных яблок, которые оказались к тому же удивительно сочными. Разломивши пополам — и на матовой, крупчато-сахарной мякоти прозрачные прожилки и затеки, будто вприсынут мед. В Черноземье такие яблоки называют наливными. Укусишь — сок так и брызнет. А вкус!.. Такое яблоко и на ВДНХ отправлять не стыдно.

— Это наш новый позднеосенний сорт «жигулевское», — объяснил Худяков, — и потребительские качества хорошие, и хранится достаточно долго.

Студенты Липецкого политехнического института осторожно собирали урожай в мягкие брезентовые ведра, а потом так же осторожно, без ударов, перекладывали в стандартные, на четверть тонны контейнеры. Проворный трактор затаскивал в узкое междурядье длинную и приземистую прицепную тележку — контейнеровоз с выносной стрелой. Стрела легко подхватывала контейнеры и ловко устанавливала на тележку плотно друг к другу. Едва погрузка закончилась, трактор не торопясь вытянул весь состав на дорогу и покатыл без рывков и толчков на центральную усадьбу.

— Собранные яблоки, — сказал Худяков, — нельзя долго держать на солнце. Иначе случится «загар» и они начнут быстро портиться...

— Успеют ли? Наверное, завтра уже будут в Москве, а там в магазинах не залежатся...

— Эти попадут в Москву не скоро: несколько месяцев будут отлеживаться в нашем холодильнике. Сейчас же отгружаем те, что не могут долго храниться.

Оказалось, что самое выгодное для хо-

зяйств — реализовывать яблоки в свежем виде, особенно когда отгружают их в зимний период из собственных хранилищ. Директор совхоза имени К. А. Тимирязева Иван Васильевич Соколов привел на этот счет достаточно убедительную цифровую выкладку. Так, закупочная цена одного килограмма первосортных яблок первой группы с шестидесяти копеек в сентябре вырастает постепенно к апрелю до одного рубля двадцати копеек. Первосортные яблоки второй группы будут стоить соответственно 42 и 87 копеек.

В принципе интересы садоводов и потребителей в данном случае совпадают. Последние, как никто другой, заинтересованы в свежих фруктах и понимают, что полугодовое их хранение и сортировка требуют затрат, а потому удвоение цены выглядит вполне оправданным.

Однако есть тонкость. Современных хранилищ (с искусственным охлаждением, а тем более со специальной газовой средой) в хозяйствах пока что далеко не достаточно. В «Агрономе», например, их вместимость — 4200 тонн при среднегодовом урожае фруктов 12—15 тысяч тонн (в рекордном 1978 году было собрано даже 28 тысяч!). В совхозе имени К. А. Тимирязева хранилища могут принять только 3700 тонн из 10500, которые здесь выращены и собраны в прошлом году. В других хозяйствах положение не лучше. Как говорилось выше, хранение яблок первой группы при прочих равных условиях дает доход на одну треть больше, чем второй группы. Не нужно быть великим экономистом, чтобы угадать, какому виду будет отдано дефицитное место в хранилищах. Не нужно быть мудрецом, чтобы догадаться, какие яблоки будут в первую очередь прямо из садов отгружены в торговую сеть промышленных центров. Естественно, не те, что получают качеством и стойки в хранении. Не здесь ли упрятана разгадка странности нашей торговли: в самый разгар сбора фруктового урожая она предлагает нечто такое, что при самом богатом воображении и самом пылом желании не назовешь ДАРАМИ ЩЕДРОЙ ОСЕНИ.

Нехватка хранилищ на селе заставляет гнать фрукты (с несколькими перегрузками в пути, с перепадом температур и прочими неприятными для свежих плодов условиями) за тридевять земель на городские базы, где в течение всей зимы горожане будут вынуждены перебирать гниль, которое некогда было (и могло еще долго оставаться, не тронь его преждевременно с места) первосортной продукцией. Были бы фруктохранилища на селе более емкими, значительную часть продукции, которая сейчас гибнет на нелегком пути к потребителю, можно было бы спасти. Дополнительные фруктохранилища не только бы избавили от транспортных и иных авралов в период уборки урожая, но и значительно облегчили бы переработку сырья. Были бы площади и емкости для хранения, можно было бы с большим умом и рачительностью распорядиться даже нестандартной продукцией. Но мы все стараемся переиграть экономикой и в результате наказываем сами себя. Известно: ленивый два раза переделывает, скупой два раза платит.

Проблема хранилищ — лишь небольшой штрих из жизни замыкающего строй в несправедливой табели о рангах. На эти несправедливости наткнешься на каждом шагу. Самая эффективная отрасль сельской экономики Черноземья — чего только не способна она взвалить на свои плечи! А в «Агрономе» — хороший клуб, стадион, магазин, больница, аптека, столовая. Все отделения электрифицированы. В жилых домах водопровод, канализация, газ. Каждый год совхоз строит для своих рабочих по 40—50 квартир. Денег хватало бы и на большее количество, да слабоваты, к сожалению, подрядные строительные организации. Для студентов и сезонных рабочих, занятых на сборе фруктов, совхоз построил в каждом отделении общежития и пункты питания, способные принять одновременно 3800 человек. В совхозе имени К. А. Тимирязева в этом плане пошли еще дальше. На первом отделении там создан лагерь труда и отдыха с общежитием на 550 мест, открытым плавательным бассейном, газифицированной столовой, летним кинотеатром. Есть тут душевые, медпункт. И все это для студентов, приезжающих всего лишь на два месяца убрать яблоки. Вот что могут сады, на долю которых приходится 80—90 процентов доходов этих совхозов!

А вот что можем сделать для них мы.

Чтобы Липецкая область справилась с планом по выращиванию сахарной свеклы, недавно было решено отдать этой культуре часть пахотных земель и в специализированных садоводческих хозяйствах. Вроде бы все правильно, к тому же не очень большие площади обязали возделывать. Но... садоводческие совхозы уже забыли, когда занимались свеклой. Значит, ни опыта, ни соответствующих кадров, ни техники, ни, выходит, урожая. Сахарная свекла требует много ручного труда, и обработ-

ка ее плантаций совпадает по времени с напряженной работой в саду. На свекольном поле — прорывка, прополка, а в саду в это время начинается сбор земляники, малины, черной смородины, в плодовом питомнике в разгаре окулировка. Тяпание свеклы совпадает по срокам с зеленым черенкованием, ее копка — со сбором яблок. Всякий раз приходится чем-то жертвовать, что-то делать второпях. Обычно проблему решают за счет садов.

Каждую отрасль хозяйства можно рассматривать как совокупность взаимосвязанных, объединенных общей целью составляющих. Логично, что успешное функционирование всей отрасли зависит от одновременной хорошей работы каждой ее части в отдельности. Иначе любое «узкое» место станет определяющим, заставит равняться по нему и тем самым перечеркнет, сведет на нет успехи предыдущих и последующих этапов. Применительно к нашему случаю это будет выглядеть так: наибольшую отдачу в садоводстве мы получим лишь в том случае, если на одинаково высоком уровне будет вестись селекционная работа, осваиваться наиболее интенсивные методы выращивания плодов, будут высокомеханизированы все виды садовых работ, осуществлен комплекс мероприятий по надежному и безотходному хранению, переработке, транспортировке и сбыту продукции. Выражаясь обтекаемо, каждая из этих составляющих таит пока большие резервы. Если же говорить без обиняков, то придется признать, что наше садоводство, рассматриваемое как единый комплекс, в своем развитии заметно отстает от других отраслей сельского хозяйства.

Меняю дрова на яблоки

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте садоводства имени И. В. Мичурина мне с гордостью сообщили, что к 1985 году здесь выведено 160 сортов плодов и ягод, сконструировано 65 машин (17 из них выпускается серийно), получено 186 авторских свидетельств на изобретения, разработаны 63 новые технологии и научные рекомендации. И все — для садоводства. Список, что и говорить, выглядит впечатляюще, как, впрочем, и цветные слайды, иллюстрирующие эти успехи, и машины «в натуре», которые можно обзреть на смотровой площадке института. Однако при более близком знакомстве оказывается, что многие предлагаемые институтом машины и механизмы так и остались в опытных образцах, а те, что пошли в серийное производство, выпускаются промышленностью в количестве, не соответствующем потребностям отрасли.

При нынешнем дефиците рабочих рук на селе большинство проблем, которые ставит садоводство, можно решить только с помощью высокой механизации всех процессов.

Тем не менее механизация — самый больной вопрос. Когда лет пятьдесят — шестьдесят назад главным яблоком Черноземья была «антоновка», к зрелости выраставшая в крупное дерево, сады сажали по схеме «10 на 10 метров», размещая на гектаре по сто корней. В последующие годы поиск селекционеров был сориентирован, ко всему прочему, на создание низкорослых сортов, что облегчало механическую обработку плантаций и уборку урожая. Небольшие деревья позволяли вести более плотную посадку, и теперь на гектар втискивают по 250, 312 корней, что само по себе повышает сбор. Но узкие междурядья можно обработать только малогабаритной, маневренной техникой, приспособленной для использования именно в садах. Увы, такой специализированной техники чрезвычайно мало.

Подобные примеры можно было бы продолжать и продолжать. Но вряд ли они будут интересны, а может быть, даже и понятны неспециалистам. Поэтому обратимся к проблеме, которая касается одновременно всех нас, всем нам одинаково близка: каким приходит яблоко на наш стол, имея в виду под словом «яблоко» не только этот плод в натуре, но и всякую другую продукцию, из него изготовленную.

Татьяна Ивановна Бутасова, главный экономист «Агронома», в конце нашей долгой беседы о всякого рода трудностях садоводческих хозяйств мечтательно произнесла:

— Дали бы нам линию под евробутылку, тогда бы мы развернулись!

Под евробутылкой Татьяна Ивановна имела в виду стеклянную бутылочку емкостью 0,35 литра, в которой сейчас продают «фанту», «пепси-колу», «тархун», квас, а случается, и болгарский сок.

Лебедянскому совхозу линия под евробутылку нужна для разлива яблочного сока. Причем собираются его купажировать — я бы сказал, облагораживать — с соком черной смородины, малины, черно-плодной рябины, сливы. Яблочный сок «Агроном» изготавливал и раньше, но выпускал в трехлитровых банках, от которых в прошлом году торговля отказалась по причине затоваривания.

Яблочные соки трехлитрового разлива стали притчей во языцех у всех журналистов, писавших о яблочных делах. Получается, что, поменяв мы громоздкие банки на более мелкую посуду, вопрос о расширенном сбыте соков решится сам собой.

Если бы так!

Лично мне справедливые претензии к опустыленным всем банкам видятся не больше чем частным фрагментом в огромной проблеме под названием «ТАРА», которая так неразрывно связана с понятиями «ПЕРЕРАБОТКА» и «РЕАЛИЗАЦИЯ» фруктов, что говорить о них по отдельности невозможно.

Но вернемся к разговору с Татьяной Ивановной. Когда я искренне посочувствовал совхозу по поводу отсутствия разливочной линии под евробутылку, оказалось, что это только одна из многих претензий подобного плана. «Агроном» в большом объеме производит так называемое яблочное тесто (проще — яблочное пюре), которое отправляет в пищевую промышленность в ветхозаветных деревянных бочках. Заказчикам бочки неудобны. Заказчики требуют, чтобы полуфабрикат фасовали в жестяные килограммы на 8—10 банки. Но у совхоза нет ни банок, ни соответствующей линии. Хотели бы тут наладить выпуск различных джемов и повидла в мелкой расфасовке, пользующихся повышенным спросом покупателей. И опять: ни линии, ни стеклолары. Местная «антоновка», превосходящая своими желевыми качествами все другие сорта яблок, будто специально создана для переработки на мармелад и пастилу. Как-то в «Агрономе» изготовили пробную партию этих дефицитных кондитерских изделий. Рассказывают, все получилось замечательно, но... дальше дегустация дело не пошло: нет оборудования для промышленного производства и так далее...

Мы много теряем от снижения качества фруктов и даже их гибели при транспортировке в города и последующего содержания на городских плодово-овощных базах — это ни для кого не секрет. Как уже говорилось, хранить фрукты по месту их производства более надежно. Но вдобавок еще и дешевле: на испорченные и отбракованные плоды не ложатся транспортные расходы. Есть еще немаловажная деталь. То, что город не сумел сохранить, чаще всего прямым ходом идет на свалку. В селе же порченные фрукты можно скормить скоту. И отходы переработки — тоже. Сейчас модно говорить о безотходном производстве. В «Агрономе» мне впервые удалось познакомиться с ним воочию: душистая коричневая крупа, которая пришла по вкусу и коровам, и овцам, и свиньям, оказалась высушенными яблочными выжимками, остающимися при производстве сока. Стопроцентное использование урожая!

В этой командировке я довольно часто замечал, что в какой-то момент журналист во мне уходит на второй план, безоговорочно уступая место просто горожанину, если хотите, покупателю, который регулярно бывает в магазинах, на рынке, а потому знает фруктовую (в самом широком смысле) конъюнктуру по личному опыту.

Так вот, с такой сугубо личной и достаточно пристрастной позиции я и хотел бы теперь рассмотреть проблему, которой посвящена эта глава. О вкусах, разумеется, не спорят. Однако осмелюсь утверждать, что наши яблоки вкуснее и как-то душевнее импортных. В последних выпирает наружу нескрываемый прагматизм. Они словно кричат: мы выросли, чтоб нас покупали и ели. Они красочны и броски, как мастерски сработанная реклама. А попробуешь — ни аромата, ни вкуса. Форма превалирует над содержанием. Как, впрочем, в большинстве импортных фруктовых консервов — все эти красивые на вид компоты, джемы, конфитюры. Говорю с уверенностью, потому что всегда покупаю только импортные.

Я не оговорился. Просто есть вещи, через которые трудно переступить. Не могу, например, платить деньги за банку с соком, когда ее жестяная крышка подернута рыжей изморозью ржавчины. Не куплю варенье, если по этикетке, выдержанной в грязно-непонятных цветах, самодельная резиновая печать огромными фиолетовыми буквами отпечатала дату выпуска продукции и ее первосортность. Не могу видеть, как из ломаных, не первой свежести ящиков, окованных для прочности ржавой жестяной лентой, продавцы выуживают помятые яблоки вместе со стружкой, которая их должна бы сберечь, да не уберезла, а только напиталась их соком. Почему наша тара, расфасовка не столько агитируют за покупку, сколько отвращают от нее? Может быть, от того, что наш рынок своей емкостью и высокой покупательной способностью отучил производство думать о потребителе как о чем-то одушевленном? А ведь каждый из нас — индивидуальность, а не усредненная единица статистики. У каждого — свои требования, привычки, резоны.

Когда прошлым летом возникла угроза затова-

ривания соков, в качестве спасительной меры предлагалось впродоль выпуска их не в трехлитровых банках, а в менее емкой стеклянной таре. Как уже говорилось, в унисон со всеми мечтательно вздохнуло о евробутылке в 0,35 литра и Черноземье. Наверное, такая мера действительно повысит сбыт плохо реализуемой продукции. Однако бросается в глаза традиционность предлагаемого решения. Стеклянную банку заменить стеклянной бутылкой — это равносильно тому, что вести прежние рассуждения о «потребителе вообще». Ведь пустая бутылка в 0,35 литра весит 350 граммов. Значит, на каждый литр сока нужно из магазина принести еще и килограмм стекла. Если дом рядом — это еще терпимо. Ну а, предположим, в турпоходе, когда каждый лишний грамм в рюкзаке режет плечо? А как быть с пустой посудой?

Выход напрашивается сам собой — нужно разнообразить тару.

За рубежом, например, соки и напитки фасуют в пластиковые бутылки — литровая емкость весит всего сорок граммов, — в тару одноразового использования из тонкого алюминия и жести с вырванным клапаном или крышечкой, в мелкую упаковку различной формы из фольги и ламинированной бумаги. Есть у нас и свой опыт: продаем молочные продукты в полиэтиленовых мешочках и бумажных пакетах различной формы и емкости. Изредка появляются в магазинах и соки в пакетах «дойлак». Иногда их подают на обед пассажирам на некоторых линиях Аэрофлота.

Давно настало время менять стеклянную тару для джемов, повидла, компотов, переходить от нынешних непрактичных жестяных крышек, «намертво» закупоривающих банки, к поворотным. Короче, даже в такой, казалось бы, простой схеме, как «продукт — упаковка», скрыто немало нерешенных пока проблем. Одно ясно: самим садоводам их не решить, ибо нужно специальное оборудование, сырье для тары, фасовочные линии, антисептики и все прочее, что можно сконструировать и создать только в промышленных условиях. Нужны, наконец, дизайнеры и художники, которые придумали бы удобную для пользования и приятную для глаза, разнообразную по виду и назначению тару для широкого ассортимента продукции, изготавливаемой из плодов...

Или вот еще одно «узкое» место — деревянные ящики, в которых наши яблоки поступают в магазин. Весит это неказистое сооружение пять килограммов, вмещает в зависимости от сорта 20—23 килограмма фруктов. Эти ящики называются оборотной тарой, поэтому, согласно правилам, они должны совершить по пять рейсов из сада в магазин и по пять обратно. За такую короткую жизнь их столько раз погрузят, разгрузят, швырнут, забьют, вскрыют, потрясут в дороге и торговых точках, что они превращаются в дощатые развалюхи, с вывихнутыми, сгибающимися в любую сторону суставами. Яблокам в них неудобно. Несмотря на древесную стружку и бумажные прокладки, они бьются друг о друга, о дощатые стенки. Странное дело: в садоводческих хозяйствах при отгрузке первосортным яблокам разрешается иметь не более двух следов «нажима» от чьих-то неосторожных пальцев при сборе или сортировке, от случайного удара о сучок либо ленту транспортера. Зато в дороге оборотная тара им так наматывает бока, что и третий сорт покажется несбыточной мечтой. Хотя, конечно, все равно — необъяснимая загадка — реализуются первыми. И как тут не вспомнить, что с гораздо меньшим ущербом мы ухитряемся возить из-за тридцать земель экзотические бананы и манго, апельсины, мандарины и лимоны в легких картонных ящиках. Как тут не вспомнить наш личный опыт доставки и реализации товара более крупного, чем яблоки, — диетических куриных яиц: в картонных ящиках картонные вкладыши с отпрессованными яичками — и вся хитрость. Отпрессовал яички покрупнее — и яблоки целехоньками дойдут хоть на край света. Дорого? Не думаю. Испорченные при транспортировке фрукты стоят дороже. Да и послерейсовый ремонт деревянных ящиков в совхозах тоже требует затрат. А то, что на каждые 20—23 килограмма яблок сейчас приходится катать по дорогам за государственными счет 10 килограммов досок, разве это не влетает в копеечку? Тем более что после использования картонную тару легко утилизировать, а не утилизировать из нее «аутодафе» во дворах овощных магазинов, как это делается сейчас.

Но опять-таки и эту проблему садоводческим хозяйствам в одиночку не решить.

Матушка-спасительница... «бормотуха»

Лет пять назад один из центральных «толстых» журналов опубликовал интервью с доктором экономических наук, членом-корреспондентом

ВАСХНИЛ, председателем Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР Владимиром Моживым. Речь шла о Продовольственной программе, и, отвечая на какой-то вопрос, Можин, в частности, сказал:

— Все знают, например, что избытка плодов и ягод в магазинах, мягко говоря, нет. То же — с вареньями, повидлами, джемами, компотами, консервированными фруктами и ягодами. В то же время в Российской Федерации, например, в 1979 году около 70 процентов плодово-ягодного сырья, поступающего на переработку, использовалось для производства вин. Причем доля плодов и ягод, перегоняемых на вино, в целом по стране не сокращается, а растет.

Это интервью было опубликовано, когда «бормотуха», как говорится, была «в законе». Но даже тогда было ясно, что ее взлет — результат сбоя в самом механизме планирования нашей фруктово-ягодной отрасли, допущенного смещения критериев при оценке выпускаемой ею продукции. Это было начало, и не столь важно, кто там впоследствии приложил наибольшее усилие, чтобы «плодово-ягодная» отравла распустилась с годами столь пыльным цветом: садоводы ли, пищевики или ценообразователи. Известное постановление по борьбе с пьянством и алкоголизмом, принятое прошлым летом, резко обузило «бормотушный» поток и даже четко определило границу его жизни — 1987 год. Но ведь не на пустом месте возникла эта река, были клочки и родники, питавшие ее. И если еще существуют они, значит, и она не могла вот так разом пересохнуть, бесследно исчезнуть. К тому же кто-то раньше прожил на ее благодатных берегах, ею кормился. Я имею в виду в первую очередь садоводов. Они стоят у колыбели «бормотухи». Как они там теперь, в безалкогольном бытии? Довольны ли судьбой?

Как ни странно, но никто, с кем я беседовал, даже те, кто совсем недавно значительную часть своего урожая перерабатывал на плодово-ягодное вино, не вспомнил о нем добрым словом. Даже общесоюзному пренебрежительному прозвищу «бормотуха» тут, в Черноземье, имелись не менее уместные региональные синонимы: «червячка», «гнлушка» и даже рифмованное — «елецкий коньячок — два яблочка и червячок». Тем не менее причины ее былого процветания назывались разные.

— Знаете, чем больше всего привлекает «бормотуха» хозяев винокуров? — спросил меня в Мичуринске Илья Михайлович Каганович и сам же ответил: — Экономией средств. Отдавал сок, сбродил его в танках, отспиртовал, добавил положенные компоненты, отфильтровал — и можно разливать. Ни дорогого оборудования, ни мудреной технологии, все просто и чрезвычайно доходно...

— «Зеленый свет» зажгла перед «бормотухой» торговля, — как бы вступил в заочный спор с Кагановичем генеральный директор Липецкого областного плодово-овощного объединения Иван Семенич Зимик. — Там — план товарооборота, премии за его перевыполнение. А плодово-ягодное, сами знаете, идет в продаже ходко, вот торговля и требует: «давай-давай». И государству, конечно, прибыльно. Ну, а совхозы шли на это, потому что выпуск вина включался в производственный план, который они обязаны выполнять...

Юрий Васильевич Худяков, знакомя меня с «Агрономом», признался:

— Конечно, из всей переработки яблок самое выгодное — делать вино и вино-материалы. Консервные банки мы крутим практически «по нулям». Посмотрите, какой консервный цех отгрохали, и эта матина дает всего двадцать тысяч прибыли в год. А наши соседи сладили винный цех в бывшей церкви — и полмиллиона «чистыми» имеют.

В словах Худякова я уловил нотки не зависти, а скорее обиды за несправедливость, которую допустили в отношении его родного совхоза: в этом году «Агроному» запретили выпуск плодово-ягодного вина.

— Но нас это мало ударило, — успокаивал не то себя, не то меня Юрий Васильевич. — Ведь мы на вино знали максимум полторы тысячи тонн яблок. Как-нибудь вывернемся.

Совхоз «Ключ жизни» оказался в этом отношении одним из «именинников». Его история уходит в начало прошлого века, когда елецкий мясоторговец Желудков приобрел в упадения речки Воргол в Сосну обширные угодья с пахотными клином, дубравами, тенистыми оврагами, сочившимися родниковой водой. Построенная здесь усадьба, дача «Пажень», стала излюбленным местом летнего отдыха елецкой знати. Следующий владелец имени, Чеботарев, вырубил три четверти дубрав, хотел было наладить тут доходное хозяйство с садами, вздвившими в ту пору в моду.

Н

очью с моря задул ветер — моряна. Так задул, что устье Волги сразу вспухло, уровень поднялся метра на два и воду погнало в ерики, а через них, через эти ерики, которыми изрезаны узкие пыльные улицы поселка и берега, — в буйно зазеленевшие низины и заливные луга, а вместе с водой в эти самые низинные места устремилась и рыба на нерест. И это означало, между прочим, что ходу воблы конец. А до того как задуть моряне, все жители поселка, и стар и млад, с берегов, с причалов и кладок, с лодок таскали эту воблу почем зря, запасались впрок. Ловили, солили, сушили, складывали чалки вяленой рыбехи в прохладные, сухие места. На время хода брали отгулы, отпуска, а потом, конечно, отработывали.

Ну, а Тёщин Алексей Константинович свое давно отработал. Давным-давно, с самого марта сорок второго, а это сорок годов с небольшим, с того самого времени, когда ему в сталинградском госпитале ножку-то оттяпали. С самого того времени в отпуск. До ранения вес его был больше центнера, «сейфом» дразнили. Баркас многопудовый вытаскивал на берег, словно перышко, не натуживаясь, без посторонней помощи. А как отхватил хирург ногу — между прочим, попался свой, астраханский, повезло тогда Алексею Константиновичу, повозился старательно, на совесть этот земляк-хирург. — вес стал бараний, чуть побольше сорока килограммов.

Вот такое сотворила война с Алексеем Константиновичем Тёщиным. Да еще и глаз правый выбило. На этом он и отвоёвался, списали его подчистую и после госпиталя отправили сухонького донельзя, одноглазого, одногоного, на костылях, домой, в поселок под самой Астраханью, где его законная супруга Маша, Машенька, а сейчас почтенная старушка Мария Григорьевна, заливаясь слезами от жалости и горести и радуясь (хоть жив-то остался!), отхаживала, отпаивала, возвращала к здоровью, к желанию жить и трудиться. Отходила, отпоила калмыцким чаем, откормила рыбехой волжской, отогрела лаской, любовью, и снова набрал свой центнер Алексей Константинович и до сих пор поди сохраняет.

Черна темная ночь непроглядная, спать бы да спать владеть в такую ночь ветерану войны, инвалиду Алексею Константиновичу Тёщину после содеянных многих дел хозяйских по дому, после рыбалки жаркой — порядком воблы подзасолил, весь чердак увешал чалками, будет чего родичам рассыпать в посылках, — да вот не спится старику, мается.

Еще как мается! И не старые раны ноют, нет! Не раны, а душа, душа мается, болит.

И эту боль свою, после многих дней раздумий, после того, как попала в глаза никогда ранее не читаемая им «Литературная газета», мимоходом купленная в киоске внуком Женькой, на одной из страниц которой Алексей Константинович, к великой своей надежде, узнал сильно измененного временем и возрастом соратника по битве там, под Барвенковым, и не кого-нибудь, а, как это следовало из поздравления под портретом юбиляра и Указа о награждении орденом Ленина, соратника, ставшего известным писателем и главным редактором столичного журнала, он эту боль свою душевную облекает тем, что сочиняет письмо этому своему соратнику, который там, под Барвенковым, где его-то, Алексея Константиновича, и покалечило, все выспрашивал про то, как его взвод ротных минометов дважды искрошил в Капусту немецкую пехоту, выспрашивал да записывал, потом несколько раз фотоаппаратом щелкнул с разных сторон, самого и со всеми, кто бой вел этот. Шустрый лейтенант был, этот нынешний главный редактор журнала, дотошный: а что, а где, а как, покажите. Пишет свое письмо Алексей Константинович, сгоронившись в баньке, куда никого среди ночи не занесет из домашних.

Брови Алексея Константиновича кашлатые, щетинистые — а какими же им еще быть в семьдесят пять годочков — напряженно сошлись над горбатым казацким носом, отражая напряженную работу мысли. Корявые, в садах и трещинах от вечного труда (это они только на бумаге значатся на заслуженном отдыхе), непослушные пальцы выводят безобразные каракули. Ошибок в письме не счесть, да что поделаешь, грамоте некогда было учиться сироте Алешке в ту пору, когда на уме было одно — прокормиться; сначала пас чужую скотину на лугах, потом тягал чувалы на волжских баржах, пока не устроился матросом на буксир. Потом...

Потом привалило счастье — Маша, стало быть, любовь. Ушел в приемы в хорошую семью, вот в эту самую усадьбу, которую, считай, всю жизнь благоустраивает своим трудом, по своему разумению. Да началась война...

«Так что здравствуйте, уважаемый товарищ Главный Редактор доблестного журнала!»

С приветом к Вам — инвалид и ветеран Великой Отечественной войны Алексей Константинович Тёщин! Шлю я вам и вашей супруге с детками поклон и самые добрые пожелания. Все это от меня лично. И от моей супруги Марии Григорьевны.

Вы сразу так и удивитесь: какой еще Тёщин, знать не знаю. Не удивляйтесь, подойдет время, обскажу. Слыхал, што в руках у вас большая власть имеется и связи, дойти можете до самого маршала, во всякие там архивы, была бы только воля ваша на то. Сразу, товарищ Главный Редактор, говорю, говорю с чем к вам. За помощью. Или сами помогите или обскажите, как обладать.

Все у меня с супругой имеется. Дом — полная чаша. Паровое отопление. Водопровод во дворе. Обклеено обоями везде. В горнице патреты — мой и Марии Григорьевны, фото деток, унуков. Телевизор у флигеле, где мы с Марусей живем. Телевизор у дочери с зятем Володькой. Ковры над кроватями. В кухне и галерее — два холодильника, столы цветной клеенкой застелены. В шкафах одежда парадная, на вешалках в галерее — рабочая для рыбалки и работы по дому. В сарае корова. Так что молоко свое, свежее, питательное, а потому пьем по утрам с молоком зеленый калмыцкий чай. Овощ и фрукта с весны до осени своя, помидоры, лук, петрушка, персик, груша — свои. В магазин приглашают персонально: пожалуста, что вам завгодно, Алексей Константиныч? Да заместь себя посылаю я Марию Григорьевну: она у меня главный командующий об этих делах, знает чего нужнее.

Состою в Совете Ветеранов поселка. На усаях торжествах — Тёщин в Президиуме. Да, уважают меня. А то в школу просят: расскажите дедушка Леша детишкам, как воевала наша доблестная Советская Армия, как побеждала паразитов-фашистов, про свои фронтовые подвиги расскажите. В техникулище механизации тоже приглашают регулярно. Я никому не отказываю. Надеяю парадный костюм с наградами — и поехал. Раньше машину присылали, потом у меня личный транспорт стал: сначала тарабайка двухместная, теперича «Запорожец» на ручном управлении, как инвалиду выдан Государством. Райсобес выделил. Завожу — и поехал, куда приглашают. Где ждут Тёщина Алексея Константиновича. А Маруся моя — радом, в платке самом лучшим!..»

Алексей Константинович писал, и перечитывал, и сомневался, вздыхая горестно: то ли он пишет, нужно ли оно Главному-то Редактору, не затуманивает ли основного, вон сколько накопал страниц из Ольенькиной тетрадки в клеточку, а к основному-то, считай, и не подступился. А в чем оно, основное-то? Вот ведь беда какая. Не мастак и никогда им не был — расписывать про всякое такое. А тут обидя, вот ведь что. И если чего упустишь, глядишь, не так поймут. Да-а, про душу-то обиженную написать — не заявление в райсобес на уголь черкануть или родичам открытку поздравительную «Здравсье-поздравляю-до свидания, со счастьем со здоровьем». Тут надо, чтобы все сошлось, вязалось. Вот ведь в чем дело, елкин корень!

НЕ ЗАБ

Василий САМОЙЛОВ

РАССКАЗ

«Теперь про самое главное с чем я к вам, уважаемый товарищ Главный Редактор. (Эти строчки Алексей Константинович подчеркнул.)

Слушайте как было.

Только кончилась часть торжественная — памятник в День Победы открывали. Ну, тут все вразброд. Глаза утирают бабоньки. И моя Маша утирает, мне платочек подает: слезы у меня сами текут.

Как подходит один. Лябух по уличному прозвищу. Ровесник мой, токо квельый, выцветший, потому как не трудится, даже дома, а токо за выпивкой сидит.

Здоровается, а на морде усмешка пакостная. И пьяню несет. И начал Лябух хулить меня при всех: «Бабы, оно понятно: ихняя специальность — реветь. Но ты, Тёщин, артист! В театрах так не реветь мужики, как ты. Ты лучше реवेशь. У всех на виду, и эт-та воин-ветеран!»

Враз мои глаза просохли. Вроде в шутку сказано, а из шутки выходит: лицемер я, Тёщин, прикидываюсь. И не от сердца мои слезы, для видимости!

Я вошел в ярость, среб за грудки алкалика — а я, если схвачу, кости тришшат. — шепчу в ухо: «Ишо раз вкнешь — душу выну!»

Спасибо Маша не дала замараться — повисла сойкой на руке: не позорься, Лешенька. Ольенька, унученька, Женя, Володя подошли. Оттерли нас друг от дружки. Сами понимаете: праздник спортился.

Но это было только начало. Сели мы всем выводком, стало быть, в «Запорожец», прикатили домой и пряма за стол праздничный в галерее, испокон веков семейством здесь заседаем. Пироги, холодец, рыба копченая, заливная.

И тут Ольенька, унученька, чуть не плача, дрожащим голосом и говорит про то, как Толька, унук этого Лябуха, всем в школе болтает, что инвалидов, таких как я, награждают только за то, что они инвалиды, и кто больше наметет сказок про свои подвиги, тому и награда больше. У кого увечье большее — тому орден. Орден, стало быть, за увечье, а не за подвиги.

Ну, здесь у меня кусок застрял у горле. Здесь я встал...

Да, Алексей Константинович не мог в ту минуту после слов Ольеньки усидеть за столом. Он встал и ушел в горенку. И прилег на кушетку. И вел никому не входить. Лицо его стало серым. Сначала его всего трясло от гнева, так, что дыхание перехватывало, а когда перетрясло, он стал припоминать, думать и вдруг осознал, что (ведь вот досада) в чем-то этот проклятый Лябух прав! Прав в том, что действительно никаких документов, подтверждающих боевые дела Алексея Константиновича Тёщина, не было, все его документы-бумажки затерялись, когда его, смертельно раненного, в беспамятстве подобрали на поле боя, а может, когда перетаскивали на носилках из одного санитарного поезда в другой, а может, когда переправляли из эвакогоспиталя. Затерялись вместе с красноармейской книжкой и удостоверением на медаль «За отвагу», хотя медаль уцелела, с дорогим сердцу «Боевым листком» политука товарища Македона. И получалось — коль наградили орденом Красной Звезды, спустя многие годы после войны, так за ислеченность: не плачь, не тужи, утешься на старости лет. А если за боевые дела наградили — то истинно со слов поверили, стало быть.

И что обескураживало больше всего, саднило душу, так это мысль о внуках: ведь эти дорогие, близкие существа, его радость и утеха, стариковская любовь, внуки, безмерно гордившиеся дедушкой и его боевыми делами, о которых слышали, считай, еще с пеленок самых десятки раз и готовы были слушать снова и снова, для которых дедушка был тем человеком, с которого и надо брать пример, эти его внуки могут усомниться в подлинности его героизма. Не наплел ли дедушка... Для внука Женьки, призванного, которого дома в шутку звали «Наш защитник», это вообще убийство.

Про все это Алексею Константиновичу было написать не под силу. Про все это он написал так:

«Считаю, товарищ Главный Редактор доблестного журнала, подвиги у меня трое. Слушайте!»

И здесь корявые строчки, в которых ошибок было не счесть, сочинять которые составлял адский труд, так как видел Алексей Константинович прошлое, понимал и чувствовал ярче и шире, чем мог описать, для начала вещали, где и когда и каким военным наукам был обучен: окончил трехмесячные курсы школы младшего комсостава такого-то полка, такой-то стрелковой дивизии, где ему присвоили звание помкомзвода. В этой должности, с этой дивизией в ноябре сорок первого и был отправлен на защиту Родины. И сразу в бой.

Ну, слава богу, добрался он наконец-то до войны, похвалил сам себя Алексей Константинович. Теперь легче пойдет.

И тут до слуха донесли шаркающие шаги. Дверь баньки распахнулась, и на пороге из ночной продуваемой волжским ветром тьмы, словно привидение, явилась, зябко закутавшись в байковое одеяло, супруга Мария Григорьевна. Собственной персоной. Здравсье вам. В шлепанцах, повязанная ночной косыночкой из бумаги — розовая в меленький горошек. Ее полное, в защечных и подглазных мешочках, обычно добродушное и приветливое лицо на сей раз глядело сердито.

— Самолет летить, колеса стерлись! Мы не ждали вас, а вы приперлись! — весело осклабился Алексей Константинович. — Штой-та, мать, ты закужухалась? — Застигнутый врасплох, он шутками и миролюбивым тоном старался сбить накал страстей.

— Да вот понимаю: рехнулся! Сабражаешь хоть, што делаешь-то с собою, со мною?! Давно тебя сестрица с лазарету подкалывала шприцем, мышцу твою шердешую спасала?! О господи! Скоро сто лет ему, а он, как дите! За што же такое наказание! — надрывно заголосила Мария Григорьевна с явным расчетом привлечь внимание к легкомысленному поступку супруга остальных домочадцев.

Алексея Константиновича словно сдуло со скамьи.

— Што ты, милая! Зачем старишь? Каких сто лет? Только семьдесят пять стукнуло! — Он дернул жену в баньку, захлопнув дверь. Жучка едва успела проскочить, спасая хвост. — Зачем будоражишь!

— Дня ему не хватаит! Кому эт-та срочность такая да секретность расписывать? — устремила она свой взор на листки. — Ну, отведай! Уж не полюбовнице

Рисунок Антона КУМАНЬКОВА

какой?— Взгляд Марии Григорьевны из грозного и осуждающего изменился на подозрительный.

Ну, тут Алексей Константинович улыбочиво хмыкнул, развел руками: вот так удумала чего, глупее не бывает. Но это не успокоило Марию Григорьевну, она полезла к бумагам — цап-царал: говори, идол, мучитель, кому пишешь, запрочитала, заслезилась. И, вздохнув тяжело и горестно, Алексей Константинович разъяснил, чем занимается, но предупредил, что, если она разболтает, тогда... тогда... Словом, строго предупредил, очень даже строго.

— Так гляди, никому ни-ни-ни. А то ж как бумаги не найдутся, а пронюхают или растрепись, так скажут: и про бумаги выдумал. Кто знает, как оно обернется все.

И Мария Григорьевна успокоилась, крутым словечком помянула «тово малахольного» пьяницу и, укоряя, настойчиво и ласково стала выталкивать мужа вон из баньки: на кой ляд ночью толочься, хватит и дня, длинный он теперь, день-то, майский, запрет она его в горенке и грудью станет, никого не подпустит: нету — и все! А ты пиши себе, сколько тебе надо, вот.

На следующий день, удобно устроившись за парадным гостевым столом, Алексей Константинович исписывает листок за листком... Хотя и коряво и с ошибками, но зато скоро. Словно второе дыхание появилось. Пишет и почти явственно видит все сразу — вот что удивительно! — все до мельчайших подробностей, всю свою войну.

«...Слушайте. Подвиг номер один. Вот выгрузились мы с эшелону. А до того вдоль Волги проколесили из Астрахани, а в Сталинграде на Украину завернули. Ночью заморозки. Земля окоченела. И дальше пешком, суровый приказ подгонять: токо форсированным маршем, и токо по ночам. А днем хоронились по оврагам да почернелым лесам, зарывались в очугневшую земельку. Не приведи господь! Ветки маскировались. И потому земля украинская показалась вражистой да лесистой, не такой, как астраханская — привольная.

Тута и декабрь. Немец с села Иванова смылся. Мы вошли. Стали ладиться кто куда на ночлег. Я со своим другом Иваном Петровичем Петренко сеновал приглядел. Снег пошел, закрутило. И тут зовут: «Тещин, Тещин! К комроты!» Черт, шо там придумали на ночь глядя. А Ваня уже картохи разжился горяченькой, в котелке притащил. Расторопный он боец у меня был, мой друг. За винтовку я — к комроты. Сидеть посеред хаты за столом. А с ним рядом важный, видать, чин. Знаков различия не видать под накидкой, да в очках. А остороны бабка тепло одетая сидеть на табуретке. «Тещин, она покажет, где добыть «языка». Иди за ней. Ишо кто нужен в помощь, возьми! Ясна?» «Вот тебе картошечка. Рот разину!» — про себя подумал. Услух доложил: «Ясна». А который в очках добавил: очень как нужен «язык» и очень срочно.

Ну взял я Иван Петровича — его тоже обрадовал. Отложили мы закуску. В сено зарыли. И за бабкой етой.

Оно пуржит вокруг. Мы за бабкой услед. Сама оказывается, бабка-то заявила и доложила, мает двух немцев в хате, а хата на отшибе. Все фрицы ушли, а эти с перепою, што ли, остались.

Ну, тута мы, крадучись, к хате подобралась. Бабку уперед пустили и наказали свет зажечь и сигнал дать: если у постелях — левый угол рядна на окне пусть поднимет, если на ногах — правый.

Затаились, ждем. Видим: левый уголок засветился и тут же правый. Ясна: один встал, другой ишо валяется. Я, Тещин А.К., не растерялся: вбегаю в хату, Иван Петрович за мной. Я на них сразу: «Гады го!» — как нас учили ишо в школе младшего комсостава, по-нашему это: «Руки вверх», винтовку наставил, Иван Петрович по моему приказу гранатой замахнулся. Один, как бабка показала, ишо в постели был, второй сапоги натягивал. Автоматы ихние на вешалке у двери, у нас за спиной, значит, оказались.

Ну, тут они не сопротивлялись. Связал я им руки намертво, автоматы себе на плечо повесил. Покамест я с ими вошкался, мой друг по моему приказу на прицеле их держал. Взяли их одетыми, на два френча зеленые каждый. Мороз крепкий

был — 20—25 градусов. Мы сами у ватных брюках и куфайках, нам этот мороз ничо чем. Привели «языков» в роту. У нас их приняли и повели к штабу. Лейтенант прямо сказал: «Молодец, Тещин! И ты, Петренко, молодец! Это вам зачтется». Вот как оно. А этот, который в очках и накидке, от имени командования полка объявил благодарность нам за подвиг. Хотя какой тут подвиг! Этих сонных дурашлепов с постели стягивать. Ничего тут героического мы с Иваном Петровичем не свершили — просто в одном месте взяли, в другое поклали. Но, скажу я вам, когда шли за «языком», было боязно: мы их сроду, этих фрицев, не видели, и кто знает, может, они нас на мушке держали на подходе. Потому мы были готовы к чему угодно и где-то приседали, а на подходе к хате по-пластунски ползли. Просто нам повезло, раз без происшествий. Лейтенант Мирнов сказал: важные сведения «языки» дали.

Ну, значит, теперь второй подвиг. Выбили мы немца из села Шаврово. И сразу оборону заняли. Тоже было не жарко, в январе. Как улаштувались, старшина паек выдал — по котелку муки на бойца. Мы с Иваном Петровичем в одной хате приспособились коржики печь на свой взвод. Иван Петрович по этой части соображал. Уже светало, а мы пеком коржики, паримся. Я возьми и глянь в окно, а там — мама родная! — немцы. Много! Напротив, крадучись, дорогу перебегают по знаку своего старшого. Что делать, елкин корень?! Как получилось? Чи наши снялись, пока мы тут пекли, чи наших порешили, токо мы и остались? Чи заблукали немцы впотымах? И на нас напоролся, а теперь выплутываются? А может, задумали окружить? Словом, неясность. И, как нас учили в школе младшего комсостава, надо допреж всего выяснить боевую обстановку. А как? Сами понимаете — возле печки не выяснишь.

Обождали мы, пока фрицы скроются, коржики — в мешок, на плечи, выскочили на двор. И тута вижу: бегить навстречу ишо немец, видно, отстал. Помню, такой черный, грузный, с автоматом наперевес, тесак на поясе болтается. Я, не раздумывая, вскинул винтовку, а он автомат наставил, и — бац! — выстрелил, прямо в щеку немца, опередил.

Тут и загорелся сыр-бор: я вроде как сигнал дал своим, немцы уже за околицу высклизнули, а наше охранение схаменулось и сыпануло из пулеметов. Большую часть немцев уничтожили.

Командир роты построил усех и перед строем объявил благодарность: за уничтожение вражеского солдата и проявленную при этом решимость и находчивость. А тута посылки привезли. Старшина мне в первую очередь — выбирай што на тебя смотреть. Я взял носочки вязаны, такие, как Маруся дарила когда-то.

И здесь тоже ничего героического, по вынужденности случилось, как немца хлопнул. Не я его, так он меня бы. И вообще я его не приглашал на свою землю.

Вот продолжаем дальше. Дела веселей у нас пошли. В феврале наступать мы

зачали. А до этого меня, как на то учили, определили в минометную роту, из пехотной, стало быть. Помощником комвзвода. А и до этого, скажу, батальон наш стрелковый оборону под Славянском держал. Страх, какие тяжелые бои пришлось! Немец техники нагнал, сволочь. Ею нас терзал. Ну, мы ничего. Неплохо зарылись и рубеж не сдали, по Донцу проходил. Рукопашных этих с немцем было — сейчас и не сосчитаю. Потери мы понесли, считай, более полсостава. Ну и усех, кто уцелел, наградили. Мне повесили «За отвагу». Иван Петрович тоже. Да усем почти. Так что здесь я, как усе, ничего такого не свершил, как усе, оборонялся.

Отсель фрица до самого Барвенкова понесли, на Павлоград нацелились, как нам сказывали. Мои минометным огнем, рота наша, поддерживали батальон товарища Мирнова, мово бывшего комроты.

И помню: двое суток, считай, без сна и отдыха под Барвенковым колошматились. Была задача с ходу овладеть этим пунктом. Холодища сатанинская, недаром у хохлов февраль зовется лютый. Сугробы по пояс. Месим мы сугробы. Немец шваркает — не приведи господь! — ну, а мы давим. И надо же: от простуды разболелись мои зубы! Намедни воды студеной из колодца хлебнул. Разнесло щеку! Кабы вы знали: хуже ранения. В голос не кричу, стыдно, удерживаюсь. Но обома руками за щеку уцепился, слезы котятся, сосульками замерзает. Что вы думаете? Силком, в приказном порядке меня в лазарет запроторили. В сосновом лесу у реки палатки из белой парусины, да ишо снегом закиданы для маскировки. В палатках тепло тебе, должон сказать. Уложили меня у постелю. Дали укол, потом ишо один, и я — верите! — сутки без просыпу дунул. А как глаз один приоткрыл, вижу — набилась у палатку свита цельная: майор мне незнакомый в окружении лазаретного начальства. И этот майор подходит к каждому раненому, спрашивает, што да как, што за ранение, поздравляет с днем доблестной Красной Армии, желает победы.

Я че так настырно про этот случай? Потому как тогда упервой вас заприметил. Вы тоже там были — совсем молоденький ишо, лопухонский, в кубанке с красным верхом, на плечах больничный халат, и в блокнотик усе записывали.

Тут вот и мой самый, считай, главный подвиг. В районе Барвенкова. Токо я заявился в часть. Новый комроты, который заместо Мирнова лейтенанта, тоже лейтенант, Ражов Иван Афанасьевич, приказал: веди, Тёщин, свой взвод вот у это направление, левее ветряка. И показал. Там село Михаловка. Будешь поддерживать роту стрелковую лейтенанта Кубасова.

Повел я взвод. Из 23 человек, из разных людей. Большинство чуваша, удмурцы и мой дорогой друг, мой боевой товарищ харьковчанин Иван Петрович. Дошли до того места, где рота 69-го полка. Расположились. Дал я приказ: готовить огневую позицию — ровики тама для банок с минами, площадка для минометов — пять штук разставил минометов ротных. Привязали огневую позицию: ориентир — ветряк, бусоль — 270. Порядок. Ишо приказал домик из снега исделать. Стены метровой толщины. Такой пуля не пробьет, как учили нас в школе младшего комсостава. (По-моему, это не так: смотря откуда пуля прилетит.) Ребята принесли солому, настелили. Сидим. Одеты хорошо, тепло. Пришел к нам помкомроты, звать Саша. Спросил я: «Как у тебя рота распределена?» «Да так: на левом фланге пулеметы, на правом тоже». Тут ночь. Уже мороз трещит на усе 40 градусов. Звезды. Сидим в хате снеговой. Дежуриим по 20 минут. Закурить нету, кушать тоже. Была пачка махорки, скурили раньше. Мороз свое берет. Спрашиваю: «Как, ребята?» Все говорят, што хорошо пока.

Я даже задремал. И привиделось такое, што проснулся, а оно перед глазами: токо оженился с Маней, а Волга разлилась, вода на полу плещется, а нам, молодым, все ничем. Так заскребло: што с Маней, рассказуаю.

И тут мой Иван Петрович и говорит: пичужки поють, значит, скоро рассвет. «Какие пичужки? — думаю, — морозика такой!» А в школе младшего комсостава нас учили: пули быдто пичужки поють. Услыхал пичужек, значит, огонь по тебе ведут. Испарилась мысли о Мане. Думаю: счас узнаем, што за пичужки. Вслух я, Тёщин А.К., сразу говорю: это разведка идет. И сам — из домика.

Ну, подполз к брустверу, думаю, как бы не убили, гады. Гляжу из-за бруствера. Жив. Но — мама моя! — прямо фронтом на нас идут, гады! Усе у белых халатах, токо каски черные. Ясно видно: слева Барвенково на полнеба пльаить, луна вошла. И што странно: идуть и строчуть из автоматов, а не подкрадываются. Говорю себе: надо измерить расстояние. Как в школе нас учили — палец вперед наставил, смерил: 320 метров. Залетаю в домик: «К бою!» — команду. «Ориентир 1, лево 005, дальность 300 метров! Первому — огонь!» И сразу попадание. «Взводом! 5 минут! Беглый! Огонь! Огонь! Огонь! Огонь!!!»

Мария Григорьевна занимается домашними делами — стряпает в галерее обед, потом прополола огородину — небольшую латочку, засаженную картошкой-скороспелкой, помидорами, зеленью — петрушкой, укропом, и если кто спрашивает спруга, отвечает, что уехал он по неотложным делам в райсобес.

«Огонь! Огонь! Огонь!» И тут, на этой команде, которую шепчут неволью старческие выцветшие губы, словно заколодило — писать не пишется, до того разволновался Алексей Константинович, до того видит ясно: выплеснутые снапы пламени из стволов, отсветы на лицах спящих бойцов. При каждом выстреле озаряется вся огневая позиция, все пять действующих расчетов. И видно, как с кончиков стволов других минометов, за миг до этого изрыгнувших на врага свой смертоносный груз, вьется вверх и чуть в сторону сизый прозрачный дымок. Выстрелы резко бьют глухим тьяканьем в барабанные перепонки, содрогают землю под утоптаным кирзовыми сапогами слоем снега.

«Огонь! Огонь! Огонь!»

Алексей Константинович бросает ручку на стол. Грудь ему теснит, словно наступили на нее. Надобно передохнуть, успокоиться.

И тут вливает Мария Григорьевна в своем кухонном переднике, вносит на блюдце похожую на бочонок чашку с калмыцким чаем. Глаза ее становятся большими.

— Ты што, Леш? Тебе худо?

— А что? — Алексей Константинович переводит дух, упирается ладонями в бока — любимая поза. — Што тебе не нравиться?

— Лица на тебе нет, вот што!

— А ты как же думала, какое может быть лицо, когда бой идет, а? Про бой пишу, вот и нету лица. Про тебя писал — было лицо, — пытается улыбнуться Алексей Константинович, а глаз его единственный еще блестит лихорадочно, второй глаз, вернее, пустая глазница, под черной пиратской повязкой. — Уразумела?

— Про меня-я! — нараспев удивленно восклицает Мария Григорьевна и, отодвинув бумаги, ставит перед мужем чашку. — Испей, отдохни, милый. Как же так: бой — и про меня?

Этот наивный вопрос развеял даже, совсем расслабил Алексея Константиновича, сковавшее его, словно тугая пружина, напряжение исчезло. Вовремя заглянула Маша. Он обеими руками взял чашку, с удовольствием отхлебнул глоток.

— Про тебя я, канарейка, про то вспоминал, как было, перед боем.

— Чудно! Как же ты про меня-то вспоминал, Леш? — спрашивает жена, и Алексей Константинович понимает, что она ну прямо сгорает от любопытства. — Как же можно было вспоминать хоть и перед боем?

Тут Алексею Константиновичу становится до того весело, что он хохочет.

— Написал вот я про што: как привиделось мне перед боем наше с тобой целование-милование в разлив.

Мария Григорьевна всплескивает ладонями, щеки ее стыдливо зарделись:

— Спятил ты, старый! Как можно про такое писать чужому человеку? И не совестно тебе?

— А што я могу исделать, канарейка моя! Оно само про это, против даже воли влуталось.

— Нехорошо про это, убери, убери, Леша, слышь? Не позорь ни себя, ни меня на старости лет. Когда все это было...

— Чудная ты баба! — Алексей Константинович допивает чай, отдает чашку с блюдцем. — Я токо про воду на полу.

— Ну, слава богу! — Мария Григорьевна успокаивается. — Если хочешь, я тебе колбаски занесу, купила вареной, твоей любимой, чесночком так пахнет!

Но Алексей Константинович решает, что много потерял времени, пора за дело: пока помнится, как сейчас, надо писать.

«...Прямо по ним без промашки. А, гады, закудачили вижу, кто куда мечутся! Пять минут били, может, трети меньше, может, больше. Позиция аж провонялась гарью, а это што тухлыми яйцами.

— Скоко банок осталось? — пытаю.

— Шесть! — отвечают подносчики. А в каждой банке по пять мин.

— Прекратить огонь! — команду.

Усе затихло. Тут ребята говорят: мы пойдем туда. Говорю: идите, токо быстро. Смотрю: ведут «языка». Пункт недалеко был. Отвели его. Ребята говорят: двое убегло, а тридцать два фрица уложены наповал. «Што делать дальше?» — думаю. Ракеты пускали, двое убегло — доложут и по нас зачнут шваркать. Командую: сменять позицию!

— Зарывайся глубже! Рты держать открытыми! — приказал я.

Ишо немцы пуляли по нашей старой позиции, грохотало и дрожало все вокруг, дело к рассвету шло, когда кто-то уполголоса кричить: ишо идуть, мать их за ногу!

И все, считай, началось по новой: ну, выпололи мы и этих. Но опять, елкин корень, успели они ракеты пустить красные и зеленые. И человека три убегло. Ну, тут уже и думать нечего было, и дураку ясно, — за минометы мы — и на прежнюю позицию. По ней уже долбать перестали. А вскорости выдали немцы огонь по нашей второй, покинутой позиции: с час молотили у пустой след.

Вот это и есть мой третий, самый главный подвиг.

Ишо по этому делу. Политрук наш, товарищ Македон, написал «Боевой листок». Приколот на стенке сарая возле кашевара. Когда усе, кто мог и хотел, прочитали, я снял его, склал тщательно пакетиком и вложил в красноармейскую книжицу, а саму книжицу-то — в кошелек, где ишо удостоверение на медаль содержалось и рублей триста (в старой валюте). На память. А може, Марусе пошло, размышлял, если разрешат. В «Боевом листке» напомнил товарищ Македон и о «языках», про того фрица напомнил, которого я ухлопал, когда коржики пекили. Ну, а про этот бой ночью, как счас помню, написал: «Под командованием помкомвзвода Тёщина А.К. уничтожено 63 гитлеровца. Один взят в плен. Решена важная тактическая задача». Какая задача — это уже не в моих понятиях. Через пару дней товарищ Македон пожал мне руку уважительно. Побаяли о том-сем. И он прямо сказал: буду награжден, и надо мне в партию. А я: если заслужил — большей чести нет. Он планшетку на колени — написал рекомендацию. Вторую, сказал, взять у комроты. Рекомендацию товарища Македона я поклал туда же, в кошелек.

Вот какие дела, уважаемый товарищ Главный Редактор. Вот про все это я вам, как счас помню, 11 марта 1942 года рассказывал. Вы искали для газеты — кто отличился. Начальство прислало вас у наш взвод. Я че так запомнил этот денек — насмерть ранило мово дорогого друга Ивана Петровича. Убило дорогого товарища Македона. В тот день, если помните, был очень сильный бой. Вы, как сказывали сами, были свидетелем многого. На вас, запомнил, была та же, как в лазарете, черная кубанка с красным верхом, та же кожаная сумка командирская с боку левого, а вот с правого — парабелум фрицевский, выдать трофейный. Ну, водил я вас туда — может, помните — на наши огневые позиции. Вы ишо меня разок щелкнули для фото самого, а потом со взводом. Ишо вы обещали газетку, в которой про нас пропечатают, мимоходом подвезти. И фотки всем для дому послать. Надеялись мы на это слабо, потому как война — сегодня здесь, завтра тама.

У меня так и вышло: на следующий день на НП корректировал огонь батареи — доверили, — а тут полезли танки. Как ранило, толком и не знаю. Разнесло чашечку коленки, осколок, сволочь, застрял в кости, глаз вышибло, посеколо грудь...

Ну, дальше совсем мало интерес: заражение крови, две недели в беспмятстве, ножку долой. Где меня там, как перетаскивали, понятия не имею. Токо под Сталинградом при выгрузке очунился, лап-лап под изголовием, а кошелька с красноармейской книжицей, «Боевого листка» про мои подвиги и остального нету. Должен сказать, мне в ту пору и не до них было — ни до бумаг, ни до грошей, думал — выживу ли вообще. В госпитале меня записали по званию и фамилии с моих же слов и ишо в Сталинграде сказали, если найдет кто бумаги мои, сдадут куда надо, а их мне перешлют, разыщут. Но никто меня не искал, вот уже скоко лет прошло. Когда зачар чабаном работать, тоже не до бумаг было, штоб думать про них. Пока вот не вспомнили про меня, не вызвали в райвоенкомат раз, потом другой, не расспросили, што да как, анкеты заполнили какие-то, после чего орден вручили.

И скажу: не рад я счас этому ордену, раз документов нету. Как мне доказать этому Лябуху, што Тёщин Алексей Константинович не из жалости награжден, а за боевые дела и ранеты не при драпаньи.

Сроду не стал бы вас беспокоить, отрывать от важных дел по своим мелочам, кабы не вместе воевали, кабы самолично не расспрашивали вы про мои дела. Ишо я прикидывал: а може, газетка сохранилась у вас, а? Да нет, думаю, вряд ли. Скурили никак с махорой. Да-а, газетка бы не хуже «Боевого листка» того.

Ну вот усе у меня, глубокоуважаемый товарищ Главный Редактор.

С боевым дружеским приветом к Вам — Ветеран и Инвалид Великой Отечественной Войны Алексей Константинович Тёщин!»

И поселилась какая-то согревающая, хорошая надежда в душе Алексея Константиновича Тёщина, надежда на благополучный исход его дела, на то, что правда победит кривду. А рядом с этой надеждой все же поселилось и сомнение — извечный спутник надежды: давно ведь все было, страсть как давно, какие там могут сохраниться архивы, неужели могло такое статься, чтобы добрая душа, найдя его бумаги про подвиги, отнесла «куда надо»? И куда? И до бумаг тех кому тогда было?

Ну да ладно, найдутся не найдутся, а вот он, Тёщин Алексей Константинович, должен испытать все возможное для защиты своей ратной чести. Глядишь, а бумаги-то где-то и полеживают, а товарищ Главный Редактор поймет его, Алексея Константиновича, состояние, сам ведь воевал там, под Барвенковым, войдет в положение, даст команду своим работникам или самолично заинтересуется, и откапают они его бумаги. Вот было бы радости! Бог ты мой! И ведь может так статься, что газетка про него цела, а? То-то! Ну, а может, и нет. Тогда плохо.

Почтарка Даша, как и обещала, доставила уведомление — письмо получено журналом. Да из уведомления не было понятно — товарищем Главным Редактором ли получено или так, кем попало.

— Леш, а Леш, — певуче, радостно окликнула Мария Григорьевна мужа, который на берегу шпаклевал щели баркаса. — Пришло по твоему делу письмо-то! Казенное!

Алексей Константинович, разогнувшись, в два шажка проворно очутился возле супруги, однако, прежде чем взяться за письмо, долго и тщательно вытирал паклей испачканные черной смолой дрожжаские от волнения руки. Он взял письмо, хотел было распечатать, но передумал.

— Нет, тут не выйдет: без очков не видать буковок.

Из холстяной сумочки, что висела на стене у стола в галерее, все еще дрожжаскими руками Алексей Константинович извлек очки, потом ножницы, полюбавался конвертом, срезал аккуратно краешек, вытащил тоненький листик, с такой же красной полосой и названием журнала, как и на конверте, с благоговением зашептал, читая по слогам первые слова, а потом смурясь, то бледнея, то краснея от внутреннего жара, дочитал молча:

«Уважаемый Алексей Константинович! Вынуждены Вас огорчить. Помочь не можем. И не только потому, что в письме нет подробных и точных сведений об обстоятельствах утраты ваших личных вещей, но и потому, что в архивах такие вещи не хранятся. Благодарим за внимание к журналу. Всего Вам доброго. Консультант Ф. Лесников».

Ошеломленный Алексей Константинович поглядел на обратную сторону — может, там что. Но обратная сторона была девственно чиста.

Письму Алексея Константиновича — увы — не повезло: не попало оно в руки Главного Редактора. Не попало по той причине, что он во главе делегации из представителей прессы отбыл самолетом на Кубу.

— Бюрократы! Чтoб вы треснули! Чтoб вы там!.. Личные вещи!.. Документы нужны, «Боевой листок», а знатo консультант мне о каких-то личных вещах. Тьфу! Я ему про душу, а он мне про Ванюшу... — Алексей Константинович стучал палкой о пол. Грудь ходуном ходила. — Я ему об бумагах, а он мне о личных вещах, как скредеу какому.

— Бывает, Лешенька, сразу и умный человек не разберет, что к чему, а ежели и не совсем умный, так и вовсе, — осторожно вставляла Мария Григорьевна.

— Там, наверху, в столице, все должны быть умными. Дураков не держуть.

— Как знать, милый. Еще бы разочек отписать, растолковать, а?

Ну да что ж, он, Алексей Константинович, человек не гордый, может о себе и напомнить, еще в школе младшего комсостава его учили: настойчивость, инициатива и бесстрашие берут любые препятствия. Это правило он хорошо помнил и следовал ему не только на фронте, но и всю свою жизнь. И если понадобится, он и в Москву заявится и поищет концы-начала самолично. Покамест же, как советовала Мария Григорьевна, принялся сочинять новое письмо.

Второе письмо инвалида и ветерана Великой Отечественной войны, адресованное лично товарищу Главному Редактору, легло на его стол вскоре после возвращения из далекой Кубы, легло, как это и полагалось по не писанному, но установленному им же правилу.

Тещин... Фамилия редкостная. Человек с такой фамилией встречался на его дорогах-перепутьях единственный раз. Ивановы, Сидоровы, Козловы, Петровы — десятки, а может, и сотни, а вот Тещин — только раз. Храбрый солдат. Погиб в жестоком бою в начале сорок второго.

И помнил он того Тещина прекрасно, как помнил всех героев своих военных и послевоенных очерков, повестей, рассказов. И в своей последней книге «Встречи на фронтовых дорогах-перепутьях», сигнальный экземпляр которой он просмотрел еще перед отлетом на Кубу, в книге, куда вошли воспоминания и дневниковые записи о первых тяжелейших годах войны, он рассказал и о погибшем в бою под Барвенковом отважном минометчике Тещине, могучем волжанине.

Не родственник ли того Тещина? Может, сын, брат, зять? Что заставило их писать? А может, письмо и не от родственников того Тещина, его Тещина, храброго помкомвзвода, заслуженно нашедшего вторую жизнь на страницах его книги, где также рассказывалось о последних минутах Тещина, о его гибели?

Из этого второго, адресованного «лично» ему, Главному Редактору, письма («Так што ишо раз здравствуете...»), в котором выражалось огорчение ответом редакции («...Ить што сказыват товарищ Лесников? Слушайте: «Помочь не можем. И не только потому, что нет подробных сведений утраты ваших личных вещей...» и т. д.), а ветеран и инвалид войны беспокоился о каких-то бумагах («...Ить я не об личных вещах маюся! Личные вещи это пропавшие кошелек с деньгами. Бог с ими! Я ж о бумагах! Особливо о «Боевом листке» политрука...») и пространно «ишо раз» сообщал, как помнилось ему, сведения, где и когда ранило и что в беспамятстве довезли его до Сталинграда самого. Главный Редактор не уразумел, что за Тещин пишет, что за бумаги волнуют его, и поэтому затребовал из архива первое письмо («Так что здравствуете уважаемый товарищ...»), прочитав которое, к величайшему своему изумлению понял, что пишет ему именно тот самый, его Тещин, храбрый минометчик-волжанин. Жив! Оказывается, жив Тещин! И более того: борется за свою ратную честь. Не чудо ли!

И вместе с изумлением, радостью и волнением явилась и досада: выходило, что минометчик Тещин был похоронен заживо дважды — сначала однополчанами, собственными глазами видевшими прямое попадание бомбы в НП — коровник под черепичной крышей, вернее, в то, что осталось от коровника, с которого Тещин корректировал огонь минометов, и второй раз — в его книге.

Досада! И сделать уже ничего нельзя: весь тираж ушел в распродажу на полки магазинов по всей стране. И уже получены первые поздравления друзей, читателей. Как же теперь с Тещиным? Как исправить ошибку?

«Дорогой мой боевой товарищ! Ваше письмо поразило меня и обрадовало необычайно: ведь Вы — воскресший из погибших! Дважды похороненный заживо! Один раз — однополчанами, второй раз — на страницах книги, которую Вы держите сейчас в руках. Голубчик, Алексей Константинович! Прошу нижайше извинения и за себя и за однополчан. Я заверяю Вас: оплошность эту мы исправим немедленно. По этому поводу к Вам на днях выезжает наш сотрудник товарищ Лесников».

Дело в том, что в часть вашу я, как и обещал, завернул мимоходом — передать обещанный экземпляр газеты лично Вам и фотографии (полк ваш в связи с большими потерями как раз готовился к отходу на периферии), но Вы уже значились погибшим: видели, как НП, с которого Вы корректировали минометный огонь роты, взлетел на воздух при бомбежке, а после боя Вас там не нашли. Видели также, как Вы до этого уничтожили два вражеских танка. За подвиги Ваши Вы посмертно представлены к ордену Красного Знамени.

Предполагаю, и это вероятнее всего, что прямо под огнем Вас, тяжело раненного, в бессознательном состоянии подобрали санитары соседнего полка. Отсюда и все недоразумения. Возможно, тогда же и затерялись Ваши документы: разорвало одежду, а с ней и все бумаги, и санитарам даже не по чем было заполнить сопроводительный листок при отправке в полковой медпункт, откуда Вы, надо

полагать, транзитом через дивизионный медсанбат и армейский эвакуогоспиталь были доставлены в Сталинград без документов и разыскиваемых Вами бумаг.

Но не огорчайтесь, дорогой Алексей Константинович! Слава богу, что живы Вы! И жив курилка, то есть я, Ваш покорный слуга: сохранились мои дневники, мысли, чувства, впечатления о том грозном времени. Многие я описал в книге, которую с огромным удовольствием, с огромной радостью и наилучшими пожеланиями дарю Вам, боевому соратнику. Там и о Ваших фронтовых делах, читайте на страницах 110—114. Думаю, эти странички заменят испрашиваемые Вами бумаги и газетку. А награда — орден Красного Знамени — не замедлит найти Вас в ближайшее время.

Крепко жму Вашу руку! Обнимаю.

Низкий поклон Вашей замечательной супруге, самые добрые и сердечные пожелания всей Вашей семье!»

Такое вот, к великой радости своей, напечатанное на машинке на обе стороны листа письмо все с той же фирменной полосой и названием журнала извлек Алексей Константинович из книги «Встречи на фронтовых дорогах-перепутьях».

Женька выхватил из рук Алексея Константиновича книгу, проворно пролистал, выискивая страницы 110—114.

И стал читать сначала про то, что знал как дважды два четыре, как взвод минометчиков под командованием его дедушки вел бой с фашистами, искрошив их, словно капусту. Но об этом рассказывалось в книге как-то по-другому, по-новому и читалось будто новое.

Все, затаяв дыхание, ловили каждое слово. И Алексей Константинович, шевеля кустистыми жесткими бровями, напряженно вслушивался, словно прикидывая, не напутал ли, не пропустил ли чего этот бесконечно дорогой теперь для него человек, и согласно кивал головой своей седой: все так, истинно так, верно.

Женька читал дальше. О том, как корреспондент дивизионной газеты, тот самый молоденький лейтенант в кубанке с красным верхом, с двумя кубиками в петлицах, завернул-таки в полк Алексея Константиновича с обещанными газеткой и фотографией, как узнал от комбата, что «Тещин вчера... ценой жизни задержал, сжег танки...».

Женька читал о последнем бое дедушки, о том, как тот из коровника под красной черепичной крышей корректировал навесной огонь своей минометной роты по немецкой пехоте. И теперь Алексей Константинович перестал кивать согласно: то, что читалось до этого, было написано с его, Алексея Константиновича, слов, и слушалось так, будто им самим о себе и товарищах рассказываемое, лишь слегка подправленное собеседником, теперь же говорили о нем, как бы со стороны глядя, говорил комбат и еще кто-то, неулавливаемый даже на слух, и тут получалось, как было на самом деле, но и не совсем так, говорилось о том, что знал Алексей Константинович и чего не знал, и теперь слышалось одно, а представлялось, чувствовалось и переживалось инвалидом и ветераном Алексеем Константиновичем совсем не так, как это чувствовали и переживали все здесь сидящие.

Он и сам не заметил, на каком именно месте потекли слезы из глаз его.

«Милый ты мой человек... Спасибо тебе, прояснил, за все спасибо... Значит, сжег я танки, сжег... Неведомо это было мне, неведомо. Чтo струсил — про то зарубилось. Стало быть, не раскатали тогда батарею...» — купались в слезах бегущие мысли.

Он плакал, этот инвалид и ветеран, не навзрыд, а беззвучно, сдерживаясь, как сдерживался давным-давно, еще в госпитале, чтобы нестонать, когда его тиранила, разрывала боль, потому что негоже мужику голос даже в таких случаях подавать. Он плакал так, что сотрясалась грудь, плечи, но беззвучно, без всхлипов.

А внук Женька — тот читал! Громко, выразительно, во весь голос. Хорошо читал.

И видел, и слышал Алексей Константинович то, чего не было написано, а поэтому никто из всех сидящих здесь сейчас не мог услышать и представить того, что представлялось и слышалось ему из далеко-далекого, что знал только он.

...Разрывы густо накрывали и секли бегущие по лощине цепи немцев. Атака захлебнулась. Остатки наступающих, ошметки бегут по лощине, и Алексей Константинович кричит телефонисту, чтобы огонь прекратили. Но телефонист убит. Алексей Константинович, наклонившись, сам кричит в трубку. И огонь прекратили.

Стало тихо. А за боковой стеной вроде как молотилка застрекотала. Алексей Константинович принимает к щели — мать честная, не померещилось ли! — в двадцати шагах, изрыгая сизый дымок, ползет стальная, серо-грязная туша танка, а туда дальше — еще один ползет. Башня и ствол доворачиваются не спеша в его, Алексея Константиновича, сторону. Алексей Константинович метнулся в сторону, и тут же шарахнуло, кидануло. И полковника как не бывало — сквозь пыль и пльвущую гарь зыркнуло серое небо, а себя Алексей Константинович обнаруживает оглохшим, распахнутым под однокопной пролеткой.

«Следующий выстрел уничтожит вторую половину... И меня!» Спотыкаясь, бежит Алексей Константинович по замерзшей, в обледенелых буграх пахоте. С размаху падает в первую же на пути свежую, совсем не припорошенную снегом воронку.

«Струсил... Струсил Тещин, елкин корень! Все узрели — и комбат в биноклю... бойцы...» Жгучий стыд пронзает Алексея Константиновича, и возвращается слух: вот он, стрекот, приближается, дрожит земля. И Алексей Константинович схватывается и, гонимый все тем же позорным страхом, мчится к траншее. Мельтеши мысль: траншея идет от коровника самого и не надо бы скакать по пахоте, а надо было сразу нырнуть в траншею. Ну да, может, успеет. А пули словно пичуги лоят вокруг.

Он скатывается с бруствера, и боль пронзает колено — шибануло об угол ящика, рядом с которым убитый старшина, а на дне ящика Алексей Константинович видит расплавленные «зажигалки» — бутылки с горючей смесью. Стукнулся о них, раздави — заплясал бы, твою за ногу! А эта тварь — вот она, урчит, рукой подать.

Все же, пересиливая страх, он выглядывает и изо всей силы кидает одну за другой бутылки, целясь, как учили в школе младшего комсостава, в трансмиссию, и, схватив еще две бутылки, пригибаясь, мчится к коровнику и послеваает: второй танк только-только пролезал мимо остатков коровника — каким-то чудом удерживается еще кусок крыши на двух подпорах.

Он успеваает метнуть лишь одну бутылку, и не увидел — попал или промахнулся: яркий брызнувший свет в глазах заслонил все: небо, и землю, и танк...

Первое, что он спустя много дней ощутил вместе с грызущей болью, приходя в сознание, — это свое бегство по пахоте, страх и жгучий стыд, о которых старался не признаваться даже себе, а не то, чтобы говорить кому-нибудь вслух.

«...В этой быстротечной ситуации, — громко, чтобы все слышали, читал Женька, — храбрый воин принял единственно правильное, хотя и рискованное решение, как объяснил мне команди батальона, со своего командного пункта — раскачиваемой ветром и взрывами железной вышки — видевший все, вплоть до налета «хейнкелей» и прямого попадания бомбы в остатки коровника: под огнем добежать к бутылкам с зажигательной смесью, о месте нахождения которых, очевидно, знал, и умело встретить врага, быстро и точно все рассчитать, как и подobaет находчивому и храброму солдату. Охваченные пламенем танки промчались не более метров ста пятидесяти и взорвались один за другим...»

— Комбат, комбат... единственно правильное решение... — шептал Алексей Константинович, — кабы ты знал, милый человек!..

Он силился припомнить обличье своего комбата, но не мог, никак не мог.

ка; вступил в дело и сварочный аппарат. Роспись, формовка, отливка, чеканка и обжиг—все делали студенты своими руками.

Два месяца спустя «Белоснежка» обрела право на звонкое свое имя: интерьер расписан фресками на темы сказки, на территории, окружающей здание сада, поселились семь гномов и с ними—жирафы, слоны, медведи, верблюды. Все это было забавно придумано, отменно выполнено и, главное, сконструировано с учетом того, что в казенных бумагах называется скучным термином «игровые функции». В последний

ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДИПЛОМНИКА ОЛЕГА ЛОСЕВА.

**XXVII съезд
КПСС
требует
от нас...**

Невозможно выпускать продукцию на уровне лучших образцов без учета законов красоты, законов дизайна. Свое слово тут может и должен сказать дизайнер, профессия которого сегодня не менее важна, чем профессия инженера-конструктора.

**Алексей
ВЛАДИМИРОВ**

В Уренгой они вылетели по приглашению газонефтедобытчиков. Но ни к газу, ни к нефти, ни к методам и проблемам их добычи эти одиннадцать ребят отношения не имели. Проблемы у них были свои...

Кирпичное трехэтажное здание детского сада «Белоснежка», построенное в лучших, так сказать, традициях типового проектирования, вдохновенным созданием архитектора при всем желании назвать было трудно—у типового проекта свои, увы, особенности: индивидуальность в смету не вписывается. Дать «Белоснежке» соответствующий облик и предстояло прилетевшим из Москвы студентам высшего художественно-промышленного училища.

Как назовем мы эту миссию—летней творческой практикой или «третьим семестром»,—не так уж важно; тем более в данном случае одно другого не исключало—студенты приехали делать то, чему их учили в институте. Правда, условия оказались не предусмотренными ни теорией, ни практикой—полевые, и три недели, сидя на раскладушках, поставленных для них внутри «объекта», ребята рисовали, мяли пластилин, чертили. Затем карандаш сменила совковая лопата, планшет—бетономешал-

день августа комиссия приняла объект «на ура», а студенты улетели в Москву—продолжать учиться профессии, некоторые возможности которой они показали.

Вот, собственно, и все для того, чтобы задать вопрос: что же это за профессия?

Называют их дизайнерами. Не так давно вошло это слово в толковые словари, хотя сама по себе профессия древнее самого древнего словаря. Дизайнером, собственно говоря, был и

БЕЛАСНЕЖКА

РАБОТА ИЛЛЮСТРАЦИОННО-ДИЗАЙНЕРСКОГО ЦЕНТРА

РАБОТА ПОСУДЫ

ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ ЧАСОВОЙ ЗАВОД

РАЗРАБОТКАМИ БРАТЯВ МИХАЙЛОВЫХ

первый гончар, и тот человек, который смастерил копье «по руке», не забыв при этом о главном — «функциональном» — его назначении. Но в данном случае нас интересует другое: ремеслом или искусством назвать древнейшую область человеческой деятельности, которая и сегодня равно обнаруживает признаки того и другого? Но если оба эти очевидных признака профессии сосуществуют в неких реальных отношениях, то какому из них следует претендовать на гегемонию? И следует ли? Думаю, уместно будет привести здесь известное замечание Анатоля Франса,

**Наука —
техника —
прогресс**

**СТУДЕНТКА ОТДЕЛЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ
ОКСАНА БИВЕРСКАЯ**

**ЭТИ МОДЕЛИ ЭКСПонируются НА
ВЫСТАВКЕ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ.**

**Фото
Виктора САККА**

начали рассказ, последовав за ними из Уренгоя в их alma mater — Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское).

Однако и здесь начать придется с вопроса, но предельно конкретного: что должен уметь дизайнер? Ответ, впрочем, столь же конкретен: все.

Если я скажу, что машинка, на которой пишутся сейчас эти заметки, и лампа, под которой вы листаете этот номер журнала, созданы дизайнером, я не ошибусь хотя бы уже потому, что поле деятельности дизайнера в наше время практически не ограничено: он должен уметь художественно конструировать все — от обычных пасатижей до не совсем обычного космического корабля. Пример не ради эффекта — он точен буквально. Потому, быть может, представить себе обучение студента факультета промышленного искусства МВХПУ, где готовят дизайнеров, умозрительно довольно сложно. Проследив же обычный учебный день этого студента — от девяти утра до пяти вечера, мы сразу увидим то, что отличает строгановца от студентов иных вузов. День таков: утром он пишет натюрморт, днем работает рубанком и стамеской в столярной мастерской или стоит у кузнечного горна, потом компоует на

сделанное им хотя и не по поводу дизайна, но как раз в его время заявлявшего свое право на самостоятельность. Франс писал: «Искусству угрожали два чудовища: художник, который не является мастером, и мастер, который не является художником».

Признать остается очевидное: дизайнер и есть художник-мастер и мастер-художник. И этого достаточно, пожалуй, для того, чтобы покончить с теорией и обратиться к практике. А потому нужно вернуться к студентам, с которых мы

планшете оборудование кухни, им самим сконструированное, затем в аудиторию слушает курсы технологии материалов, экономики, различных инженерных дисциплин. Конечно, строгановцев не учат пилотировать самолет, но основные законы аэродинамики знать они обязаны, как, впрочем, и способы крепления различных деталей, свойства пластмасс, закономерности композиции.

Этим перечислением дисциплин, изучаемых в МВХПУ, мы наметили лишь некоторые черты, отличающие студента-строгановца, и если читатель увидит здесь некий симбиоз художника и инженера, он в общем-то не ошибется. Будем, однако, конкретнее и поясним это на примере задания, выполнявшегося недавно на факультете промышленного искусства.

Студентам предложили сконструировать дорожную машину. Как и всегда в дизайне, работа началась с поиска художественного образа. С карандашом в руках студенты сравнительно быстро решили, какие формы привлекательнее. Но эскиз на бумаге—это только эстетическая прикидка, фантазия может здесь властвовать почти неограниченно, и если бы речь шла только об эскизе, макете или даже выставочном экспонате, дизайнер мог бы считать свою миссию на этом оконченной. Но он не имеет права представлять себе художественный образ безотносительно к технологии производства: сварка, литье, штамповка—все они имеют свои особенности. Так, в союзе с технологической необходимостью дизайнеры решают художественный образ машины.

Задач для одной профессии более чем достаточно, не так ли? Но для дизайнера это почти что подготовительная стадия работы. Затем начинается главное в художественном конструировании—решение проблемы рабочего общения человека с машиной.

Как бы ни был эстетически совершен образ, как бы ни радовала глаз современная линия или изящная конструкция, дизайнер обязан думать прежде всего о том, чтобы созданные им формы не стали причиной травм. Для этого приходится искать те оптимальные радиусы скруглений, которые, не нарушая современного художественного образа машины, обеспечат безопасность человека, его управляющего. Но и это далеко не все.

Закон дизайнера: окраска должна быть функциональной. Поэтому, например, для крыши кабины следует предпочесть светлые тона, чтобы уменьшить нагревание солнечными лучами. Цветом же ярким, локальным и точным нужно обозначить опасные, выступающие за габариты машины части и вращающиеся детали. Речь идет уже не только об эстетике, но и о технике безопасности, которая для дизайнера тоже правило в ранге закона.

Может быть, здесь поставим, наконец, точку и отпустим дизайнера готовиться к новому очередному заданию? Несколькими годами назад мы, пожалуй, так бы и поступили, потому что роль художника-конструктора в создании машины на этом завершилась. Но дело в том, что к нашему вопросу—реализовано ли искусство?—сегодня добавился новый компонент—наука.

Математики, биологи, медики, изучая психофизические возможности и ресурсы трудовой деятельности человека и создавая новую науку—эргономику, вряд ли думали о том, что готовят новый плацдарм для дизайна. Оказалось, без знания законов эргономики дизайнер не сделает сегодня ни шагу. Какое же отношение имеет она к художественному конструированию? Самое прямое. Так, проектируя ту же кабину, дизайнер должен знать как дважды два, что глаз водителя воспринимает предметы в пределах зрительного поля, имеющего несколько зон: центрального зрения—до трех градусов, эффективной видимости—в тридцать градусов, и то,

что движение глазного яблока увеличивает обзор до шестидесяти. Эти знания—альфа и омега для того, чтобы правильно остеклить кабину машины и оптимально, как теперь говорят, расположить в ней рычаги и тумблеры—с таким расчетом, чтобы внимание водителя сосредоточивалось в минимальное время, а реакция на любую рабочую ситуацию (с учетом и аварийной) следовала мгновенно. Но требования эргономики «подкидывают» дизайнеру и другие задачи.

Если живописец, скульптор или график мыслят только пластическими категориями, то дизайнеру этого недостаточно. Сконструировать изящные, «прихватистые» рычаги и грамотно расположить их в кабине—полдела. Эргономикой установлено, например, что окончание движения должно совпадать с началом следующего цикла, круговые движения рук эффективнее, чем прямолинейные, а точность движений сидящего человека значительно выше, чем стоящего. Так что при компоновке рычагов, тумблеров, устройстве кресла, следуя собственному эстетическому чутью и чувству пластики, дизайнер обязан поверять это непреложными эргономическими законами. Форма и содержание должны говорить на одном языке и на равных. Если же «функция» задавала «красоту», происходит то, что строгановцы весьма точно и остроумно называют «дизайном Собакевича». В идеале требуется гармония эстетики и целесообразности. Только тогда конструкция машины не вступит в противоречие с тем, что называют ее человеческим фактором. А при том, что гуманизация труда—важнейшее сегодня направление нашего дизайна, это едва ли не главная задача художника-конструктора.

Может ли дизайн объять необъятное? Постоянно действующая в МВХПУ выставка дипломных работ говорит: может.

Если и есть у этой экспозиции недостаток, то только один—недоступность для широкого зрителя. Понимаю, конечно, что не в компетенции института определить ей иной статус, но все, что представлено на выставке (а каждый год она пополняется новыми экспонатами), более чем красноречиво свидетельствует о возможностях дизайна. Назову лишь немногие из того, что создано за последние годы дипломниками—дизайнерами МВХПУ.

Аппарат «искусственная почка»; речной почтовый катер; комплект туристического снаряжения с полным набором рюкзаков, палаток, складной мебели и компактной посуды; травмая повышенности вместимости для больших городов; диспетчерский пункт управления полетами; детская игровая площадка, придуманная и решенная не менее интересно, чем это сделали строгановцы в Уренгое; снегоход, рассчитанный на условия холмистой тундры; об автомобилях различных конструкций и назначений я уж не говорю—их целый парк; подводный транспорт—нынешний и с дерзкой заявкой на технические идеи будущего—тоже не обойден вниманием; наконец, все, что летает—планы, самолеты, вертолеты,—в великом множестве и разнообразии...

Не продолжая далее, потому что предвижу извечный вопрос посетителя выставки такого рода: а где все это можно увидеть в натуре? И вот здесь мы подошли к тому, чем, быть может, следовало предварить разговор о «Строгановке».

В учебных заведениях самого различного профиля—от машиностроительного института до консерватории—процесс обучения строится по академическому заданию. В МВХПУ—на реальных заказах предприятий. Что же получается в конечном счете? Картина, прямо скажем, оптимистическая: семьдесят процентов этих заказов, «обкатываясь», так сказать, в аудиториях и мастерских института и становясь затем дипломами

ми проектами, внедряются в производство. Цифра и факт более чем внушительны, а в самом этом необычном подходе к учебному процессу заложена уникальность профессии дизайнера. Думаю также, что это и редкий пример, когда, приходя на производство, выпускник института не должен учиться заново.

«Приходя на производство...» Да, в нашем разговоре намечается новая тема, в которой оснований для оптимизма весьма, впрочем, маловато. Хотя поначалу все выглядит вполне благополучно: МВХПУ выпускает пятьдесят дизайнеров в год, заявок приходит более двухсот пятидесяти; спрос, как видите, превышает предложение—дизайнеры нужны всюду, и строгановцы, понятно, нарасхват. Непонятно другое.

Как это ни парадоксально, но в стране лишь считанные единицы предприятий, где дизайнер может заниматься своим прямым делом—художественным конструированием. Впрочем, и это, оказывается, только полфакта, потому что еще меньше предприятий, где эта должность вообще предусмотрена штатным расписанием. Но дизайнера все же приглашают, оформляя его инженером, старшим специалистом, консультантом и... что там еще можно придумать.

Но почему, собственно, художник должен именоваться как-то иначе, если у него есть моральное право на свой прямой статус, право, приобретенное образованием и профессиональной принадлежностью? Обидно? Конечно. Но дело, как показывает практика, не только в моральном ущербе: ложное положение приносит и другие горькие плоды. Всякий художник, достигший высокого уровня профессионального мастерства, естественно, становится членом своего творческого союза. Надо ли говорить, что каждый художник столь же естественно к этому стремится? Что же получается с художником-дизайнером, который числится инженером? Да будь ты первоклассным мастером, автором многих работ, внедренных в производство и высоко оцененных специалистами, дизайнеру, именуемому инженером, путь в Союз художников заказан.

Не думаю, что много найдется среди молодых специалистов таких, кто на ложное это положение сможет махнуть рукой: мол, без союза проживем, а, как ни называйся, главное—делать свою работу. Но вот делать эту самую «свою работу» приходится, увы, далеко не каждому. Чем же чаще всего вынужден заниматься дизайнер на производстве?

Хотелось бы здесь нарушить некую безыменность нашего разговора и назвать недавнего выпускника-строгановца, кстати сказать, одного из тех, кто создавал соответствующий облик уренгойской «Белоснежки». Но поскольку он разделил участь многих своих коллег, думаю, вполне достаточно будет адреса—по распределению попал этот выпускник на завод керамических изделий в Московской области.

Именно здесь молодому специалисту обещали, нет, гарантировали, что заниматься он будет своим прямым делом—разработкой орнаментов и рисунков для нанесения на кафельные плитки и блоки. Совсем неплохо, если учесть масштабы и новые требования строительства; к тому же у молодого специалиста были идеи, заветные идеи. Так вот, первым его «заданием» было написать лозунги и конструировать плакаты типа «Не стой под стрелой!». Дело, конечно, нужное, и если нужно... человек с высшим художественным образованием и квалификацией строгановца сделает это отлично. Так и было, время шло, а когда работа была, наконец, закончена, дизайнер опять-таки в простом не оказался—получил новую, еще более ответственную: писать... номера на вагонах. В общем, работенки молодому специалисту хватало. Через несколько месяцев он так втянулся, что стал

забывать, чему учили его в институте... Знаю, работает теперь в издательствах по договорам, оформляет книги, ведь дизайнер, он на все, как говорится, руки.

А что же завод керамических изделий? Нарушился производственный цикл или план не тянет? Да нет, завод продолжает выпускать унылую плитку с давно засохшими купеческими лютиками; берут—другой-то нет... А вот и еще завод, где дизайнер занимается «конструированием» транспарантов. Этот завод выпускает отличные, да, да, отличные—с точки зрения техники—станки, но внешний вид оставляет, так сказать, желать... Еще пример? Извольте. Завод осветительной арматуры, тоже использующий своего дизайнера «по линии плаката и объявления», продолжает заполнять магазины торшерными, к которым так и хочется припечатать: «дизайн Собакевича».

Стоит ли добавлять? Странная получается картина: в стенах института дизайнер занимается дизайном—он конструирует вещи, и они внедряются в производство; во время студенческой практики его знания и мастерство тоже находят благодарное применение—Уренгой, с которого мы начали. (Кстати, прикинув объем сделанного, сроки, расценки, мы выяснили, что, будь эта работа заказана комбинату Художественного фонда, уренгойцы получили бы свою «Белоснежку» не через два месяца, а через три года и обошлась бы она им в десять раз дороже. Но это только кстати.) А потом с дизайнерами происходит вот что.

Через два-три года из пятидесяти ежегодно выпускаемых МВХПУ дизайнеров хорошо, если десять—двенадцать остаются работать по прямой своей специальности. Среди них мы не считаем, конечно, тех, кто попал в специальные художественно-конструкторские бюро (таких бюро значительно меньше, чем сегодня требуется), не считаем и тех, кому посчастливилось работать на крупных предприятиях, где есть бюро художественного конструирования,—таких по пальцам перечесть. А остальные, которым приходится трудиться «на ниве транспаранта»? Нет, без работы они, конечно, не останутся: дизайнер умеет все. И это, кажется, понимают все.

Но остаются вопросы, от которых никому не деться.

Нужно ли дизайнеру «придумывать» должность? До каких пор будет он жить под чужим именем? Кто защитит, наконец, право дизайнера на самостоятельность? На ту самую самостоятельность, которая нужна (да что там нужна—необходима!) сегодня каждому предприятию и производству?..

Автор должен сознаться, что не может ответить на эти вопросы. Но автор слышал (да! да! журналисту приходится писать «слышал», более того: «слышал, что ходят слухи...»), так вот, ходят слухи, что будто бы кто-то слышал, что, может, будет создан самостоятельный творческий союз дизайнеров...

Но это, повторяю, слухи, в которые, правда, очень хотелось бы верить. Не знаю, впрочем, решит ли это все проблемы дизайнеров. Возможно, есть и другие пути—не такие сложные.

Может быть, для начала хозяйственным руководителям достаточно признать, что дизайнер способен сегодня решить массу проблем, стоящих перед производством?..

Есть ли положительные тому примеры? Прочитирую фразу, которая, уверен, должна расставить все точки над «i»: «Когда предлагают варианты эскизов, я беру тот, который рекомендуют сами дизайнеры, а не тот, который нравится мне».

Говорил это генеральный авиаконструктор Олег Константинович Антонов. Добавим к его словам то, что знают все: самолеты этого конструкторского бюро не только отлично летают, ими любуются.

РЕШАТЬ

ПОЧЕМУ КОМИТЕТ КОМСОМОЛА ЗАНИМАЕТ ПАССИВНУЮ ПОЗИЦИЮ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПЬЯНИЦАМ?

Ян ВЛАДИН

О н стоял, прилипнув лбом к холодному стеклу в тамбуре поезда, не обращая внимания на хлопанье дверей за спиной, безучастный к разговорам попутчиков. В потертых джинсах, не по росту коротком свитере, стоял и, не выпуская изо рта сигареты, смотрел в темень за окном, изредка пронизываемую желтыми огнями полустанков.

И все-таки я его разговорил. Отвечал Андрей, так он назвался, нехоти, в детали не вдавался, но себя не щадил и сочувствия не искал. А дела у него складывались невеселые. Отслужив в армии, пришел на завод. Три месяца походил в учениках, получил разряд. Стал зарабатывать, и немало. Почувствовал себя «рабочим классом», которому якобы многое может проститься за горячий его труд, и стал нарушать рабочую дисциплину.

— Выпивал, в общем. Прямо в цехе,—отрезал Андрей.— Не один, конечно. Но я попадался, а другие умели выйти сухими из воды. Раз меня предупредили, второй. Потом появился знакомый теперь всем указ. Я выводов не сделал. Как-то выпил в раздевалке, еле до проходной добрался. Вахтер остановил, составили акт. Но и тут сошло, только премии лишили да на собраниях поклонили. Ну, а потом—финиш, спьяну устроил дебош в кинотеатре. Забрали в милицию. Сообщили на завод. Вызвали на комиссию по борьбе с пьянством, есть у нас такая. И вылетел я с завода по 33-й статье. И никто в цехе за меня не вступился, вот что обидно и тяжело. Ну, помыкался в городе. Никуда не берут. Подался в другие края, на большую стройку, думал, там устроюсь. Но в штабе комсомольской стройки дали мне, как говорится, от ворот поворот, не нужны им, значит, пьяницы... Вот еду домой. Буду проситься обратно на свой экскаваторный завод, кем-нибудь. Может, возьмут.

Тут я не выдержал и спросил:

— Ты комсомолец?

— Был. За пьянками перестал взносы платить... В общем, исключили. Правильно, конечно. Одно не пойму—ведь дисциплину я давно нарушал, но комсомол наш на это не реагировал. За неуплату взносов попадаю, верно. Но не за пьянку. Это уж когда я до точки дошел—комсомол вмешался. А раньше вроде бы и не замечали моих художеств...

...Секретарь комитета ВЛКСМ костремского экскаваторного завода «Рабочий металлист» Александр Немцов на примеры и факты не скупился. Формально в заводскую комиссию по борьбе с пьянством входит заместитель Немцова Владимир Яковлев, но вопрос настолько серьезный, что и Александр фактически участвует в работе комиссии на равных с замом. Итак, в прошлом году из районного отделения милиции «сигналы поступили» на 21 комсомольца (большинство из них побывали в медвытрезвителе). С каждым из них проведена работа. 12 комсомольцев получили выговор с занесением в учетную карточку, 4—строгие выговоры, 5—исключены из рядов ВЛКСМ.

Помимо этого, в милиции побывали еще 32 молодых рабочих из числа несоюзной молодежи. С ними сложнее. Никаких санкций к ним комитет применить не может, в этом случае решающее слово за администрацией завода. В среднем комиссия собирается два раза в месяц. Представитель комитета

ВЛКСМ наравне с другими членами комиссии решает судьбу пьяниц. Если это комсомолец, комитет изучает обстоятельства его проступка дополнительно и реагирует по своей комсомольской линии.

О степени принципиальности комсомольцев в отношении нарушителей трудовой дисциплины, по словам Немцова, можно судить по случаю с бывшим секретарем бюро ВЛКСМ паросилового цеха Сергеем Капковым. Сказав, что он идет в комитет комсомола, Сергей вышел за проходную, вскоре оказался возле магазина, где спустя два часа был замечен уже изрядно выпившим. Несмотря на это, Капков вернулся на завод (как он потом объяснял, за зарплатой), где попался на глаза руководству со всеми вытекающими отсюда последствиями. Комитет мгновенно отреагировал на «художества» комсорга, сняв его с должности секретаря бюро и объявив Капкову строгий выговор с занесением в учетную карточку. Тут, впрочем, комитету ничего иного и не оставалось—случай получил широкую огласку.

Потом поведали мне историю с Геннадием Набатовым. Выглядела она так: Набатов попал в медвытрезвитель. Комсомольцы с ним поговорили, что называется, по душам, но нужных выводов Геннадий не сделал. Вновь нарушил дисциплину. Вот и пришлось ему с комсомолом расстаться. «Из-за пристрастия к спиртному»,—уточнили в комитете.

Позвонил в цех запасных частей, один из ведущих на заводе. Узнал, что работает Набатов в первую смену. Решил встретиться. И вот сидим мы с Геннадием друг против друга. Разговор не вяжется, никак не поймет Набатов, с чем я к нему пожаловал. Наконец, спрашиваю напрямик:

— Жалеешь о случившемся?

— О чем именно?—переспрашивает Набатов.

— О том, что билет комсомольский на спиртное поменял.

— Так я ведь сам, считайте, из комсомола ушел, по своей вине бы воле. И не из-за пьянки. Получилось, что визит в медвытрезвитель мне простили. Тут другое...

И поведал мне Геннадий свою историю, несколько отличавшуюся от изложенной комсомольскими работниками. Все верно, полгода назад угодил он в медвытрезвитель. Идя на комсомольское собрание, приготовил себя к худшему. Но... обошлось. Конечно, досталось ему тогда здорово за пристрастие к выпивке, особенно от комсомольского актива. Но в целом ограничились в тот раз строгим предупреждением. Геннадий дал слово, что пить бросит. А тут вскоре у Набатова вышел конфликт с секретарем цехового бюро ВЛКСМ из-за каких-то пригласительных билетов, которые распределялись, по словам Набатова, несправедливо. Результатом конфликта был отказ Набатова добровольно вносить комсомольские членские взносы. Тогда взносы стали, опять же по словам Набатова, взимать с него чуть ли не принудительно, то есть высчитывать из зарплаты. Геннадия это вконец обидело, и он заявил, что в комсомоле состоять больше не хочет. Остальное, мол, было делом техники.

— Я так думаю, и без комсомола могу прожить не хуже, чем с комсомолом,—заключил Набатов.

Случилось так, что финал нашего разговора с Геннадием состоялся в присутствии его товарищей. И один из них, а именно Александр Гогин, подлил, что называется, масла в огонь.

— Я тоже выбыл из рядов ВЛКСМ. Не за пьянку, хотя и выпивал, а за то, что на комсомольский учет встать отказался. Это не значит, что в общественной жизни участия принимать не хочу,—я и на субботники выхожу, и вообще... Но только уже в рядах несоюзной молодежи.

Я далек от того, чтобы оправдывать Набатова, Гогина и им подобных. Без них комсомол проживет. Но правильно ли, что выбыли они из его рядов, коротко говоря, «за взносы», а не за то, что было—с их же точки зрения—куда более тяжким нарушением Устава, в чем действительно видели они себя виноватыми и за что ждали справедливого наказания?! Слов нет, взносы—дело первостепенное, но сводить все только к ним—значит обеднять само понятие воспитательных функций комсомола, его политического престижа.

Не мог я после разговора в ремонтном не поинтересоваться: а разбирали ли хоть раз комитет ВЛКСМ или цеховые бюро персональное дело комсомольца, злоупотребляющего спиртным? Случалось ли, чтобы сами, руководствуясь собственными побуждениями, требованием времени, называли кого-то нарушителем, спросили с него по всей строгости? Было ли такое, чтобы члены комитета сказали во всеулышание: «Этот человек не может быть комсомольцем, потому что он пьяница и его поведение несовместимо со званием члена ВЛКСМ»? Вспоминали, листали протоколы, куда-то звонили. Нет, пожалуй, не было. Почему?

А потому, что этого не требовалось. Есть партийная и профсоюзная организация, у них полномочий больше, там товарищи поопытнее, в случае чего подскажут. Конечно, подскажут. Но сами-то, сами! Не оттого ли Гогин с таким пренебрежением говорит о заводском комсомоле, что низок пока авторитет организации, что не умеет, простите за сравнение, комитет показывать зубы, что идет не впереди дела, а где-то во второй шеренге?

Мне могут возразить: правомерно ли судить об авторитете заводского комитета по тому лишь, как он работает с пьяницами? Есть, мол, на счету комсомольца экскаваторного немало добрых дел: работа по месту жительства (то есть в общежитиях), организация своего туристического клуба, строительство спортзала, трудовые традиции, которые умножают экскаваторщики, и прочее. Согласен, есть. Но боевитость организации—это и ее умение бороться за человека, отстаивать свою точку зрения, не бояться вынести сор из избы.

На XXVII съезде КПСС говорилось о том, что в перспективе роль общественных организаций, в том числе и комсомола, в системе самоуправления народа будет повышена. Будет расширен круг вопросов, которые государственные органы могут решать только при их участии или с предварительного с ними согласия. Но пользуется ли комсомол ныне уже предоставленными ему правами? Вот в чем вопрос.

Уже не требует доказательств и аргументов утверждение о необходимости создать вокруг пьяниц атмосферу нетерпимости. Это аксиома. Роль комсомола в этом деле как организации мобильной, обладающей духовной энергией, ответственной за воспитание молодых граждан чрезвычайно велика. Формы участия комсомола в предупреждении и выявлении фактов пьянства разнообразны: организация досуга молодежи, пропагандистская работа, рейды прожектористов. И главное—бескомпромиссная позиция по отношению к пьяницам. Без указаний сверху.

Теперь о том парне из поезда, Андрее. Взяли его на экскаваторный. Снизил разряд, предупредили, что до «первого случая», но взяли. Узнал об этом и подумал: хорошо бы—пусть Андрей теперь и «несоюзная молодежь»—комсомол ему помог, чтобы хоть как-то компенсировать прошлое невнимание к «художествам» этого парня.

А НЕ ЖДАТЬ

В ЭТОЙ ГОСТИНОЙ БЫВАЛИ
ШАЛЯПИН И РАХМАНИНОВ,
СТАНИСЛАВСКИЙ
И НЕСТЕРОВ...

ДОМ-МУЗЕЙ ЯРОШЕНКО
В КИСЛОВОДСКЕ.

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ
ПРАХ ХУДОЖНИКА.

ОДНА ИЗ РАБОТ МАСТЕРА.

Отечество

КАВКАЗ

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

В МАСТЕРСКОЙ.

Издравле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

С. ЕСЕНИН

Н

у, знаете, это уже слишком! Великий князь был в замешательстве. Принадлежность к царствующему дому и могла бы извинить либерализм, но должность шефа российской артиллерии не позволяла этого. Дело же касалось обстоятельств чрезвычайных.

Исполнить секретное поручение, связанное с производством новейшего оружия, определен полковник Ярошенко. Знаток оружейного дела, исправный офицер сомнений не вызывал, — приказ о назначении великий князь охотно скрепил бы подписью, но... Полковником оным был не однофамилец и даже не родственник, а тот самый Николай Ярошенко — автор «Заклученного», «Студента», «Курсистки» и, наконец, картины по-настоящему скандальной — «У Литовского замка», снятой с выставки в день открытия Девятой Передвижной, всего за несколько часов перед тем, как бомба на Екатерининском канале разнесла императорскую коляску.

— Ведь это же социалист!

Непонятное, властно входившее в русскую речь слово пугало. И хотя знавшие полковника сослуживцы убеждали великого князя, что Ярошенко не социалист, а только «абсолютно честный человек», шеф артиллерии был непреклонен. Должность обязывала знать больше, а слухи, достигавшие двора через известный департамент, были не в пользу полковника: в запрещенной картине изображены Софья Перовская и Вера Засулич. Иного выхода, как учредить дознание, великий князь не находил.

— Зачем вы писали Перовскую и Засулич?

— Ни ту, ни другую я не писал, — отвечал Ярошенко, по обыкновению прямо глядя на вопросителя. — Не писал потому, что не видел их. А если бы был знаком, то написал бы с удовольствием, так как это такие личности, на которые нельзя не обратить внимания. Если бы я это скрыл от вас, то я бы солгал.

Перед дерзкой честностью пасуют и жандармы — приказ был подписан. Но ярлык «соци-

алист» так и остался за Николаем Александровичем Ярошенко на всю оставшуюся жизнь.

...Ему едва минуло сорок. Был художник в расцвете дарования, — итоги подводило выходило рановато. Но здесь, на горной дороге, под сухой шорох осыпавшихся камней, когда стремя в стремя ехал он с проводником и кунаком своим кабардинцем Базиди, должен был почувствовать Ярошенко, что был это рубеж жизни. Первый остался на севере — в Петербурге. Второму, новому, начало полагалось здесь.

А новыми здесь были и красавец Базиди, крепко, с прямой спиной сидевший в седле, и непривычный, но все отчетливее проступавший в этюдах Ярошенко пейзаж, чуть тронутый осенью. Одним взглядом, точно выстраивая композицию на огромном холсте и отмечая главные цветочные пятна, охватывал он сверху порывевшую Ольховую балку, синюю, стремительную, в белых баракашках речку, рассекавшую сизо-оранжевое ущелье; Елизаветинскую гору, уже покрывшуюся льдом; бледные, вдруг раскрывшиеся среди побуревшей травы и по-весеннему нежные фиалки, двуглавою снежную шапку Эльбруса, царившую, казалось, над миром. Все было ново. И при виде этого нового не мог не вспоминать Ярошенко о прежней своей, на севере оставленной жизни.

В этих краях отринувший, как и он теперь, столичную жизнь, вспоминал о ней Оленин из «Казак». По любви к Толстому странное это совпадение мыслей не было бы случайным. Но прежняя жизнь представлялась толстовскому герою постыдной. Свою, оставленную в столице, прожил Ярошенко в ладу с собственной совестью, и «совестью передвижников» называли художника не ради красного словца, когда вместе с Крамским, а потом и один потянул он тяжкую ношу вожда «бунтарей от искусства». Но это будет потом. Теперь же рубеж прежней его жизни должен был побуждать к воспоминаниям изначальным.

...В темно-зеленый, с белыми погонами и вензелем «ПП» мундир — Петровский Полтавский корпус — одели его осенью 1855 года, когда не вышло ему и полных десяти лет. Семейная традиция берегла строго, возраст не допускал сомнений, будущее, казалось, определено. Но среди тетрадок по арифметике тогда уже затесался простенький, в мягкой обложке альбомчик для рисования... Потом Петербург: черная бескозырка с красным околышем, черного сукна куртка и яркие красные погоны с высечкой «I ПП» — Первый Петербургский кадетский корпус. Должна была вспоминаться ему и огромная, с колоннами зала, пересеченная шеренгами железных кроватей. Над каждой шест с тускло блестящей жестянкой и именем кадета. А стопка тетрадей с баллистическими кривыми лежит на казенной тумбочке рядом с увесистым, в кожу переплетенным альбомом для рисования, уставом не возбраняемым. Прятать нужно другое, и под жестким матрасом аккуратно прибранные истрепанные по углам листики: сверху плотно набрано «Колокол» и тонкими буквами под ним — *Vivos voco!* — «Зову живых!»...

А день начинали барабанной дробью — в половине шестого дежурный бил зорю. Вставали быстро — как к бою. Но всякий раз успевал он глянуть в окно: в рассветных сумерках на другой стороне площади громоздилось серое, мрачное, но маявшее здание — Академия художеств. Воспитаннику военного заведения глядеть на нее поло-

зора. Статья же выходила ко времени и была не в бровь, но в глаз: «А вы бы, художники, лучше людям дело давали, уму-разуму их учили, на путь истинный наставляли. Главное же: идеек побольше, идеек да вопросов разных, занимающих умы людей солидных и праздности не предающихся...»

И застывал над белым листом остро отточенный карандаш кадета-художника. Еще бы! Таких речей в корпусе не услышишь! Путеводными огоньками в потемках времени светили эти слова, и крепло исподволь убеждение: художнику в России предназначена миссия особая, обязан стать живописец в отечестве гражданином. И так ли уж далека от истины будет наша догадка о том, что тогда именно и предпочел он службе военной служение искусству?.. Но от Марса к Аполлону долг оказался путем.

После корпуса вышла ему академия — только артиллерийская. В другую, заветную, войдет он, не сняв военного мундира, вольнослушателем, а окончив и став скоро в ряды первейших русских художников, не оставит службы для того только, чтобы не писать картин на заказ, ради куска хлеба. Живописи — призванию и делу жизни — оставит он вечера да воскресенья с праздниками. Выдюжить две таких ноши не всякому дано, да так еще выдюжить, чтобы, вспоминая, не пожалеть ни об одном прожитом дне.

И теперь он не жалел о них. Но после дождливого Петербурга, с сереньким его небом и бледным цветом свинцово отраженных в каналах прямых зданий, отрадной было вспоминать о прошлом здесь — в прозрачном воздухе незамутненных запахов травы и снега, среди мягких очертаний блестящих на солнце гор, огородивших мир новой его жизни.

Красоту ее почувствовал Ярошенко после первой своей поездки на Кавказ. Теперь он сроднился с ней, а сроднившись, успел полюбить, как смуглооливковое лицо товарища своего Базиди, по-рыцарски благородного и по-детски простодушного. Улыбка кабардинца была ослепительной — как снег на вершинах Эльбруса. С трудом переворачивал Базиди русские слова, но гортанная его речь прекрасна была неподдельной искренностью.

— Карош сакля Птербурге имзишь?

— Совсем не имею. Нанимаю.

— Много денга платишь?

— Тысячу двести рублей в год.

— Ай-ай!.. Булшой сакля?

— Семь комнат.

— Многа жена имзишь?

— Что ты, Базиди! Ты же знаешь мою жену, Марию Павловну. У нас много жен нельзя иметь.

— По закон нильзя. Без закон можны... На что тебз адна жена — семь сакля?

— Так у нас все живут.

Долго едут молча. Базиди глубоко вздыхает:

— Жалка минз тибз, Николай!..

Диалог этот, в таком именно виде переданный Николаем Александровичем современнику, серьезнее, конечно, шутилой его формы. Но, добрая душа, не знал Базиди, что не жалеть нужно Николая Александровича, а радоваться вместе с ним обретению нового пристанища, хотя оставленный дом в Петербурге вспоминать должен был Ярошенко только добром.

Уже потому вспоминать его нужно было так, что были друзьями этого дома Толстой, Менделеев, Гаршин, Стрепетова, Успенский, Короленко — люди не просто из первых строк русской культуры, но, что самое главное, одного нравственного направления. Оторвать Ярошенко от этого круга, заставить искать новый дом на окраине России не могла бы и беда — открывшаяся вдруг серьезная болезнь горла. Советовали настоятельно врачи лечить недуг благотворным кавказским воздухом, но знать нужно было натуру Николая Александровича, общественного его, как сказали бы теперь, темперамент, чтобы понять: не сделает он этого шага ради одного только собственного здоровья. И осталось бы все по-прежнему, был бы Кавказ в его жизни местом, куда наезжал бы он коротко — на этюды, но случилась так, что первая же поездка в эти края открыла ему высшую пользу Кавказа — пользу его творчеству. Здесь почувствовал он цвет — яркую и доступную ему палитру, отсутствием которой, он знал это, страдала прежде умная его живопись. Петербург с его четкой социальной реальностью открыл в художнике гражданина. Кавказ с яркой первозданностью его природы — живописца. Новый рубеж жизни обещал и высшую ступень — гармонию двух этих начал.

Собственные тому, но по скромности натуры робкие догадки единодушно подтверждала критика. Было это, по сути дела, открытием художника уже знаменитого, с крепким в русском искусстве именем. Серьезное это обстоятельство извинит нам пространную цитату из прессы того времени:

РУССКИЕ ЭТЮДЫ

жено издали, уставом это тоже не возбраняется. И пока тайная мечта учению и службе помехою не обернулась, сквозь пальцы смотрело начальство на партикулярные отлучки воспитанника. Каждую субботу кадет в черной длиннополой шинели и с отпускным билетом, втиснутым, как и положено, между третьей и четвертой пуговицами, бежал, минуя академию, в рисовальные классы Адриана Марковича Волкова. Невдомек, слава богу, командирам, что были для него эти классы и школою жизни — по субботам собирались здесь сотрудники знаменитой «Искры».

Все, что по известным причинам «не вмещалось» на журнальные полосы, обретало гласность на волковских субботках. В одну из памятных суббот редактор «Искры» Василий Степанович Курочкин читал корректуру новой статьи, одно название которой — «Расшаркивающееся искусство» — взбесить должно было бы и либерального цен-

«До сих пор мы знали Ярошенко за портретиста, пробующего свои силы в жанре; теперь мы узнали в нем, кроме того, художника, наделенного большой способностью к пейзажу. Выставленные им (на XI Передвижной. — А. Н.) 18 этюдов доказывают, что он обладает тонким чутьем к впечатлениям природы, непосредственностью и своеобразием в их передаче и — что самое драгоценное — способностью держаться в сильных и ярких красках, соблюдая естественность и гармоничность».

Но к этому отзыву не упустим и со своей стороны добавить, что датирован он 1883 годом — временем, когда завершен был путь блестящего Федора Васильева, все лучшее создал проникновенный Саврасов, расцвела полною достиг пейзаж разных таких мастеров, как Шишкин и Куинджи, и высоко восходила звезда несравненного Левитана. Словом, было это время, когда школа отечественного пейзажа способна уже была выдерживать самые высочайшие к себе требования. В звездный этот час русского пейзажа явил Кавказ нового мастера.

Но вот что может показаться странным и требует потому особого внимания. Все упомянутые художники поднялись к высотам пейзажной живописи, изображая родную, сердцу созвучную природу. И вдруг Кавказ заставил заговорить художника, рожденного на Украине и созревшего на севере России!

Случайностей в искусстве не бывает. По крайней мере экзотика, новизна натуры не могут служить ему прочным основанием. Чем же объяснить этот высокий взлет мастера?.. Впрочем, дадим слово самому художнику: «Я видел многие чудеса — лазил на Везувий и на Этну, видел, как злятся, дышат и проказят эти чудовища, удивлялся, как беспечно на их боках расположились бесконечные человеческие муравейники, выстроенные на развалинах прежних, старался утащить хоть капельку тамошнего света и красоты — на полотно...»

«Старался...» Не звучит ли тут нотка некоего принуждения собственному сердцу? И не потому ли нет в Ярошенковской галерее этих мест достойного его таланта отражения?..

И вот — Кавказ. И нет словесных изъяснений красоты; есть кисть, одна только кисть, заговорившая страстно, влюбленно, интимно, как говорить можно лишь о земле, с которой сроднилось сердце. Горные ущелья, Эльбрус, снежные перевалы, куст алычи на каменистых склонах пишет Ярошенко с таким же упоением, как писал Левитан Звенигород, Васильев — Волгу, Шишкин — корабельные боры на вятской земле, а Саврасов — Костромскую губернию и Подмоскovie. Как писали они свое родное сызмала... Но отчего же пришелец с севера, сложившийся мастер, на юге обрел вторую родину своему искусству?

Отгадаем ли мы эту загадку полностью — не знаю. Но предположим с робостью, что жила в художнике и до поры тайная некая внутренняя неизбежность Кавказа, которую иначе, как строками поэта, вынесенными в эпиграф, и не объяснишь. Но ведь и в них «загадочный»!..

Но вот мимо чего не пройдешь, переворотив горы воспоминаний о Ярошенко. Современники его почти не задавались вопросом: почему? Едва ли не у всех о нем писавших было ощущение, что художник и Кавказ не соединились волею судьбы на каком-то этапе жизни, а существовала эта внутренняя связь от века. Зато есть множество рассказов о кавказских его странствованиях с горцами, бывшими всегда не в роли проводников, а закадычными его друзьями.

Тут бы и пресечь догадки о причинах крутого поворота этой судьбы, да события дальнейшие не позволяют сделать здесь остановку. В том-то и странность, что даже «глубоких» таких странствований по Кавказу ему было мало. С первых же поездок подумывать начал он об оседлой, с корнями, жизни в этих краях.

Почему пал выбор на Кисловодск, городок и курорт по тем временам, прямо скажем, никудышный, догадаться трудно. Для петербуржца была это глушь несусветная и, добавим, небезопасная. В конце века на окраинах Кисловодска бродили волки, а ночные набеги «немирных» горцев обычным были делом. Под копытный топот, свист и разбойное гиканье торопливо задували жители огонь, затворяли поспешно ставни, крепили глухим запором ворота — отсидеться бы до света... Но приглянулся художнику городишко в тревожных горах, хотя мысль осесть здесь крепко была еще смутной. Да угадала ее Мария Павловна. И слова о ней здесь не миновать.

Дала судьба Николаю Александровичу друга и помощника, до сих пор в жизни его полной мерой, быть может, и не оцененную. Сама художник способностей незаурядных, отказалась она от призвания ради таланта мужа. Еще в Петербурге, где ладилась общая их молодость, почувствовала Мария Павловна в таланте Ярошенко силу общественную, а теперь и другую сильную струю его дарования не только выглядеть сумела, но в том, что не расплескалась она, не иссякла, — заслуга ее первейшая. Без громких слов и помощи не прося ниоткуда, взялась она тихо за дело не из легких — устроить дом на новой земле.

Пока с потрепанным, побитым о камни этюдником, в простом горском седле неделями скитался Николай Александрович по тропам и ущельям Кавказа, не теряла времени и Мария Павловна. На краю поселка в окружении голубых и белых хаток под соломенными кровлями приглядела она усадьбу и в рассрочку за гроши купила. Да и то сказать, платить-то стоило разве что за место — на горке, откуда запущенным фруктовым садом спуститься можно было прямо к студеной чистой речке Ольховке. Домик же, скрывающийся в зарослях старых акаций и алычи, и на гроши не тянул — замшелый, вот-вот развалится.

Развалиться ему Мария Павловна не позволила. Но для дальнейшей жизни одного хозяйского глаза и починок временных было мало. Да вот беда, в кошелек знаменитого художника не шибко звенело, и новый дом Мария Павловна собирала по грошику, а прямо сказать, по бревнышку... Каждый понедельник в Кисловодске собирался базар, и ранним утром, когда пряталось еще солнце за горами, по-крестьянски покрытая белым платком, ходила она между арбами. На арбах тяжело навалены были массивные бревна, которые спускали татары с Эльбруса. Разобравшись в местных наречиях, столковывалась она с горцами скоро, и те охотно заворачивали волов к воротам старенькой усадьбы над Ольховкой. Завотами о плотниках Николай Александрович тоже не был обременен. Он писал.

Должно быть, и на руку кому-то было в Петербурге, что «социальный художник», пугавший власти одними темами своих картин, «ушел в пейзаж». Облегченно можно было вздохнуть еще и потому, что, казалось, надежно отгородил Кавказ от столиц возмутителя спокойствия и «отъявленного социалиста», а дом на Сергиевской, бывший благодаря хозяину клубом людей куда как неблагонравных, опустел. Но радоваться, слава богу, было рано. Прибежала к тому времени в глухой кавказский городок железная дорога, и дом над Ольховкой тотчас почувствовал эту новизну.

Вечера на балконе скромной кисловодской усадьбы добрым словом помянут скоро и Менделеев, и Короленко, и Глеб Успенский, и Чертков, и, конечно же, бывший ближайшим другом хозяина Михаил Васильевич Нестеров: «На этих вечерах не знали, что такое скука, винт, выпивка, эти неизбежные спутники духовного оскудения общества».

Сказать же, что стал Ярошенковский дом центром культурной жизни Кисловодска, будет недостаточно, хотя именно здесь собирались лучшие представители русской культуры. Но менее всего можно было бы назвать это салоном, потому что, как и в прежний дом, допускались сюда не просто звезды первой величины, но лишь те из них, кого отличала четкая гражданская позиция. Свидетельство современника многое, как нам кажется, объясняет в характере этого дома: «Были книги, и талантливо написанные книги, которых здесь не читали. Были писатели, и не бесталанные, имена которых не упоминались. Были поступки, за которые люди удалялись из кружка...»

Все это точно определяет общественный, так сказать, дух Ярошенковского дома, нравственную его бескомпромиссность. Не нужно, однако, думать, что знаменитые кисловодские вечера ограничивались жаркими политическими диспутами (хотя, как вспомнить, ни один без таковых не обходился). Если дом определяет его хозяин, а это так, то, скорый на шутку, всегда острый на слово и даже в пору обострения болезни первый охотник до веселья, создавал Николай Александрович неповторимую атмосферу своего дома. И, конечно, при всей серьезности диспутов политических царил в этом доме искусство.

Можно было бы рассказать о пении здесь Шалаяпина и Собинова, об игре Рахманинова, искрометных импровизациях молодого Станиславского, но далеко, к иной теме, к другим героям увел бы нас этот рассказ. Прервем его. Тем более что в просторной, пронизанной солнцем мастерской стоял большой мольберт. Вышедший в отставку и без военного мундира как-то сразу помолодевший Николай Александрович закрепил на нем широкий загрунтованный холст — кавказских этюдов, свежих, сочных, полнокровных и звучных, достаточно накопилось уже для большой картины. Ее ждали.

Нет у нас достаточных данных, чтобы живо представить себе будущее создание художника. Но мы знаем, что все эти годы Ярошенко специально изучал жизнь и быт маленьких кавказских народностей, забыть на окраине империи царем и богом. Знаем мы и то, что крепкая социальная кисть, уже на заре деятельности так основательно задевшая сильных мира сего, обрела благодаря Кавказу и недюжинную живописную силу... Но что делать, здесь — 25 июня 1898 года — вынуждены мы прервать рассказ о художнике, вторая пора творчества которого подымалась к своей вершине. Поставить же точку на крутом этом подъеме дадим современнику: «Ярошенко управлял крыльями по мере того, как они росли, и никто не может сказать, какой силы достиг бы он, если бы судьба подкосила его не в 1898 году, а десятью, двадцатью годами позже».

«От каждого по способностям...» — таков закон нашей жизни. Но всегда ли наши способности раскрываются полностью? Что этому мешает? Почему у иных молодых, полных сил и энергии людей опускаются руки при столкновении с первыми жизненными трудностями? Сколько дел вокруг, а среди нас есть люди, которые предпочитают оставаться в стороне, на обочине, которые больше заботятся о благоустройстве своего гнездышка, а не о нашем общем доме. Откуда у них такие взгляды и настроения?

Начало этому разговору положили два читательских письма — инженера из

ЭПИГ Игорь ДЬЯКОВ НЕ

Не сразу узнал я его голос — мы не виделись уже лет пять. Сергей говорил возбужденно, немного натянуто и, как мне показалось, посмеиваясь. И впрямь его приглашение в «ночное», на станцию ближайшего пригорода, выглядело довольно странно. Но я поехал...

С Сергеем Светашовым мы учились в одном классе. Долговязый, стеснительный, он не любил пустых разговоров и избегал всякой парадности — даже на выпускной вечер пришел после того, как закончились торжественные речи. Увлечений у него было много: лучший в классе физик, математик, победитель районных олимпиад по литературе, гитарист, резчик по дереву... Однажды, было это в классе восьмом, Сергей построил на плотине действующую модель мельницы. Посмотреть на нее приходили чуть ли не все жители нашего городка. Цокали языком, пророчили юному изобретателю большое будущее.

Казалось, так оно и будет. В институт Сергей поступил легко, и в учебе ему сопутствовала удача: курсовые, как по спирали, следовали одна за другой и логически завершили дипломом. Защита дипломного проекта прошла «на ура». И вот Светашов, душа студенческой компании и отрада преподавателей, получает распределение в один из отраслевых НИИ. Тут-то мы и потеряли друг друга из виду.

...Сергей встретил меня неподалеку от платформы. Время было позднее, и редкие пассажиры поспешили к автобусу. В первый момент я остолбенел, увидев знакомую сутуловатую фигуру в длинномполном тулупе.

— Боец вневедомственной охраны Сергей Николаевич Светашов! — слегка куражась, представился он и неумело приложил рукавицу к шапке.

Мы пошли по направлению к небольшому домику из силикатного кирпича, крытому толем, с единственным светящимся окошком. Сергей все время проваливался в снег — он хотел идти рядом, а тропинка была узкой.

Когда он открывал дверь, откидывая ржавый крючок, было заметно, как дрожали его руки, — волнуется. Видимо, в эту встречу Светашов хотел «объявиться» в своем новом качестве.

— Прошу в мой кабинет задумчивости, — все еще ерничая, сказал Сергей.

Я огляделся. На стене, над большим квадратным столом, красовались портреты Пола Маккартни, Маркеса и Рабле. Чуть ниже, приклеенные прямо на обои, рядом висели три свидетельства об изобретениях. И совсем уж уютным делала это казенное помещение стоявшая на столе фотография улыбающегося малыша — Вовчик Светашов. «Наследник моих

Подмосковья Ольги Борисовой и молодого учителя Андрея Окамова («Смена» № 7).

Пришли первые отклики. «Есть о чем поспорить», — пишет Игорь Архипов, 25-летний токарь из Свердловска. — «Ведь затронуты проблемы, которые волнуют всех и каждого». «Засилье бюрократизма, море инструкций, указаний топит живую мысль, порождает пассивность», — считает 18-летний студент из г. Жуковского Московской области Роман Алексанов.

Однако не будем торопиться с выводами. Надеемся, что история, которую мы предлагаем вашему вниманию, как говорится, подольет масла в огонь.

ков. В общем, все вернулось на круги своя, как только изобретение Светашова в соавторстве с его начальником было должным образом зафиксировано. Из талантливого, инициативного специалиста Сергей вдруг превратился в безответственного «бунтаря», который только «разлагает» коллектив.

— Шеф был дока по части демагогии и налаживания всяческих связей. — Светашов грустно улыбнулся. — Мог добыть все, от стула до дачного участка. За это, наверно, и держали...

Сергей включил кипятильник, погрузив его в жестяной кувшин. Только тут я обратил внимание на глубокие залысины, появившиеся у моего приятеля, а еще я заметил, как постоянно щурились и слезились его голубые глаза, — так бывает у людей, которые много читают по ночам. Именно за чтением Светашов и коротал дежурство — у двери несколько самодель-

сидеть «от» и «до» и бить баклуши? И вот, когда ты почувствуешь в себе «вечный зов» мужского долга и достоинства, ты начинаешь искать выход. И находишь. И где же? За стойкой бара? В шитые модных сумочек? В тепличном цветоводстве, в исполнении полумифических обязанностей сторожа или лифтера?.. Потому что всему есть предел, — с каким-то остервенением воскликнул Сергей. — У меня изобретения месяцами зрели, ни одно так и не было внедрено, а тут сразу: «Пожалуйста, получите».

Я слушал его, вновь и вновь осматривал его «владения». Все-таки неудобно здесь, тесно, душно.

— В одиночестве, без коллектива не скучно? — спрашиваю.

Сергей ответил не сразу.

— Я уже не могу представить, — неторопливо начал он, — что возможно единение таких горячих энтузиастов, занятых одним общим делом. А если этого нет, значит, случайные люди вынуждены притираться друг к другу. Зачем? Чтобы чаи веселее гонять... Коллектив ревнив — в этом я убедился, — все более «вдохновляясь», продолжал Светашов. — Он требует подчинения себе. Когда же нет большого дела, то всякая мелочь раздувается в «дело». «Коллектив всегда прав» — эта формула действовала столь долго и столь опустошающе, что пассивность, порожденная ею, очень трудно поддается корчеванию. Многим и в голову не приходит мыслить и действовать шире, чем предписывается. Чтобы не выглядеть выскочкой на фоне пылкой апатии...

«Пылкая апатия» — это что-то новое. Светашов пояснил:

— Такая скука никогда не выглядит уныло. Наоборот, она бодро выступает на собраниях, не веря в то, о чем говорит. Она даже аплодирует тем, кто гвоздит ее со сцен и экранов. Она подпевает эстрадным певцам, танцует, смеется, но все это при холодном, вернее, тепленьком сердечике.

Он, конечно, утрировал. Словно убеждал меня, а скорее себя, что так есть и так будет всегда. И ничего сделать с этим, дескать, невозможно. Поза непризнанного гения, непонятого обличителя, который решил остаться чистеньким, не прикасаясь к прозе жизни, удобна для него. Он к ней привык. Свежий ветер перемен, помогающий нам сегодня по-новому строить свои жизненные и производственные планы, ему и не нужен — он боится простудиться.

Есть же люди, много людей, инициативных, сокращающих рутину, говорил я Светашову. Никто не собирается хвалить затыкающих пробойны, забывая о виновниках аварии. И когда что-то горит, надо кричать «пожар» и бежать тушить, а не собирать в кучу свое барахло. А Сергей если и кричит о пожаре, то только шепотом. Да и один ли он такой? Увы, чувство справедливого, активного протеста против бюрократизма, косности, способность бороться с неправдой притуплены у некоторых молодых людей какой-то преждевременной усталостью, а то и боязнью открыто высказать свое мнение. Набили шишек?.. Нет, чаще просто отказались от борьбы, даже не начав ее. Готовы сетовать на судьбу, страдать и киснуть оттого, что им отдавали ногу в автобусе, отругал начальник, жена сварила невкусный суп. Не унизительна ли такая психология иждивенцев, основанная на недовольстве тем фактом, что общество к моменту их рождения «не успело» достичь своего совершенства? Опутали себя компромиссами, как липкой лентой, оставив себе в утешение минуты пламенного гудобоя, дающего лишь эмоциональную разгрузку. — не в такую ли минуту и позвонил мне Светашов?

И я решил прямо спросить его об этом.

— Скажи, Сергей, только честно. Не рано ли ты, молодой, мало битый, думающий, образованный, уходишь на обочину? Тем более в такое время! Неужели эта духовная нора, в которую ты себя загнал, тебя устраивает?

Светашов молчал, а потом заговорил совсем о другом.

...Мы стояли на платформе и ждали первую электричку на Москву. Было темно и зябко. Вспоминали школу, одноклассников — кто где работает. Говорили спокойно, по-приятельски. Словно и не спорили ни о чем. Сергей предлагал встретиться со старыми друзьями, обещал позвонить.

Прошло полгода. Что с ним, как он? Изменилось ли что-нибудь в его жизни?

Не знаю. Пока он мне не звонил.

Дискуссия продолжается.
Ждем ваших писем.

ВЗАГ УДАЧНИ

Продолжаем
читательскую дискуссию
«Отступить или одолеть?»

идей», — посмеиваясь, сказал Сергей, не без труда снимая свой тулуп.

Быстро, словно у него было мало времени, Светашов рассказал, как возникло у него решение, по его словам, «уйти в тину». Он перебрал множество вариантов. Собирался уехать на Крайний Север, но не хватило решимости. Для перехода в таксисты или носильщики, как оказалось, требуется большая оборотистость. Энергии-то у Светашова хватало бы, но, как он выразился, не захотелось «мараться».

— На работе приняли как родного, — вспоминал Сергей о своих первых днях в НИИ. — Я прямо-таки сиял и визжал от радости. Знаешь этот визг молодого специалиста, когда после стипендии зарплата в 120 рз кажется золотой россыпью? Сразу отказался от помощи родителей, дух самостоятельности — вещь упоительная...

После того, как Светашов получил первое свидетельство из ныне висящих на стене, его похлопали по плечу, а внедрение идеи отложили в долгий ящик. Второе пошло в компанию к первому. Честолюбие Светашова было уязвлено.

— Я терпеливо все чего-то ждал, — с горечью в голосе рассказывал Сергей. — Месяцы складывались в годы. Годы заполнялись постылой, одуряющей отсидкой на так называемом рабочем месте. Ходил по кабинетам, где научные работники гоняли чаи, решали кроссворды...

Светашов чаи не гонял. Понимал, что это обесценил, обезволил, заставит смириться с ничегонеделанием.

— Сгруппировался и добил третье. — Сергей задержался взглядом на стене, где висели свидетельства. Было видно, что за этими голубенькими бумажками с белыми полями для него скрывается что-то весьма существенное. — По предварительным подсчетам, — продолжал он, — эффект от внедрения ожидался приличным. И тут меня вызвал шеф и мягко так, с хохоточком, предложил себя в соавторы. Как быть? — Сергей помрачнел, будто заново переживал ту печальную для него ситуацию. — Отказаться — значит уходить из института, ведь не таких, как я, наш шеф обламывал. А при согласии открывалась перспектива не только для меня, но и для дела. Кое-что мне удалось тогда выторговать...

«Выторгованными» оказались дни надомной работы. Светашов предложил график присутствия и систему отчетности. И казалось бы, все от этого только выигрывали. Сослуживцы носили его на руках. Все стало яснее и четче: цели, задачи, результат. Однако скоро шеф затосковал по полному составу сотрудни-

ных полок с книгами, из некоторых торчат закладки.

Сергей разливал чай в большие керамические чашки и продолжал свою историю. Конфликт с шефом обострялся, «гайки» закручивались. Как-то Светашов сказал своему «соавтору», что куда лучше премировать ученых не деньгами, а свободным временем. Ведь щедрый же на него, когда это связано с работой на овощебазе, дежурствами в ДНД. Начальник взорвался. Вспылил и Сергей — подал заявление об уходе. И ушел. На завод токарем, а вскоре поступил в заочную аспирантуру.

Диссертация продвигалась с трудом, требовались все новые и новые усилия. И однажды после сдачи очередного кандидатского экзамена Светашов не вернулся на завод — разом все оборвалось.

— Знаешь, вдруг пришла апатия, «величайшее зло для гражданской добродетели», как сказала двести лет назад княгиня Дашкова. — Сергей, проходя мимо книжных полок, почеснул ногтем по корешкам. — И я с ней согласен. Потому что внутри холод, полнейшее равнодушие. И ни одной свободной минуты. Зато сейчас у меня уйма времени.

— А зачем тебе оно?

— Хожу с топориком по дачам, — в прежнем шутилом тоне заговорил Сергей. — Штакетник могу поправить, крыльцо. Даже дом поднять, если надо. Я не один, нас целая бригада. Артель, как говорили в старину. А какие судьбы! Куда там Гиларовскому с его ботанками! Есть у нас Гриша, кандидат наук, так он и плоты в Закарпатье гонял, и трубы в Дагестане прокладывал, и тутовые деревья в Армении выращивал, и бревна на Енисее катал. Начнет рассказывать — себя забудешь. Этот Гриша с тремя «коллегам» такую дачу в Хотькове оттрохал, что хозяин от восторга полтыщи переплатил. Как видишь, — Светашов гордо вскинул голову, — живу богатой духовной жизнью, чередуя общественно полезный труд со спортивно-просветительской деятельностью. Хожу с сынишкой в турпоходы, недавно вот на байдарке с ним плавали. Не пропускаю премьеры в театрах, вернисажи. С женой, правда, приходится спорить, — признался Сергей, — то и дело пилит: «Карьеру угробил, о будущем не думаешь». Ну, а я ей в ответ твержу о глубинном мужском долге.

— Это что еще за долг? — удивился я.

— Мужчина, если только это настоящий мужчина, — эти слова Светашов произнес с какой-то подчеркнутой многозначительностью, — не согнулся под ветром феминизации. Он должен быть кормильцем и опорой семьи. Разве это нормально, когда в доме считают каждую копейку, а ты при этом вынужден

были разнообразны детали отделки, ткани и дополнения, основа остается прежней — богатство идей, заложенных в народном костюме. Создававшийся веками, он воплотил в себе мудрость народа, его извечное стремление к красоте и гармонии.

Немаловажная особенность: в нынешней коллекции киевские модельеры отказались от механического заимствования, бездумного перенесения на современную одежду каких-то элементов народного костюма, скажем, столь популярной на Украине красно-черно-белой вышивки. Сейчас пришла пора более глубокого и бережного освоения опыта предшественников — использование элементов кроя, свойственных народному костюму, попытки переосмысления накопленного опыта. И, надо сказать, попытки эти удачны.

Стиль Киевского Дома моделей сейчас во многом определяют творчество и фантазия молодых художников. Это касается и используемых тканей. Огромные, оставляющие равнодушными покупателей рулоны ацетатного шелка во многих магазинах стали привычными — принято считать, что этот материал устарел морально. А киевляне заставили ацетат заговорить по-новому, увидели его скрытые возможности. В содружестве с работниками Черкасского и Дарницкого шелковых комбинатов они создали из ярких ацетатных полотен комплекты, вместившие в себя и весеннее половодье красок, и зрелую красоту лета. На показе в Москве эта одежда вызвала, пожалуй, наибольшее восхищение зрителей.

Более половины продемонстрированных в столице моделей уже выпускают предприятия Украины. А это значит, что мы увидим яркую, привлекательную одежду и на прилавках магазинов...

ПОДАРИТЕ МНЕ ЛЕТО...

Марина КРАЙНЯЯ
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

СТРОГИИ
ДЕЛОВОЙ
КОСТЮМ.
БАЛЬНОЕ ПЛАТЬЕ.
ОДЕЖДА
ДЛЯ ОТДЫХА —
ВСЕ ЭТО
РАЗРАБОТКИ
ХУДОЖНИКОВ
КИЕВСКОГО
ДОМА МОДЕЛЕЙ.

«С

оветская мода пленяет», — писали мексиканские газеты о показе коллекции Киевского Дома моделей одежды. Для заокеанской публики, впервые увидевшей работы украинских художников, они стали сюрпризом. Но недавний показ весенне-летней коллекции в Москве вызвал приятное изумление и у отечественных ценителей моды. Специалисты же отметили реальность вариантов одежды, предлагаемых киевлянами, их соответствие возможностям промышленности. А это обстоятельство немаловажное: ведь мода лишь тогда становится модой, когда выходит на улицу.

Выразительная деталь — черта сегодняшнего костюма. Украинские художники уделяют ей особое внимание. Обилие карманов и «молний», шапочки, шлемы, перчатки, головные повязки, которые стремительно становятся популярными, одним словом, дополнения, придающие одежде для молодых узнаваемость и неповторимость, характерны и для показанных москвичам моделей. Хотя отметим: как бы ни

Скорость

Владимир АРКУША,
инженер

Уверен: свою первую машину, ту, на которой учился ездить, помнит каждый. Помню и я новенький, сверкающий черным лаком мотоцикл с зеленой эмблемой на баке: вписанные в круг буква «К» и цифра «58». Автору, уверенно державшемуся в седле велосипеда и овладевшему уже азами управления автомобилем, не стоило труда объединить эти навыки, чтобы почувствовать себя мотоциклистом. Тому немало помог и сам мотоцикл: легкий, простой, маневренный, он легко заводился с первого толчка кикстартера и, кажется, готов был часами кружить с малоопытным седоком по мотоплощадке в Краснопресненском парке.

Для начинающего 125-кубовый «К-58» производства Ковровского завода был идеальной машиной. Впрочем, о мотоциклах этого класса мы уже рассказывали в прошлом выпуске рубрики «Скорость». Вспомнили их сейчас только потому, что именно эти машины вначале делали на Ковровском заводе. А в 1957 году с его конвейера пошли мотоциклы другого, ранее не выпускавшегося у нас класса — 175 кубических сантиметров. Нет спору: рядом с предшественником «Ковровец-175» выглядел куда солиднее: современные обводы, двухместное цельное седло, 16-дюймовые колеса с глубокими щитками взамен привычных 19-дюймовых, облицовка рамы. Нам, молодым, особенно импонировало сходство нового мотоцикла с уже популярной «Явой». Так что в целом «Ковровец», конечно, стал для нашей мотоциклетной промышленности заметным шагом вперед.

Не утомляя читателя перечислением канувших в Лету вариантов 175-кубовой модели (с 1966 года она носит марку

«Восход»), расскажем кратко о ее сегодняшнем варианте — семействе мотоциклов «Восход-3М». В нем ныне четыре модификации: базовая (стоимость 580 рублей), «турист», «спорт» и «люкс». У всех одноцилиндровый двухтактный мотор воздушного охлаждения. При том же рабочем объеме, что у «К-175», его мощность выросла с 5,9 до 10 кВт. Мотоциклы нетяжелы: их сухая масса всего около 125 кг, они способны развивать немалую скорость — до 105 километров в час. Поскольку Правила дорожного движения разрешают ездить со скоростью не выше 60 километров в час, это означает, что «Восходы» имеют неплохой запас мощности для обгонов и других маневров.

К существенным преимуществам коворовских мотоциклов отнесем отсутствие аккумулятора (электроприборы питает генератор переменного тока) и бесконтактную электронную систему зажигания. Машина с таким электрооборудованием доставляет меньше хлопот в обслуживании. Как у всех моделей, освоенных в последние годы, оно рассчитано на напряжение 12 вольт. Унифицированные световые приборы удовлетворяют самым строгим требованиям безопасности.

По компоновке и оформлению «Восход-3М» — типичный универсальный мотоцикл, предназначенный для самых разнообразных «средних» условий. Такой машиной просто удовлетворить и тех, кто ездит главным образом в городе, и тех, кто предпочитает дальние мотоциклетные путешествия, и тех, чьи ежедневные маршруты пролегают по сельским проселкам.

Сегодня, однако, расчет на среднего покупателя все чаще не оправдывается: люди настойчиво ищут «свой» мотоцикл

для конкретных условий. К чести Ковровского завода, он одним из первых откликнулся на эту потребность, предложив, помимо универсальной машины, сначала ее туристский вариант — с багажником и съемными сумками. Недавно коворовцы начали делать еще и «Восход-3М-спорт». Как и «турист», он имеет спортивный руль с перемычкой, 18-дюймовое переднее колесо, приподнятые щитки и глушители позволяют «спорту» увереннее преодолевать неровности дороги и препятствия, а двигатель с лепестковым клапаном на впуске более экономичен, лучше тянет на малых оборотах. Завод рассчитывает, что этот вариант придется молодым покупателям по душе. А тем, кому нравится более элегантная машина, адресована модификация «люкс» с небольшим полубокателем на руле.

Город в центре России, где делают «Восходы», невелик, и его ближние окрестности издавна служили естественным испытательным полигоном для коворовских мотоциклов. Здесь, на владимирских проселках, родился интерес коворовчан к мотоспорту, пустивший давние прочные корни. Конечно, самая большая их любовь — мотокросс. Вот уже почти тридцать лет на трассе «Ширинина гора», сразу за городской окраиной, встречаются на зимнем кроссе сильнейшие спортсмены страны. Победителям вручаются традиционные призы завода: серийные «Восходы» последней модели.

Неплохо показали себя и выпускаемые в Коврове специальные мотоциклы для мотоболла. Заводская команда «Ковровец» — неоднократный чемпион страны. А сборная СССР, вооруженная коворовскими машинами, — тринадцатикратный обладатель кубка Европы по мотоболлу. Заметим: специальных мотоциклов для этой игры не выпускают больше нигде в мире.

Конечно, спортивные «Восходы» заметно отличаются от массовых моделей, в их конструкциях многое специфично. И все же работа над подобными машинами не самоцель: настоящий смысл ее в том, чтобы надежнее, долговечнее, практичнее становился серийный «Восход», доступный каждому.

Машина для чемпионов

рис. ПОТАПОВА

КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ»

В нынешнем выпуске клуба «Музыка с тобой» мы попытались учесть пожелания наших читателей. Конечно, не все: слишком разнообразны пристрастия поклонников Евтерпы — музыкальные и лирической поэзии. Впрочем, ориентировались мы на читательскую почту, просьбы рассказать о той или иной музыкальной «новинке», эстрадном коллективе, певце... ИТАК, КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ» ПРЕДЛАГАЕТ:

ПОЗНАКОМИТЬСЯ
с новинками
классической
музыки фирмы
«МЕЛОДИЯ»...

ПРОДОЛЖИТЬ РАЗГОВОР,
начатый публикацией
«Готовы к спору»
(№ 3, 1986 г.). Кажется, спор
выходит на новый вираж
наших общих интересов?

встретиться
с группой
«ПОСЛЕДНИЙ
ШАНС»...

**ГОТОВЫ
К СПОРУ**

КЛУБ
«МУЗЫКА
С ТОБОЙ»

Юрий ПЕТРОВ

История ансамбля «Последний шанс» — хорошее доказательство того, как постепенно, из смутного ощущения правильности выбираемого пути, методом творческого поиска рождается коллектив, заслуживающий самого серьезного отношения.

Сказать о них «музыканты» — значит не сказать ничего, хотя ансамбль «Последний шанс» начинался как коллектив музыкальный. В ноябре 1975 года Александр Самойлов и Владимир Щукин решили создать дуэт. Владимир уже давно сочинял песни, а Александр играл на ударных в группе «Рубиновая атака». Несовершенство и дороговизна электронных инструментов того времени заставили их обратиться к «обычным» инструментам. Но им хотелось найти новый принцип «музыкального созидания». Большое впечатление на Александра Самойлова произвела статья об ударнике Элвине Джонсе, которому брат однажды сказал: «Играй так, будто это последний концерт в твоей жизни, тогда что-то получится».

Путь от идеи до ее воплощения был долгим, а сложности начались сразу. Но зато уже первый концерт — в интернате, на Новый год — подтвердил правильность поиска: слушатели сопереживали песне.

Но хотелось большего. Случайности не было в том, что судьба свела их с Евгением Харитоновым, актером и режиссером пантомимы. Здесь уместно сказать о двух школах пластического танца. Одна основана на традициях классического балета, на красоте симметрии — развороте плеч, постановке ног, положении рук. Вторая — на так называемом контрапте — системе асимметрии и противодвижения. Такая система позволяет выявить естественную красоту в любом человеке. Евгений Харитонов начал «ставить» песни «Последнего шанса».

Фото Андрея ФИЛАТОВА

Надеемся, что темы следующих клубных выпусков удовлетворят ваши
А чтобы эти темы были

А ВЫ ГОТОВЫ К СПОРУ?

Читатель —
«Смена» —
читатель

«Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишу вам «по горячим следам». Клуб «Музыка с тобой» опубликовал в № 3 статью «Готовы к спору». Статьи о современной музыке печатают сейчас многие периодические издания. Ну как же! Всем охота пожурих молодежь за децибелы, бешеные ритмы, дискотеки и прочее. Но объективных, профессиональных мнений гораздо меньше, чем возмущенных откликов читателей на необъективные. Сам бы никогда не написал, но уж очень захотелось уточнить ваш многообещающий заголовок «Готовы к спору» не менее интригующим: «Всегда готовы»...

Но сначала немного о себе. Мне 17 лет (прекрасный возраст). Работаю киномехаником в кинотеатре. Моя будущая специальность — звукорежиссер. Имею музыкальное образование. Свою приверженность к музыке объясняю не как «возрастное» увлечение.

Теперь о том, что я люблю. Страстный поклонник группы «ПИНК ФЛОЙД», музыка которой, по моему глубокому убеждению, вне времени и моды. Люблю классику — Моцарт, Паганини, Бах, Чайковский, Россини, органную и скрипичную музыку. Из современной люблю «новую волну», «брейкдэнс», выборочно — рок. Не избежал я и увлечения «итальянцами», вокруг которых идут такие жаркие споры в вашей статье. Но почему такой ажиотаж? Ведь «итальян-

цев» слушали в 1982—1983 годах. Неужели никто не хочет понять, как эта одинаковая, стереотипная музыка устарела! Ах, это Тото Кутуньо! (Это Р. Фольи, это Аль Баню, это Дж. Моранди.) Какая у него (нее) замечательная музыка! Какие нестареющие мелодии! А слова какие! (Подумать только: Феличита, Мама-Мария, Соли, Донна).

Им деньги нужны, их просто ТАМ уже давно не слушают. А наше ТВ затыкает этими «итальянцами» все дырки. Как же. ОНИ приехали! Посмотришь телевизор, и начинает казаться, что вся зарубежная эстрада поет на итальянском. У нас же не спрашивают, ЧТО мы хотим слушать. А как только заходит речь об англоязычной эстраде, которая сейчас играет в основном «новую волну», так тут чуть не до скандала доходит: «Да вы не знаете, как они себя на сцене ведут?» А как себя вел на сцене Р. Фольи? Это во время нашей-то антиалкогольной пропаганды по ТВ показывают, как этот «певец» между темами пьет из бутылки шампанское... Обидно, например, когда у нас в кинотеатре между сеансами пускают музыку, или давно надоевшую среднюю (что по ТВ показывают), или «итальянцев» (только потому, что по ТВ показывают).

С пластинками совсем плохо: тут засилье «итальянцев» семилетней давности. Я, конечно, понимаю, что

САМАЯ свежая музыка (1985—1986 гг.) обойдется в копейку. А лет через пять лицензия на пластинку станет настолько дешевой, что фирма «Мелодия» снизойдет до того, чтобы ее купить. И расчет, конечно, безошибочный: неизбалованные наши покупатели купят любые пластинки. Они еще и не такое купят! Расходятся же «позавчерашние итальянцы», «Спейс» 1977 года, «Бони М» 1978-го. Что я предлагаю? Допустим, купили лицензию 1985/86 года — оперативно выпустите пластинку, но не по 3 р. 50 коп., а если того требует дело, по 5—10 рублей. Можно даже ввести предварительную запись, как на подписные издания, для опроса меломанов: нужна ли им такая пластинка? А любителям «тяжелого рока» в магазинах пластинок вообще делать нечего: его или боятся, или игнорируют. Все это нужно бы писать не вам, а В. Сухорода, генеральному директору фирмы «Мелодия», но ведь он всегда отговорится. «Битлз» решились выпустить только через 15 лет после распада группы. УЖЕ записали «Аквариум» и не выпустили из-за «качества записи и текстов».

Вот вы спрашиваете, почему, говоря о музыке, мы называем одни иностранные имена. Прежде всего потому, что обращаем внимание на высокое исполнительское мастерство отдельных зарубежных коллективов, и еще потому, что достать записи отечественных «команд» (не появляющихся на ТВ) так же трудно, как и слушать то, что нам в большинстве случаев предлагают (Леонтьев, «Земляне», «Веселые ребята», «Самоцветы»). Ну, неужели невозможно найти что-нибудь умнее, чем изо дня в день повторять «рокот-космодрома-трава-у-дома-земля-в-иллюминаторе-а-сын-о-матери»? Возьмите тот же «Аквариум». Это же хорошая группа — и свой стиль, и исполнение, и голоса, и хорошие тексты. А кто ее слышал? Играют эти ребята арт-рок, ретро, блюзы, романсы, вальсы, заметно тяготение к классике (даже моей бабушке нравится, а она в прошлом преподаватель-пианист). Вы скажете — Пугачева. Конечно, тут тексты — ах! Ну, например: «Встретил Робинзона, он говорит: «Давай играть в РОБИНЗОНОВ, ты — Робинзон, я — Робинзон, все — Робинзоны, и вы — Робинзоны, Робинзончик...» — хорошо и радостно. Откуда такой энтузиазм?

ОПЕРА ГОЛОСА

В течение трех лет они выступали в кинотеатре «Баррикады» перед сеансами. Это был своеобразный полигон, на котором выявлялся оптимальный вариант режиссуры. Тогда же к ним присоединился скрипач Сергей Рыженко. С новым инструментом можно было делать новый номер, например, песню для колокольчиков или классона. Естественный звук по природе своей выразителен, и, поскольку «Последнему шансу» стадионы были не нужны, в небольшой аудитории эти «инструменты» отлично раскрывали свои музыкальные свойства.

Нередко люди, сходящиеся в понимании своих целей в искусстве, плохо ладят в жизни. Они преодолели и это. Вот уже несколько лет ансамбль выступает в неизменном составе: Александр Самойлов, Сергей Рыженко и Сергей Воробьев.

Некоторым музыкантам бывает достаточно академической замкнутости своей музыки, чтобы не чувствовать

границы между собой и зрителем, но большинство эту границу чувствуют и, стремясь ее преодолеть, идут на разные уловки: шумы, дымы, кордебалеты... Это действует безотказно и порой оживляет пение. Но такой «артистизм», часто находясь на грани пошлости, еще чаще оказывается за гранью. «Последний шанс» не заигрывает со зрителем, и аудитория, чувствуя такое жесткое отношение к себе, подчиняется не сразу. Бывает даже так, что часть зрителей, ожидавших услышать что-то слащаво-электронное, уходит. Но большинство остается.

В краткой вводной лекции об отношении к песне музыканты говорят о драматическом взаимодействии между актерами, о том, что сцена требует драматургии... Она ищется по-разному. В манере «Последнего шанса» театральное действие — главное. Эффект возникает из песни и сценического движения. Известно, что зрительное впечатление сильнее слухового: то, что хорошо видно, плохо слышимо. Были бы песни

пустые, прыгай как угодно высоко и красиво — ущерба им не нанесешь. Но удивительно: использование ярких приемов — костюмы, инструменты, пантомима — не подавляет песню, она не только хорошо слушается, но и в чем-то значительно выигрывает. Что-то возникает сверх песни, сверх музыки и движения, сверх режиссуры и сверх стихов Блока, Есенина, Фета, Крылова. И, конечно, не случаен выбор поэтов, чьи игровые и звуковые стихи прекрасно обыгрываются, не случаен даже Державин, стихотворение которого с успехом можно спеть как романс.

Надо сказать, песни «Последнего шанса» иносказательные, а значит, многоплановые. Но сверх исполнения остается то неуловимое обаяние коллективной личности трех музыкантов, которое так трудно достижимо, но которое легко воспринимается даже самым неподготовленным зрителем. Замкнутость искусства — болезнь культуры. Тревожным симптомом этого — бесформенности и бессмысленности — можно противопоставить только форму и смысл, безвкусице — вкус, мешанине стилей — традицию, безликому ремесленничеству — личностное отношение мастера, то отношение к искусству, которое равнозначно поступку в жизни.

Ансамблю удалось совместить в маленьких концертных номерах музыку, поэзию и действие. Их концерты — одна из немногих удавшихся попыток создания современной социальной оперы. Оперы на три голоса. «Последний шанс» добился того, чтобы играть так, будто каждый концерт — последний. Но, как говорит древняя мудрость, «последний не по жадности и торопливости желаний или духовных напряжений, а последний по гармоничности труда и бескорыстия».

Любителям
классической
музыки

МЕЛОДИИ «МЕЛОДИИ»

Музыка XVI — начала XIX века... Вот уже два года «Мелодия» выпускает серию «Факсимиле». В нее включены произведения композиторов, имена которых известны порой лишь специалистам. Одновременно стоит задача вернуть старинной музыке «старинное звучание». Нотная запись, исполнительские приемы, инструменты — все из той, минувшей эпохи. Вскоре выйдет новый диск этой серии: «Французские клавесинисты XVII века». На одной стороне диска — танцевальные сюиты Луи Куперена, который играл на клавесине, органе, виоле. На другой — музыка Жана-Анри д'Англебера. При жизни композитора был опубликован только его сборник — «Пьесы для клавесина».

Музыка французских клавесинистов типична для музыкального барокко. Исполнена она Алексеем Любимовым на одномануальном клавесине фирмы «Zuckermann» по оригиналу А. Рюккера (1645 года).

Дух старинных былинных сказов воскрешает музыка Римского-Корсакова. Опера «Садко» — ярко контрастная, прихотливо мелодичная и необычная в образах сказочного подводного царства. Музыка насыщена силой, энергией, отражает реальные картины народной жизни. Эта пластинка выходит в серии «Музыкальное наследие. Исполнительское искусство». На пластинке звучат голоса блистательных солистов Большого театра: Валерии Барсовой, Елены Грибовой, Ивана Петрова, Марка Рейзена, Никандра Ханаева.

Обширно творческое наследие Антона Аренинского: три оперы, две симфонии, сюиты, пьесы... Но особенно пленяют романсы этого композитора. Грустные, нежные, необычайно лиричные и непосредственные, они написаны на слова Пушкина, Лермонтова, Фета, Бальмонта, Надсона... В антологии «Русская классическая музыка» выходит новый диск с романсами А. Аренинского в исполнении ленинградского певца Константина Плужникова.

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Геннадий Рождественский — единственный дирижер, в репертуаре которого все четыре оперы Дмитрия Шостаковича: «Нос», «Катерина Измайлова», неоконченные «Большая молния» и «Игроки». По инициативе Геннадия Рождественского выпускается серия пластинок «Дмитрий Шостакович. Из рукописей разных лет».

На первой стороне очередного диска этой серии Концерт для виолончели с оркестром Шумана, инструментовка Дмитрия Шостаковича. На второй — песни из музыки к трагедии У. Шекспира «Король Лир», фрагменты музыки к пьесе В. Маяковского «Клоп».

просьбы, читатели.

разнообразными, подсказывайте их, мы ждем!

Вообще давно пора сделать журнал, рассказывающий о молодежной музыке, о молодежном искусстве, о том, что действительно интересует любителей современного искусства. Вы спрашиваете, о ком хотелось бы прочитать на страницах вашей рубрики «Клуб «Музыка с тобой»». Расскажите о «Машине времени», хотелось бы узнать больше о группах «Круиз», «Диалог», «Кино», «Аквариум».

А как посмотреть передачи «Песня-85», «Утренняя почта», так подумаешь: неужели у нас ТАКАЯ ПЛОХАЯ эстрада! На самом деле она не плохая, только все наиболее интересное, новое, молодое, талантливое остается за нашими голубыми экранами.

В заключение хочу назвать последнюю причину, которая заставляет меня настаивать на создании нового органа печати и телепередачи о современной музыке. Возможно, жители центральных городов более информированы — в их распоряжении множество концертных залов, клубов и так далее. Но что же делать большинству, которое оценивает приезд в свой город мало-мальски известного певца как подарок судьбы, а записав на свой магнитофон «Аквариум», видит в этом большую удачу. Музыкаль-

ные новости проникают к нам только «по слухам». Скажите, разве это нормально? Разве это и есть забота о молодежи? Почему современную музыку до сих пор считают чем-то чуть ли не запретным? В звукозаписях не предлагают ничего, кроме песен военных лет, «итальянцев» да С. Ротару. О видео и говорить не стоит. Единственным «лучом света» можно назвать кинофильмы «Пришла и говорю» и «Сезон чудес», снятые нашими киносамоучками, да еще один «луч» — спекулятивные цены билетов на концерты приезжих знаменитостей...

Нет, все не так плохо. Только что достал билеты на «Виртуозов Москвы», которые дают у нас три концерта. Бесконечно счастлив, что могу повести свою девушку послушать один из лучших мировых скрипичных коллективов.

Написал это все, а какой смысл? Ведь вы мне даже вряд ли ответите, не говоря уж о каких-то переменах. А вы утверждаете, что «ГОТОВЫ К СПОРУ». Нет, и вы не готовы...

Вадим СУХАРЕВСКИЙ,
Донецк».

ОТ РЕДАКЦИИ.

Писем на публикацию «Готовы к спору» — сотни. Мы выбрали одно, затрагивающее серьезные проблемы музыкальной жизни, с которым есть о чем поспорить. Однако «подводить черту» и делать выводы можно только в том случае, если и вы, читатели, не ограничитесь лишь рассказами о ваших вкусах и пристрастиях («Люблю группу «ПИНК ФЛОЙД»... люблю Пупо, Кутунью и кое-кого из англичан...» и т. д.), но выскажете конкретные соображения о работе организации Госконцерта, фирмы «Мелодия», телевидения, радио, органов печати и аргументированные мнения о достоинствах музыкальных коллективов, певцов, групп.

К сожалению, таких писем очень мало. В большинстве преобладают вкусовые оценки на уровне томных «ахов-охов» или заявлений типа: «Если бы мне представилась возможность, я бы жизнь за Фольки отдала...» Но ведь, заявляя «люблю — не люблю», надо, наверное, хотя бы попытаться объяснить мотивы своей «любви — нелюбви». Потому что «просто» можно любить и... фонарный столб...

Разве не так, уважаемые читатели?

Мы продолжаем отстаивать свою
готовность к спору. А Вы — ГОТОВЫ?..

Леонид ВЫЮННИК

Луна сверкает бескозыркой,
В тревожной чуткой тишине
Качаюсь в койке,
словно в зыбке,
На атлантической волне.
А солнце в тучах, что каноэ,
Плывет сквозь волны,
как сквозь сон.
Ультрамариновой канвою
Ширь опоясал горизонт.
Прошло мгновенье—
солнце скрылось,
Как будто кануло за кадр.
Виденье вечера открылось...
Декабрь.
Мексика. Закат.

Прошли залив Принцессы Анны,
Душевных чувств не передам:
Я привыкаю к океану,
Как привыкают к городам.
Свои здесь улицы-теченья,
Свои ветра и сквозняки.
А у меня одно влечение—
Мои матросские стихи.
Мои надежды и сомненья—
Живу я ими и дышу.
У Посейдона вдохновенье,
Как подаяние прошу.
Когда ж случается излиться
Душе бунтующей моей,
Я сам себе и царь, и рыцарь,
И повелитель всех морей.

Стоишь на палубе, намаявшись
От гулкой качки штормовой.
Луна качается, как маятник,
Почти над самой головой.
Но вдруг лесной повеет явью,
Когда сквозь моря синеву,
Сквозь лунно-звездное сиянье
Увидишь сказку наяву.
О, сколько сказка колесила...
Но все ж бедово, как юнцы,
Напоминаем о России
Сидят на палубе скворцы.

Перелетев почти полсвета
И сбившись, видимо, с пути,
Сидят, застенчивы, как дети
Стесняясь в дом чужой войти.
Ну что вы, глупые, ну что вы,
Никто не станет вас корить.
Всем экипажем мы готовы
Вас приютить и накормить.
А чтоб согреть—устроим грелку,—
Вас наши души исцелят...
Но боцман с собственной тарелки
Уже кормил их, как цыплят.

Владимир МАТВЕЕВ

В двух шагах от Северного полюса

От бака сто шагов до юта—
Для вдохновенья благодать!
Надолго тесная каюта
Должна мне комнатой стать.

Пожалуй, потрепав жестоко,
Подскажет штормовой маршрут,
Что лишь поэзии высокой
Достоин мореходов труд!

Передо мной лежит стихия,
Как на ладони, на виду.
Привычно сяду за стихи я
Или на прозу перейду?

Они собой горды по праву:
Сумей полжизни, может быть,
По корабельному уставу—
Не по земным законам жить.

К чему душа скорее ляжет,
Когда, считая день за днем,
Поиду в составе экипажа
Я неизведанным путем?

И шить, и стряпать научились
Невольные холостяки...
Как я хочу, чтоб получились
О них душевными стихи!

Владимир БУТ

Рассохниесь, старые баркасы,
Соленый дух просмоленных снастей,—
Мы к вам!—
Не ужились мы с первым классом—
Встречайте-ка непрошенных гостей!

Надежен дом, в котором солнце
пишет
Автографы мужчинам на плечах!

Пльви себе без нас, круизный
лайнер,
Со всем своим комфортом напоказ...
Мы с ходу занимаем самый крайний,
Песком полусасыпанный баркас.

Спасибо, берег наш неименитый,—
За то, что ты, пришельцев возлюбя,
Помог нам сделать тысячу открытий,
И наконец чуть-чуть понять себя.

Ни стен, ни пола, небо—
наша крыша,
Пляток камней—и есть у нас очаг...

Уж лучше называться «дикарями»,
Чем жить и впрямь
По меркам дикаря—
Ценя природу в золоченой раме
И люксовый комфорт боготворя...

Звезды в зеркальную бухту глядятся,
Месяц повис—
одиноким, ничей...
Как я боюсь перестать удивляться
Таинству моря
и южных ночей!

Аморе

«Аморе, аморе, аморе...»—
Летело, как благостный звон.
А парню мөрецилось море—
Не знал итальянского он.
Далекая женщина пела
О чьей-то любви неземной...
А море качалось, кипело
И рушилось синей волной.
Казались ему океаном
Просторы кубанской земли...
Лет в тридцать
Он стал капитаном,
Лет сорок водил корабли.
За ним, как побасенка, следом
Неслось по всей розе ветров:
«А ну-ка, дружище, поведай,
Как с морем ты спутал любовь!»
Вздохнет, отвернется, бывало,
Уйдет, не сказав ничего...
Над ээпом шутили немало,
Но, в общем, любили его.
За то, что не злился, не спорил
И, скрасив морской лексикон,
Два слова—
АМОРЕ и море—
Считал побратимами он.

Что же он, страх этот наш,
и откуда?
Или—от юности так далеки—
Мы разучились угадывать чудо
В шорохах плеса,
В пожатье руки?

Может, мы так погрузились
в заботы,
Так изменились, что хочется
вдруг,
Как незнакомке,
Сказать тебе: кто ты?
Кто ты, мой давний
И преданный друг?

Может, от дел обалдев неотложных,
От телевизоров, суточных щей,
От треволений—нужных
и ложных,
Мы позабыли о сути вещей?

Дождь...
Или ветер в планетах пирует...
Бабочка искрой слетела с листа...
Вслушайся только,
Вглядись— очарует
Вся изначальная их красота!

Фото Василия МИШИНА

“...Над ним луч солнца ЗОЛОТОЙ“

М.Ю.Лермонтов

НЕ УБИТЬ

Фото Сергея ВЕТРОВА

МОЩАРТА

Дети не любят ходить в школу. Я понимаю ответственность этого утверждения и снова повторяю: не любят. Обследования по этому вопросу могут ввести нас в заблуждение, потому что ответы детей едва ли будут откровенными. Попробуйте сообщить классу, что учительница заболела, и восторг будет таким бурным, что опровергнет все остальное. Хорошая штука — школа, но откуда это ура, да еще троекратно! И если ребенок искренне говорит, что любит школу, это, по всей вероятности, означает, что или у него невыносимые условия дома, или с его мировосприятием что-то не в порядке.

Все мои ученические и учительские воспоминания подтверждают эту мысль. Это публичная тайна, которая не обсуждается, потому что организация школы в руках у взрослых, и они абсолютно убеждены, что она необходима. Однако, коль скоро ребенок чего-то не любит, надо постараться честно ответить себе, почему он это не любит.

Дети, не посещавшие яслей и детского сада, принимают школу как первую в своей жизни и важную обязанность. Однако в глубинах детской психики никакое ограничение свободы не может быть встречено с удовольствием. И если вначале школа вызывает детское любопытство: ранец, тетрадки, альбомы для рисования, белые воротнички, много незнакомых детей вокруг, если сама идея «я уже школьник» пробуждает честолюбие, а встреча с учителем или

учительницей приносит новые впечатления, то скоро все это надоедает ребенку, потому что уже не несет в себе новой информации и превращается в будни.

Школа не может существовать без дисциплины, и очень скоро на ребенка обрушивается масса указаний, которым необходимо следовать:

— Не болтайте! Не грызите карандаши! Не вертитеесь! Все слушают внимательно! Все отдыхают! Все рисуют домик! Все считают, сколько будет два плюс три минус один. Все поют песенку.

Нет сомнения, все это хорошие и полезные вещи, но делаться они должны по программе, по расписанию, которое не зависит от желания и воли ребенка. А как же иначе? Иначе действительно и быть не может. Этот ответ кажется нам совершенно естественным, но кто знает, верен ли он.

Утверждение «дети не любят ходить в школу» совсем не значит «дети не любят учиться». Ничего подобного, это разные вещи. Чем ребенок здоровее, энергичнее, веселее, тем больше он любит учиться. Стремление к новой информации — один из синонимов нормальной жизнедеятельности детского организма.

Спросим себя: может ли ребенок сам научиться читать и писать, без принуждения, без расписаний, без похвал, поощрений и порицаний? Ответ и в этом случае будет положительный. И многие это знают. Это вполне возможно, и нужно для этого лишь каким-то образом пробудить интерес ребенка к такого рода занятиям.

Когда я думаю о том, сколько усер-

дия, сколько нервов и слез стоит иногда обучение чтению и письму и когда я в то же время знаю, что нет ни одного нормального ребенка, который не научился бы в конце концов читать и писать, я убеждаюсь в том, что нервную систему детей, родителей и учителей можно было бы и пощадить.

Почерк глубоко связан с нервной системой ребенка, с его эмоциональной жизнью. Есть дети, подростки и даже молодые люди, которые превосходно читают, проявляют высокий интеллект, но пишут безобразно.

Это не должно никого беспокоить, потому что перемена, если она так уж нужна, непременно наступит. Достаточно посмотреть на почерк, скажем, Бетховена, чтобы убедиться в том, что почерк не самое важное человеческое качество.

Таково же и положение с так называемым абстрактным мышлением у детей, которое прежде всего проявляется в математике.

Математика испокон веков больше всего затрудняет школьников. На мой взгляд, этому есть объяснение. Ее начинают изучать не тогда, когда дети проявляют к ней интерес и обладают достаточными способностями к абстрактному мышлению, а тогда, когда этого требует программа. Все тридцать учеников одного класса в какой-то момент достигают различного уровня абстрактного мышления, но все они вынуждены начинать с одной и той же исходной позиции. Естественно, что одни будут усваивать материал быстрее, другие медленнее, а третьи вообще не смогут понять числовых символов и действий с ними. Обуче-

ние, однако, не может остановиться и ждать отстающих, оно идет вперед намного быстрее, чем обучение чтению и письму, и разница между успевающими и отстающими, в общем, сохраняется.

При всем при том я полагаю, что весь материал, который изучается в курсе математики, вполне по силам любому среднеразвитому ребенку.

Хороший учитель — это настоящее счастье для всех его учеников. Его помнят всю жизнь, образ его не тускнеет даже тогда, когда лица многих людей из нашего прошлого уже утрачивают свои черты и уходят в туман, все больше заполняющий наши воспоминания и мысли. Его имя высечено в нашей памяти.

Я был счастливым, у меня было несколько хороших учителей, и я в состоянии понять, как обошла судьба тех, кому они не достались.

Первого звали Методий Христов. Он вошел в наш класс, и мы тут же поняли, что входит Учитель, в первое же мгновение почувствовали, что этот человек будет нам очень близок, в первое же мгновение были готовы его полюбить. Детей трудно обмануть. Этот человек умел и объяснять, и спрашивать так, что пробуждал наш интерес, а не напряженное и пустое внимание. Он и по сей час для меня образец учителя, поскольку он был образцом человека. Его отличал высокий дух. Не знаю, счастливо или несчастливо сложилась его жизнь. В глазах его было что-то печальное, и хочется верить, что наша любовь была ему хотя бы малым утешением. Когда мы с ним расставались, все мы до одного плакали. Плакали оттого, что он не будет нас больше учить, чувствовали себя безжалостно покинутыми, плакали, потому что знали — другого такого, как он, нам не встретить.

Когда учитель не просто хороший преподаватель, но еще и колоритная личность, симпатии учеников становятся особенно бурными и чистосердечными. Такой личностью был Христо Ненов, самый яркий из всех моих учителей. У него было прозвище, да еще какое — он звался «Граф». Граф с двенадцатью

диоптриями, Граф, который почти не видел и носил с собой вместо записной книжки целую тетрадку, на страницах которой громадными цифрами были написаны номера учеников. Он садился за кафедру, вытаскивал свою тетрадку, подносил ее почти к самым глазам и говорил могучим, густым голосом: «К доске номер двадцать-а-ть...» Взгляд его скользил по странице сверху вниз. Все живое с двадцать первого по тридцатый номер прижималось к партам. «...Седьмой!» — гремел наконец учитель. Жертва вылезала из-за парты и с улыбочкой шла к лобному месту. Ведь отвечать Графу было радостным событием, хотя результаты иногда и оказывались плачевными. Учитель наклонялся с кафедры и вытягивал шею, разглядывая, кто скрывается под названным номером. Вот он узнал ученика:

— Петко, это ты, охламон?

— Я, товарищ Ненов.

— Ну-ка, Петко, посмотрим, что ты выучил про основания.

Петко, как и следовало ожидать, ничего не выучил ни об основаниях, ни о кислотах. Переминаясь у доски с ноги на ногу, он бросает отчаянные взгляды на класс.

— Давай пиши формулы!

Несмело касаясь мелом доски, Петко из последних сил выводит формулу гидроксида натрия. Граф подходит к доске.

— Так... Ты только эту знаешь? А ну-ка напиши гидроокись калия!

Ненов преподавал химию особым способом. Чрезвычайно слабое зрение заставляло его, принимаясь за новый урок, обращаться к помощи учеников. Мы писали на доске новые соединения, реакции, мы сами ставили все опыты и определяли свойства полученных веществ. Граф только всматривался в пробирки и колбы, остроумно и громкогласно вмешивался и предупреждал нас, чтоб не залили ему брюки серной кислотой, потому что они у него единственные. Вместе с классом он от всего сердца смеялся, когда опыт проваливался или давал неожиданный результат, радовался, когда опыт проходил успешно. Когда он преподавал теорию, он говорил увлеченно, пламенно, но неспешно.

Он не преподавал, а проповедовал. Науку он любил глубоко, искренне и трагически. Несчастье, случившееся с ним в молодости, помешало ему продвигаться дальше на поприще науки, но я не знаю, поднялся ли бы он там до больших высот духа. Ненов всегда был на уровне современной науки, его уроки изобилывали новыми сведениями. Каждый вечер допоздна его жена читала ему вслух специальную литературу, она была преподавательницей физкультуры и труда и ничего не понимала в его науке, но их близость все пересиливала. Без этой женщины Граф бы пропал. Он не мог ходить в темноте, она ждала его после уроков и вела сначала на прогулку, потом домой. Иногда она бывала занята, тогда Христо Ненов просил провозить его кого-нибудь из учеников. Для нас это была величайшая честь — держать учителя под руку и вести его по улице.

Все рушится, когда в начальной школе учитель, любимый учитель, хватается второклассника за уши и приподнимает его над полом, когда он причиняет ему унизительную боль и сам получает от этого удовольствие. Я знаю таких учителей, но о них мне сейчас совершенно не хочется думать.

Правда, стоит мне подумать о том, какие несравнимые беды причиняет посредственный, не свое место занимающий, плохо подготовленный учитель, и мои опасения кажутся мне самому жалкими. Плохой учитель страшнее стихийного бедствия, опаснее затрагивающей мозг эпидемии. Единственное, что он умеет, — это сеять отвращение или безразличие там, где могли бы расти цветы. До недавнего времени у нас существовало парадоксальное положение — двери учительской профессии открывались для тех, кто больше нигде не нашел

себе места. Эта профессия подбирала всех, словно приют для беспризорных. Проходной балл для педагогического уклона в высших учебных заведениях был ниже, чем для так называемых «научно-производственных». Какое это было безрассудство — пусть, мол, способные творят науку, а неспособные обучают ей.

Между учителями и родителями существует недоверие. Инженер, врач, экономист, вообще человек с любым высшим образованием явно или тайно испытывает чувство интеллектуального и общественного превосходства над учителем. Оправданно это или нет — не в этом суть, но такой родитель не может быть искренним, когда он поучает сына: «Ты должен всегда слушаться учителя!» Чувство превосходства трудно скрыть, и даже одно случайно сказанное надменное или унижающее учителя слово навсегда остается в памяти ребенка.

По сравнению с семейными отношениями, где ребенок получает первые уроки двучилия и подхалимства, школа представляет более высокий этап. Очень скоро маленький ученик понимает, что важнее притворяться послушным и знающим, чем на самом деле слушаться и знать. Важно смотреть учителю в глаза и периодически кивать, неплохо поднимать руку, даже и когда ты не уверен, что хорошо понимаешь, о чем спрашивают. Да разве учитель, когда у него открытый урок, не велит поднимать руку всем, а спрашивает только тех, в ком уверен? Смотрите, как мне хочется быть хорошим учеником, — такова тактика будущего отличника и будущего хамелеона.

Одно из самых вредных в школе явлений — это, на мой взгляд, система оценки знаний. Радостно, что для первых трех классов она отменена. Надеюсь, что недалеко то время, когда она будет отменена и для всего начального образования. Соображения против этой системы не так тонки и не так глубоко запрятаны, чтобы нужен был специальный анализ. Они лежат почти на поверхности и связаны прежде всего со справедливостью. Ставить «отлично» ребенку, который в первом классе хорошо пишет, и «неуд» другому, который едва держит в руке карандаш, — это значит ставить оценку нервной системе детей. Ставить «отлично» тому, кто верно поет, и «удовлетворительно» тому, у кого вообще нет слуха, — бессмыслица. Оценивать память тоже несправедливо, не только потому, что память может быть разной и по виду, и по объему, но и потому, что образование, которое рассчитывает прежде всего на память, давно доказало свою несостоятельность. Достаточно представить себе на миг, что новая научная информация растет каждую минуту намного быстрее, чем возможность человека запомнить, и мы увидим, что положение безвыходно. Современное образование может рассчитывать главным образом на умение думать.

Задача школы — создавать личности образованные, но самое важное — именно личности, которые будут строить новое общество и жить в нем. Школа должна продлить счастливое детство настолько, насколько это возможно. В конце концов все научатся читать и писать, даже и считать. С отметками или без отметок, все равно — одни это будут делать лучше, чем другие. Тогда зачем для этого различия нужен предварительный сертификат?

Оценка знаний влияет не только на детей, она вредоносна и для самих учителей. Очень часто классный журнал с отметками превращается для учителя в единственное оружие обороны и нападения, единственный источник самоуважения. Отметки ставят учителя в крайне неблагоприятное положение. О его работе все еще судят по успеваемости его учеников, и он просто не знает, на что ориентироваться — на этот ли критерий или на собственное чувство справедливости.

Когда-то Макаренко в своих коммунах

придавал очень большое значение самоуправлению. Он относился к детям с глубоким доверием и полагал, что они могут превосходно решать многие вопросы, включая и такие, как устранение провинившихся из коммуны.

Наша школа не постыдилась с самоуправлением так далеко, и оно в значительной степени имеет чисто формальный характер, поскольку ни один вопрос, касающийся чисто детских интересов и проблем, не решается самими детьми. Некоторые считают, что дети таким образом готовятся к будущей общественной деятельности, а я боюсь, что они готовятся только к внешней и формальной ее стороне и что многие понятия от слишком частого употребления уже с детских лет теряют всякий внутренний смысл. Вместо того, чтобы учиться, ты с первого же класса борешься за усвоение знаний. Борьба — а с чем, собственно? Борьба за высокую успеваемость, борьба за дисциплину, борьба за высокие результаты в сборе макулатуры? Наши дети так много «борются», что, когда они действительно вступают в жизнь, им уже не хочется бороться. Они привыкли в школе имитировать общественную деятельность и продолжают имитировать ее и после школы.

Педагоги, психологи, медики ломают себе голову над тем, как бы это сделать, чтобы дети легче приспосабливались к школе. И все-таки нельзя ли сделать что-нибудь такое, чтобы школа приспособилась к детям?

Улица и по сей день остается самым анархическим и, быть может, самым влиятельным воспитателем наших детей. Она тот информатор, у которого нет системы, который не считаете ни с возрастом и полом, ни с чувствительностью и ранимостью детской души. Она говорит больше правды, чем дом и школа, но содержит в себе больше грубости, наглости и цинизма. Дети любят улицу, потому что там они чувствуют себя независимыми от зоркого глаза учителя и родителей, им есть там где укрыться, там есть чему произвести на них впечатление. Она предоставляет детскому любопытству тысячи сюжетов, о которых понятия не имеют дома.

Улица предлагает и первых кумиров. О, это изумительные кумиры! Пацаны вне закона, они, представьте себе, курят, глубоко затягиваются и выпускают дым через нос, они умеют плевать тонкой струйкой, говорят, что ходят на тренировки бокса, они ездят на мопедах, они играют на гитаре. Так или иначе, им доступно нечто нам недоступное и даже невообразимое. Они любят властвовать, и, как это ни странно, дети подчиняются им с видимым удовольствием. Вопрос чести — купить им сигареты, удружить небольшой суммой — ради вожака можно пойти на любую жертву, можно даже преступить правила. Да вожак, собственно, тем и привлекателен, что преступает правила. То, что дети им подчиняются и осыпают почестями, есть, по сути дела, проявление их свободолюбия, а не саборот. Поведение кумира сочетается в себе все, что ребенку запрещается, в чем ему отказывают, он бродит по городу сколько хочет и где хочет, возвращается домой, когда ему вздумается, а иногда вообще не возвращается. Ужас! Говорит все, что ему в голову взбредет, и произносит те слова, которые строго запрещены. Он с пренебрежением относится к школе и грозит, что «попортит вывеску учителю математики». Кумиров творят себе только угнетенные. Ребенок подчиняется ему, потому что хочет снискать его благорасположение и хоть немножко, хоть в жалкой роли, приобщиться к его образу жизни.

Улица и уличные кумиры играют также роль первых сексуальных информаторов и инструкторов. Чаще всего информация выдается без обиняков, конкретно, грубо, сопровождаемая смешками и демонстрацией отвратительных порнографических снимков, и все это тай-

ком, с оглядкой, словно речь идет о тайном заговоре против природы. Представление о сексе извращено, красота изгнана, и это делается раз и навсегда — отныне я всегда буду говорить и думать об этих вещах, испытывая неловкость, с виноватой ухмылкой. Когда же отец в конце концов соберется просветить меня, я уловлю в его объяснениях ту же виноватость, те же недомолвки. Он будет робко надеяться, что я уже все знаю и освобожу его тем самым от мучительных объяснений, и в лучшем случае закончит тем, что все должно быть красиво. А я не поверю и не пойму, где эта красота, почему она прячется в темноте, если она действительно красива, почему она не описывается в книгах, которые мы должны читать на каникулах, почему остается за многоточием.

У улицы свой язык, он производит на детей сильное впечатление, дети впитывают его, изучают более непринужденно и более старательно, чем какой бы то ни было иностранный, и, к удивлению родителей, делают большие успехи. Это жаргон, который объединяет ребят и помогает им чувствовать себя более самостоятельными. Но почему этот жаргон дает свои имена именно тем понятиям, которые должны бы быть дороги детям! Постоянно переименовываются мать и отец — «предки», «старички» и пр., другие названия получают школа, милиционер. Все, что символизирует какую-либо власть над ребенком, получает удачное или неудачное, но насмешливое наименование.

...Улица — то место, где ребенок удовлетворяет свой «рефлекс свободы», противопоставляет семейному и школьному пуританству не менее вредное, путанное, искривленное, почти извращенное отношение к вопросам пола. Надпись в школьных и общественных уборных, каракули на стенах — это реакция на ограничения в сексуальной области. Как часто на стенах домов встречаются две буквы, нацарапанные мелом или чернилкой, связанные друг с другом знаком плюс. Катя и Жора, Мария и Пепи, Стефка и Ангел. Это особый вид сведений, некий донос на тех, кто сделал первые робкие шаги против ограничений. Позже, когда тот, кто портил стены, вырастет, он с удовольствием будет копаться в интимной жизни окружающих, будет почти сладострастно выяснять, что какая-то видная или же незначительная особа завела любовника, что такой-то — постоянный рогоносец. Сплетня в конце концов удовлетворяет естественную человеческую потребность в новой информации на доступном и низком уровне.

Копание в интимной жизни разных знаменитостей благодаря могучему развитию средств информации превратилось в последнее время в настоящую напасть. Иногда это называют — с обманчивым правдолюбием — демифологизацией — диктуется не столько поисками истины, сколько удовлетворением порочного любопытства людей, утешая больное самолюбие посредственности, она приписывает гению отталкивающие моральные дефекты. Ну а как же: о древних — Платоне, Аристотеле — и говорить нечего, Бах бил своих детей и производил их в таком количестве, что сам же и пугал, Моцарт — завязый бабник, Россини — чревоугодник, Достоевский — эпилептик и игрок. Шутки в сторону — важно не то, содержится ли какая-то истина в этих шокирующих обывателя сведений, а то, почему наши познания о великих по большей части исчерпываются ими. Не потому ли, что для проникновения в творчество художника требуются глубокий интерес и интеллектуальные усилия, а для смакования какой-то подробности его биографии — лишь плохое воспитание.

Окончание следует.

Перевела с болгарского Ника ГЛЕН.

Высота

Посвящается И. Н. Спиченко,
командиру авиационного отряда.

От земли оторваться при помощи ног
или рук невозможно, бесплодны усилия.
Нас держать не желает воздушный поток,
и поэтому надо отращивать крылья.

Над морями, над ширью лесов и полей
алюминия сплав и фанерная муха
нас поднимут, но в жизни для взлета нужней
и турбин, и винтов зажигание духа.

К птицам зависти нет, мы нагнали мечту.
Облетели, оставили птиц за спиной.
Небо наше. Но в жизни набрать высоту—
это вовсе не значит взлететь над землю.

В жизни годы текут, не зальешь в бензобак,
если пуст, и смешно на штурвал обижаться,
и набрать высоту—это тоже пустяк
по сравнению с тем, как на ней удержаться.

Баллада о снеговике

Студенты на каникулах в лесу...
Зима снежинку топит на носу,
а на реснице держит, как звезду,
покинувшую ночь и высоту.
Студенты кувыркаются в снегу,
кидаются снежками на бегу,
откалывают хохмы и поют
про зиму и

палаточный уют.
А в стороне, где снег околдовал
поляны очарованный овал,
где две лыжни
образовали стык,
стоит новорожденный снеговик.
И девушка, откинув капюшон,
рассыпав по плечам

хрустальный лен,
прикусывая кончик языка,
разглаживает шарф снеговика.
А парень к ней крадется
со снежком...
И девушка, притопнув сапожком,
кричит: «Отстань!»

Не видишь? Я леплю!
Кого слеплю—того и полюблю!»
И все смеются. Только снеговик
серьезным остается. В этот миг

в душе его наивной ожила
невидимая ниточка тепла.
И маленькая льдинка, как слеза,
кольнула в глаз,
и он закрыл глаза...

И хоровод вокруг снеговика
плели студенты, за руку рука...
И думал снеговик, что одному
ему, и все, и больше никому,
улыбки предназначены и смех,
как солнце,

пробирающийся в снег...
А вечером студенты по домам
разъехались, умаявшись, и там
лупили чай с лимоном и халвой,
поблизе к батарее паровой.
А снеговик стоял, как на посту,
смотрел, и ждал,
и спрашивал звезду,
и спрашивал раскидистую ель...
А полночью

наметилась метель,
и снежный шарф
под снежный воротник
заправил одинокий снеговик,
и выгорбилась льдинками щека
врастающего в снег снеговика.

Я в саду, как в любви, как в огне,
а деревья живут высотой,
и поэтому кажется мне,
что в саду я лечу над землей.

Но меня и себя не спасет
этот сад, эти кроны и рокот,
оборвется, как лето, полет,
и листва станет желтой, как локоть.

Наслоятся года на года,
ожиданья спрессуются в тучи,
и ударит по саду вода
бахромой ледяной и колючей.

А деревья пойдут по воде,
оставляя следы листопада,
и мечта захлебнется в мечте,
как листва утонувшего сада.

Три маленьких камня лежат на столе,
рукой аккуратно брошены,
два—белого цвета, один—как в смоле,
лежат дорогими брошками.

Они мне дороже алмазных коле,
ценней облигаций сотенных.
Три ласковых слова лежат на столе,
простых, но всегда особенных.

Я многое понял на дальней земле.
Судьба, как планета, вертится.
Три солнечных дня говорят на столе,
и комната будто светится.

...Не спорь со мной, не рви
голосовые связки.
Мы учимся любви
по сказке и подсказке.

Мы учимся затем,
чтоб, став учителями,
себя оставить тем,
кто выйдет вслед за нами.

А в жизни, как в горах,
мы на одной веревке,
и страх рождает страх,
когда шаги неловки.

И забывать нельзя,
о многом забывая,
что за тобой, скользя,
душа идет живая.

Проталины, проталины...
Сугробы голосят:
«Пропали мы, пропали мы!»
И тают наугад.

И реками без имени
бегут наискосок,
смывая пудру зимнюю
у города со щек.

Показывает фокусы
апрельская пора,
и в плывь идут автобусы,
как будто катера.

Семейная дипломатия

Жена моего приятеля
оплакивает развод.
Семейная дипломатия
на помощь к ней не придет.

А чувства влекли, как мания,
и запил приятель мой.
Семейная дипломатия
кремирована войной.

Не Франция и Германия,
на карте—муж и жена.
Семейная дипломатия
не меньше других важна.

Когда наклеветает мафия
соседашек и друзей,
семейная дипломатия
помилует гнев мужей.

Когда, наострив проклятия,
подруга жены солжет,
семейная дипломатия
ребенку отца спасет.

За чуткость и за внимание
супругов благодаря,
семейная дипломатия
спасает от бурь моря.

Да здравствует понимание
бегущих под солнцем волн!
Семейная дипломатия—
предотвращение войн.

Вагон качается, как будто
он не вагон, а парход.
Состав из города Усть-Кута
меня до Киренги везет.
Мне жизнь дорожная знакома.
Гудит заполненный вагон,
а я смотрю в окно вагона,
сибирским летом опьянен.
Забыв про долгие морозы,
про холод вечной мерзлоты,
зеленым светятся березы,
а нежно-розовым—цветы.
И словно голубая лента,
сквозь километры и века,
уносится на север Лена—
большая русская река.
Два лесовоза терпеливо
рисуют волны на реке.
Она спускается с обрыва
и обрывается в тайге.
Тайга вдали уходит в горы,
а горы, в небо уходя,
рождают радугу,
которая—из уходящего дождя.
Вагон качается на рельсах,
считая стыки не спеша.
И как пилоту против стрессов,
глотает радугу душа.

Ах, ветер! Нельзя не влюбиться
в бесстрашного летуна!
И штора, как самоубийца,
бросается из окна,

и рвется, желая сближенья,
но крутит ее жгутом...
Забывла, что с детства, с рожденья
повешена за окном!

И ночь, за черноту свою платя,
шатаясь, выйдет из-за поворота,
и в стекла окон пальцами дождя
постукивая сбивчиво, кого-то
разыскивая и не находя,
от дома к дому, как живая нота
мелодии печального полета
протянется, и снова вспомню я
друзей, забывших дружбу, как должок,
считающих, что дружба не первична,
квартиру, где будильником привычно
отсчитывалась юность между строк,
любимую, которой безразлично,
как ласков я и как я одинок.

Белым по белому мажет зима
взрослым—сугробы, мальчишкам—дома,
где можно открыть генеральные штабы.
Мальчишки—и каменщики, и прорабы,
а после и маршалов, и рядовых
метельное марево слепит из них.
И скажут родители: «Ах, безобразие!
И как вас уделаться так угораздило?
Вы мокрью, грязные!
Что за бедлам?!
Ах, ужас! Немедленно марш по домам!»
И трут генералы носы рукавицами,
и мглу освещают счастливыми лицами.
И дома мечтают о завтрашнем дне,
о новой метели, о новой весне.

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

По следам выступлений «Смены»

Еще раз о хороших манерах и дурном тоне

Читательские отклики на публикацию
«Как «Шпигель» передегеривает...»

Напомним: в № 2 за 1986 год мы напечатали заметку из западногерманского журнала «Шпигель» и наш комментарий к ней. Заметка эта — откровенно злопыхательская, выдержанная в тенденциозно-недоброжелательном духе, свысока, с этайкой усмешечкой превосходства поучающая нас, что хорошо, что плохо, не прошла мимо внимания наших читателей. Свидетельство тому — многочисленные письма.

Читатели выражают возмущение тоном, в котором написана заметка в «Шпигеле», «показывающая наш народ как дикарей, которых машина времени перекинула из веков минувших в век нынешний», пишет Валерий Строков из поселка Н. Снопок Орехово-Зуевского района Московской области. А между тем, замечает автор письма, «именно те, над кем «Шпигель» насмеяется, творят с семнадцатого года дела, которыми восторгалась и восторгается планета, именно эти «дикари» спасали и ныне спасают цивилизацию».

Обращаясь к авторам «Шпигеля», Л. Е. Толокнова из города Душанбе пишет: «Мы счастливы, что живем в нашей стране, по вашему разумению, «неумехе». И

ни за какие коврижки ее ни на что не променяем. А читать вашу писанину просто стыдно, стыдно за вас». «Советы настроены на хорошие манеры...» — цитирует заметку «Шпигеля» учительница из Керчи Е. И. Пальчикова, преподающая английский язык в школе села Глазовка. — Авторам не нравится наш строй, и ненависть к нему порождает отношение злопыхательства и недоброжелательства ко всему советскому, ко всему, что делается у нас для совершенствования нашего общества».

«Очень хорошо вы им в «Смене» ответили, — говорится в письме москвички Т. В. Гагариной, — тонко, деликатно, не обходя реальных фактов, о которых в недостойном, пренебрежительном по отношению к нашим людям тоне пишет западногерманский журнал».

«Стыдно, господа шпигельцы, мыслить так убого и отстало, — пишет Г. П. Курявская из Анапы. — Да, мы хотим утвердить в нашей жизни, везде и всюду, доброжелательство, интеллигентность, вежливость. И очень хотелось бы, чтобы в «Смене» и впредь появлялись содержательные и полезные для каждого статьи под рубрикой «Этика нашей жизни»».

«Мы молодцы, — пишет О. Вершинская из Саранска. — И страна наша — это только детство коммунизма. И, как всякому нормально развивающемуся ребенку, нам свойственны все шероховатости этого периода: и ошибки, и болезни, и неумелость, и неуклюжесть, и неуравновешенность, то есть все проявления организма в процессе становления. Мы растем, а значит, отторгаем все чужое, вредное и отжившее, — все, что мешает росту... Да, мы другие. Да, мы не укладываемся в ваши отшлифованные эталоны, потому что мы живем и развиваемся по законам живого. И вовсе не надеемся на вашу доброжелательность — ругайте, иронизируйте, критикуйте, насмеяйтесь. Как сказал один древний мудрец: «Когда мне говорят о моих достоинствах, меня обкрадывают, когда мне говорят о моих недостатках, меня обогащают. Я благодарен моим недругам — они неусыпно заботятся о моем обогащении...»

Эта же мысль проходит в письме М. М. Колодий из города Джамбула: «Чем злее нас критикуют, тем луч-

ше для нас... Радуйтесь их примитиву: чем нелепее нас чернят, тем лучше для нас».

А вот здесь возникает вопрос: права ли в своей категоричности М. М. Колодий? Ведь критика, даже самая острая, — это одно, а клевета, сознательное очернение — совсем другое... Некоторые наши читатели задают вопрос: а нужно ли вообще удивляться враждебности тона в «Шпигеле» — ведь издание буржуазное, ждать каких-либо симпатий к нашей жизни, мол, не приходится. Уточним: мы не искали в «Шпигеле» объяснений в любви по отношению к нашему общественному строю. Но в сегодняшнем мире, когда особенно важно, неизмеримо важнее, чем в любые прошлые эпохи, искать пути понимания и уважения людьми и народами образа жизни друг друга, искать пути преодоления предрассудков, которыми так засорены международные отношения, мы посчитали уместным напомнить журналистам из «Шпигеля» о некоторых элементарных правилах профессиональной этики и простой человеческой порядочности.

Читатели Е. Н. Молоденская из Ростова-на-Дону, А. Навицкас из Караганды, В. Тыртышный из Ессентуков и другие высказывают в связи с публикацией в «Смене» критические замечания по поводу недостатков в повседневном воспитании правил хорошего тона в молодежной среде, приводят конкретные примеры грубости, чванства, равнодушия, антиобщественных поступков. «Пора признать открыто, — пишет Г. Л. Труфанова из Комсомольска-на-Амуре, — что в воспитании отдельной личности мы многое упустили». Необходимо «всем вместе подумать, как сделать так, чтобы наши дети стали не только грамотными, что, конечно, очень важно, но и культурными, что еще важнее», — подчеркивает инженер А. Кондратенко из Краснодаря.

Спасибо за письма, дорогие читатели. Ваши замечания и предложения мы внимательно изучим, они нам помогут в работе, которую мы намерены продолжать и впредь, — утверждению высоких принципов этики во всех сферах нашей жизни, норм человеческого общения, которые всем нам должны доставлять радость — на работе, на отдыхе, дома...

Довольно простую сетку, которая перед вами, дорогие читатели, нужно заполнить словами, пользуясь обычными правилами «Смены» для кроссвордистов. Основные их положения таковы:

1. Слова надо загадывать в единственном числе именительного падежа. Во множественном числе можно брать слова, у которых нет единственного, а также парные предметы, названия народов, географические, литературные и т. д. названия.

2. Личные имена можно загадывать только как персонажи произведений. Имен собственных не должно быть больше одной трети от всех загаданных слов.

3. Нельзя брать слова религиозной тематики (это не относится к мифологии), названия болезней, а также неблагозвучные или вызывающие неприятные ассоциации слова.

4. Нельзя загадывать больше трех однородных понятий (например, деревья, птиц, городов). На одну букву не надо брать больше 10 процентов слов от всех загаданных (то есть при этой сетке — не больше четырех). Никакое загаданное слово или однокоренное с ним нигде не должно встречаться в толковании.

5. Слов с правильным чередованием согласных и гласных (капитан, агавы) не загадывайте больше половины от всех.

6. Из населенных пунктов можно загадывать только столицы, города, порты, пристани, курорты и достопримечательные места.

7. Слова, особенно трудные, лучше пересекать на согласных.

Самая важная часть кроссворда — толкование слов. Оно должно быть творческим: познавательным, занимательным, интригующим. Если хорошо подумать, то самое обычное слово можно загадать интересно. Скажем, вакса — продукция фабрики, на которой в детстве работал Чарльз Диккенс.

Определения слов оформляйте так:

1. Рыбалка — одно из самых массовых развлечений в Японии (Лик, 153).

Каждую новую позицию начинайте с новой строки и пишите при этом на одной стороне листа четким почерком

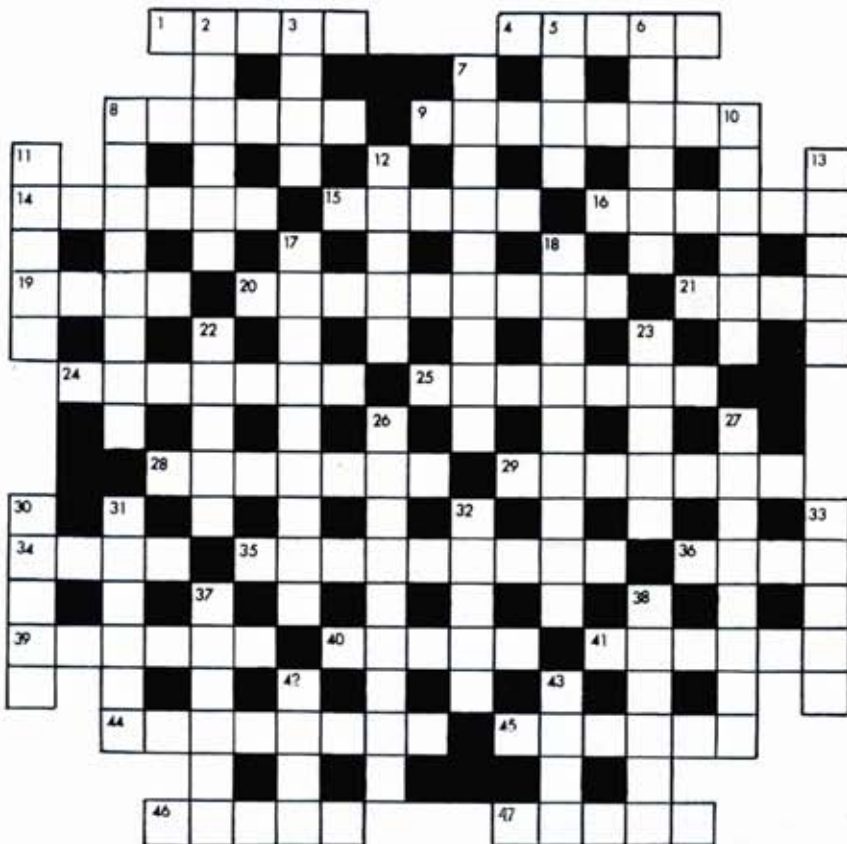
КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Задание второе

или на машинке. В конце работы расшифруйте источники определений, которые **обязательно** укажите к **каждому** слову. В нашем случае: В. Овчинников. Сто первый лик Фудзи. М., Детгиз, 1975. Страница указана сразу.

Таких интересных, творческих определений в этом кроссворде должно быть не меньше 16.

К отсылаемой в редакцию работе приложите четко выполненную сетку, заполненную загаданными словами.

Задача участника конкурса: включить в предложенную сетку как можно больше слов, в которых есть сочетание «мир» (МИРовоззрение, норМИРовщик), и постараться в начальных буквах загаданных слов как можно полнее представить алфавит. За каждое из первых десяти слов с сочетанием «мир» жюри будет начислять одно очко, из вторых десяти — два очка и т. д. За каждую новую букву алфавита сверх 20 жюри будет начислять два очка, сверх 25 — пять и сверх 30 — десять очков. Допустим, в кроссворде загадано 31 слово с сочетанием «мир», а в начальных буквах загаданных слов представлено 29 букв алфавита. Значит, его автору жюри начислит за слова с сочетанием «мир» 10 + 20 + 30 + 4 очка и за начальные буквы 10 + 20 очков. То есть всего 94 очка.

Каждый участник конкурса должен сам подсчитать набранное им число очков и написать его крупной цифрой на отдельном листе. Здесь же надо указать все слова с сочетанием «мир» и все буквы алфавита, на которые загаданы слова. Необходимо также указать число имен собственных и число слов с правильным чередованием.

Победителями во втором задании станут его участники, которые наберут наибольшее число очков, ни в чем не отступив от условий.

Две лучшие работы мы опубликуем. Их авторы и еще три призера получат возможность напечатать в «Смене» свои обычные кроссворды вне общей очереди, если, конечно, в них не будет отступлений от наших правил и они будут отличаться интересными, познавательными определениями слов (искать такие определения надо в научно-популярных и других книгах, разных справочниках, центральных журналах и газетах; при этом ни на какие кроссворды ссылаться нельзя). Всех их и еще пятерых участников конкурса редакция наградит почетными дипломами.

Последний срок отсылки домашней работы — 30 июля. На конверте пометьте: «Конкурс кроссвордистов, 2-е задание».

Интересного, познавательного досуга вам, дорогие читатели!

Артур КОНАН ДОЙЛ

РОМАН

ДОЛЖНА СТРАЖА

Ну, во-первых, я обследовал молоток. Доктор Вуд помогал мне. Мы не нашли на нем никаких следов насилия. Я надеялся, что Дуглас мог защищаться молотком и зацепить убийцу перед тем, как уронить молоток на ковер. Но не обнаружил ни пятышка.

— Это еще ничего не значит, — заметил инспектор Макдональд. — Множество убийств было совершено при помощи молотка при полном отсутствии следов на молотке.

— Конечно, это не доказывает, что молоток не использовался. Но если бы на нем остались пятна, то это бы помогло нам. Затем мы обследовали ружье. Оно обрезано так, что составляет в длину не более двух футов и может быть спокойно пронесено под пальто. На нем нет полного имени изготовителя, но на выемке между стволами имеются печатные буквы «п-е-н», дальше ствол отпилен.

— Большое «П» с завитком над ним, «е» и «н» меньше? — спросил Холмс.

— Именно.

— «Пенсильванская Компания Ручного Оружия» — хорошо известная американская фирма.

Уайт Мэзон поглядел на моего друга так, как сельский врач смотрит на специалиста с Харли-стрит, единым словом устраняющего трудности, смущавшие первого.

— Это нам очень поможет, мистер Холмс. Не сомневаюсь, что вы правы. Восхитительно! Вы что, помните имена всех производителей оружия?

Холмс взмахом руки покончил с этим вопросом.

— Это, несомненно, американское оружие, — продолжал Уайт Мэзон. — Я, помнится, читал, что обрезанные винтовки применяются в некоторых районах Америки. По-моему, очевидно, что человек, который проник в дом и убил владельца, был американцем.

Макдональд покачал головой:

— Слишком поспешный вывод. Не вижу ничего очевидного даже в том, что кто-то посторонний вообще побывал в доме.

— Открытое окно, кровь на подоконнике, странная карточка, следы ботинок в углу, ружье!

— Все это вполне объяснимо. Мистер Дуглас — американец либо долго жил в Америке. Так же, как мистер Баркер. Не надо привлекать постороннего американца, чтобы объяснить предметы американского происхождения.

— Амис, дворецкий...

— Что с ним? Можно ему доверять?

— Десять лет у сэра Чарльза Чендоса — надежен, как скала. К Дугласу поступил еще до того, как тот пять лет назад арендовал Мэнор Хауз. Он никогда не видел в доме подобного ружья.

— Ружье могло быть спрятано. Поэтому и стволы обрезаны. Оно могло быть убрано в ящик. Как он может утверждать, что такого ружья не было в доме?

— Хорошо, изложите вашу точку зрения, мистер Мак, — сказал Холмс самым бесстрастным голосом.

— Наш человек — не грабитель, если предположить, что он вообще существовал. Похищение кольца и карточка указывают на преднамеренное убийство по личным мотивам. И это человек, который пробирался в дом с несомненным намерением совершить убийство. Он знает, если он знает хоть что-нибудь, какие трудности его ожидают при бегстве, поскольку дом окружен водой. Какое же оружие он должен выбрать? Самое бесшумное в мире. Тогда он мог надеяться после совершения убийства быстро выбраться в окно, перебраться через ров и спокойно

исчезнуть. Но как можно понять, что он, напротив, выбирает самое громкое оружие из всех, отлично понимая, что это привлечет к месту происшествия каждую живую душу, находящуюся в доме, и что он получит все шансы быть замеченным до того, как пересечет ров? Можно в это поверить, мистер Холмс?

— Звучит убедительно, — задумчиво ответил мой друг. — Все эти вещи нуждаются в объяснении. Скажите, мистер Уайт Мэзон, вы уже обследовали внешнюю сторону канала — там могли остаться следы человека, выбравшегося из воды?

— Никаких следов. Там каменные бортики, и вряд ли на них что-нибудь осталось.

— Гм! Вы не возражаете, мистер Уайт Мэзон, если мы для начала пройдем к дому? Там может найтись какая-нибудь маленькая, но не бесполезная зацепка.

— Я как раз собирался предложить это, мистер Холмс; но я думал перед этим ознакомить вас со всеми фактами. И если бы что-нибудь привлекло ваше внимание... — Уайт Мэзон с недоверием поглядел на моего друга.

— Я уже работал с мистером Холмсом, — сказал инспектор Макдональд. — Он играет по правилам.

— Ваше присутствие для нас — большая честь, и мы покажем вам все, что знаем, — сердечно обратился к моему другу Уайт Мэзон. — Пойдемте, доктор Уотсон, и будем надеяться, для всех нас найдется место в вашей книжке, когда придет время.

Три столетия пронеслись над старым Мэнор Хаузом, столетия рождений и возвращений домой, сельских танцев и сборищ охотников на лисц. И вот теперь темное преступление покрыло своей тенью эти почтенные стены! Однако эти странные островерхие скаты крыши с их необычными выдающимися вперед коньками выглядели подходящим прикрытием для мрачной и жестокой интриги. Глядя на глубоко посаженные окна, на омываемые водой стены, я проникнулся мыслью, что не могло найтись более естественной сцены для разыгравшейся трагедии.

— Вон то окно, — сказал Уайт Мэзон. — Сразу справа от моста. Оно оставлено открытым с той ночи.

— Выглядит слишком узким для того, чтобы там пролез человек.

— Во всяком случае, не толстяк. Здесь не нужно ваших умозаключений, мистер Холмс, чтобы мы поняли это. Но вы или я вполне бы там пролезли.

Холмс подошел к краю канала и огляделся. Затем он внимательно осматрел каменный бортик и травяной бордюр перед ним.

— Я тут все обшарил, мистер Холмс, — сказал Уайт Мэзон. — Здесь нет ничего, ни единой приметы, что кто-то вылезал на берег. Но с чего он должен был оставить эти приметы?

— Разумеется. С чего бы? А вода всегда мутная?

— Чаще всего приблизительно такого цвета. Течение несет глину.

— Какая здесь глубина?

— Около двух футов по бокам и фута три в середине.

— Так что мы должны оставить идею о том, что человек мог утонуть, перебираясь через канал?

— Нет, здесь не утонул бы и ребенок.

Мы пересекли мост и были впущены в дом странным, угловатым и высохим человеком — дворецким Амисом. Бедный старик был бледен и дрожал от пережитого потрясения. Деревенский сержант, высокий, официальный, меланхоличный мужчина, до сих пор стоял на посту в комнате Судьбы. Доктор ушел.

— Ничего нового, Вильсон? — спросил Уайт Мэзон.

— Ничего, сэр.

— Тогда вы можете идти. С вас хватит. Мы придем за вами, если вы понадобится. Дворецкому

лучше подождать снаружи. Скажите ему, пусть предупредит мистера Баркера, миссис Дуглас и экономку, что мы, может быть, захотим с ними переговорить. Теперь, джентльмены, вы позволите мне изложить свои предварительные взгляды. А вы тем временем придете к собственным.

Он потряс меня, этот провинциальный специалист. У него была основательная хватка на факты и холодный, ясный, здравый ум, необходимый в его работе. Холмс внимательно его слушал, без малейшего признака той раздражительности, которую слишком часто вызывали в нем официальные лица.

— Самоубийство это или убийство — вот наш первый вопрос, джентльмены, не так ли? Если это самоубийство, то мы должны поверить, что этот человек сперва снял и спрятал свое обручальное кольцо, затем в халате спустился сюда, наследил в углу за шторой, чтобы создать видимость чьего-то присутствия, запачкал кровью...

— Мы наверняка можем это отвергнуть, — сказал Макдональд.

— Так думаю и я. Самоубийство исключается. Значит, это убийство. Теперь нам нужно определить, совершено оно посторонним лицом или нет.

— Хорошо, взвесим доводы.

— В обоих случаях мы сталкиваемся со значительными трудностями, однако ведь третьего не дано. Предположим сначала, что преступление совершено кем-то в этом доме. Значит, он подстерегал жертву здесь — в то время, когда в доме стояла тишина, но никто еще не спал. Затем он применил самое эксцентричное и громкое оружие, как будто желая оповестить всех о сделанном — причём оружия этого никто в доме до сих пор не видел. Непохоже на истину, правда?

— Непохоже.

— Ладно. Затем, согласно общим показаниям, прошло не более минуты после происшествия, а весь дом — не только мистер Баркер, который, как он утверждает, оказался здесь первым, но и Амис со всеми остальными — был тут. Скажите мне, мог ли за это время виновный оставить отпечатки ног в углу, открыть окно, запачкать кровью подоконник, снять с убитого обручальное кольцо и проделать еще все остальное? Это невозможно!

— Вы все разобрали с предельной ясностью, — сказал Холмс. — Не могу не согласиться с вами.

— Хорошо, тогда вернемся к теории, предполагающей кого-то постороннего. Мы сталкиваемся с теми же трудностями, но теперь они вырастают до полной невозможности. Человек проникает в дом между четырьмя тридцатью и шестью, между началом сумерек и тем временем, когда был поднят мост. В это время у хозяев гости, дверь открыта, следовательно, ничто не могло ему помешать. Он мог быть обыкновенным грабителем, а мог по личным причинам иметь зуб на мистера Дугласа. Поскольку мистер Дуглас провел большую часть своей жизни в Америке, а орудие убийства американского производства, то личная вражда представляется более вероятной. Он проник в эту комнату — в ближайшую от входа — и спрятался здесь. Здесь он оставался до двенадцатого часа ночи. В комнату вошел мистер Дуглас. Произошло короткое объяснение, если объяснение вообще состоялось: миссис Дуглас показала, что муж покинул ее за несколько минут до того, как она услышала выстрел.

— Свеча это подтверждает, — сказал Холмс.

— Да. Новая свеча, сгоревшая не больше чем на полдояма. Он, наверно, поставил ее на стол перед тем, как подвергся нападению; иначе бы она упала вместе с ним. Это показывает, что сразу на него не

Продолжение. Начало в № 8.

напали. Ведь когда вошел мистер Баркер, свеча горела, а лампа нет.

— Это достаточно понятно.

— Хорошо, тогда попробуем восстановить события в соответствии с этим. Мистер Дуглас входит в комнату. Ставит свечу. Из-за шторы появляется человек. Он требует обручальное кольцо — один бог знает зачем, но только так и может быть. Мистер Дуглас отдает кольцо. Затем, хладнокровно либо во время борьбы — Дуглас мог схватить молоток, который был найден на коврике, — он вот так жестоко застреливает Дугласа, бросает свое ружье и, вероятно, подкидывает эту странную карточку — В.В.341, что бы она ни значила, — а затем бежит через окно и через ров в тот самый момент, когда Сесиль Баркер обнаруживает преступление. Как вам эта версия, мистер Холмс?

— Очень интересно, но немножко неубедительно. — Да это ж полная чушь, если не что похуже! — взорвался Макдональд. — Кто-то убивает человека. И кто бы это ни был, но ведь понятно же, что он должен был это сделать как-то по-другому. Как это объяснить, когда он сам себе отрезает пути ухода, не позволяет самому себе нормально скрыться? Почему ружье, если тишина — его единственный шанс ускользнуть? Нет, мистер Холмс, дайте уж нам свою версию, раз вы согласны, что теория мистера Уайта Мэзона неубедительна.

Холмс внимательно слушал этот долгий разговор, поводя в раздумье глазами влево и вправо, его лоб был наморщен.

— Мне нужно больше фактов для того, чтобы прибегнуть к теории, — сказал он, становясь на колени перед телом. — Господи боже! Раны действительно устрашающи. Можно на минутку попросить дворецкого?.. Ами, насколько я понимаю, вы часто видели этот странный знак — круг внутри треугольника — на руке мистера Дугласа?

— Очень часто, сэр.

— Вы никогда не слышали от мистера Дугласа, что бы это могло быть?

— Нет, сэр.

— Когда его налагали, должна была быть дикая боль. Знак, несомненно, выжжен. И еще, Ами, что это за кусочек пластыря на щеке мистера Дугласа? При жизни он был?

— Да, сэр, он порезался во время бритья вчера утром.

— И часто это с ним бывало?

— Очень редко, сэр.

— Наводит на размышления, — сказал Холмс. — Конечно, это может быть совпадением, а может быть и следствием нервозности — и, значит, он предчувствовал опасность. Вы не заметили ничего необычного в его вчерашнем поведении, Ами?

— Он показался мне немного обеспокоенным и взволнованным, сэр.

— Гм! Нападение не было абсолютно неожиданным. Кажется, мы чуть сдвинулись с места, а? Может быть, вы хотите задать вопросы, мистер Мак?

— Нет, дело в лучших руках, чем мои.

— Хорошо, тогда мы переходим к этой карточке — В.В.341. Она из грубого картона. Вам не попадалось в доме ничего подобного?

— Вроде бы нет.

Холмс подошел к письменному столу и капнул по капле чернил из каждого пузырька на промокательную бумагу.

— Написано не здесь, — сказал он. — Здесь черные чернила, а там — фиолетовые. Здесь тонкие перья, а там написано толстым. Вы не видите какого-нибудь смысла в этой надписи, Ами?

— Нет, сэр, никакого.

— Что вы об этом думаете, мистер Мак?

— У меня впечатление, что это какое-то секретное общество; и клеймо на руке говорит о том же.

— Присоединяюсь, — сказал Уайт Мэзон.

— Хорошо, примем как рабочую гипотезу и посмотрим, насколько это облегчит наши трудности. Агент некоего общества проникает в дом, дожидается мистера Дугласа, стреляет ему в голову из этого оружия и бежит через канал, оставляя карточку, чтобы, когда о карточке упомянут в газетах, остальные членам общества стало ясно: месь состоялась. Но почему все-таки именно такое ружье?

— Действительно, почему?

— И при чем здесь кольцо?

— В самом деле, при чем?

— И почему никто не задержан? Сейчас уже больше двух. Я принимаю как само собой разумеющееся, что каждый констебль в окружности сорока миль выглядывает промокшего незнакомца.

— Все так, мистер Холмс.

— Значит, если у него не было надежного укрытия или сменя одежды под рукой, они вряд ли пропустили бы его. — Холмс подошел к окну и через лупу изучил кровавый след на подоконнике. — Это, конечно же, отпечаток ботинка. Он примечательно широк и, я бы сказал, какой-то слишком плоский. Странно, однако, вот что: насколько можно разобрать следы в углу,

подошвы кажутся более приятной формы. Правда, они очень смазаны и неясны. Что это там, под боковым столиком?

— Гантели мистера Дугласа, — ответил Ами.

— Гантель — она там только одна. А где же другая?

— Не знаю, мистер Холмс. Может быть, и одна. Я месяцами не обращал на них внимания.

— Одна гантель... — серьезно проговорил Холмс. Но его замечание было прервано внезапным стуком в дверь.

Перед нами предстал высокий, загорелый, чисто выбритый, приятного вида человек. Я сразу же понял, что это мистер Сесиль Баркер, о котором мы уже слышали. Его властные глаза быстро осмотрели нас вопрошающим взглядом.

— Извините, что перебиваю ваше совещание, — сказал он, — но вам нужно знать последние новости.

— Кто-то задержан?

— Нет, но найден его велосипед. Он его бросил. Идите и посмотрите. Это меньше чем в сотне ярдов от входной двери.

Конюхи и три-четыре бездельника стояли на въездной аллее и разглядывали велосипед, извлеченный из поросли вечнозеленых кустарников, в которых он был запрятан. Это поношенный «Рудж-Уайтворт», забрызганный грязью, как после долгого путешествия. На нем подвесная сумка с гаечным ключом и масляной, но ни единого намека на владельца.

— Он мог бы оказать большую помощь полиции, — сказал Макдональд, — если бы был зарегистрирован и имел номер. Но почему, ради всего святого, этот человек бросил его? И как он без него обошелся, когда удирал? Кажется, мы не уловили и проблеска света в этом деле, мистер Холмс.

— Правда? — задумчиво спросил мой друг.

Глава пятая

Персонажи драмы

— Вы осмотрели в кабинете все, что хотели? — спросил Уайт Мэзон, когда мы вернулись в дом.

— Пока что да, — ответил инспектор, и Холмс кивнул.

— Тогда, может быть, вы захотите услышать показания тех, кто находился в доме. Мы могли бы занять столовую. Ами! Пожалуйста, зайдите первым и расскажите нам, что вы знаете.

Сообщение дворецкого было простым, ясным и производило полное впечатление искренности. Он у мистера Дугласа служит пять лет. Знает, что мистер Дуглас — богатый джентльмен, составивший состояние в Америке. Он всегда был добрым и внимательным хозяином — может быть, немножко шумным для Ами, но не может же один человек обладать всеми достоинствами. Он никогда не замечал ни малейшего признака страха у мистера Дугласа; наоборот, ему не доводилось видеть более бесстрашного человека. Мистер Дуглас приказал поднимать мост на ночь, потому что это древняя традиция дома, а мистер Дуглас любил соблюдать обычаи старины.

Мистер Дуглас редко ездил в Лондон или покидал деревню. Но как раз накануне происшествия он ездил за покупками в Тёрнбридж Уэллс. Он, Ами, заметил какую-то обеспокоенность и взволнованность у хозяйина в тот день; хозяйин казался недовольным и раздражительным, что было непохоже на него. В тот вечер Ами еще не лег спать — он прибирал в буфетной столовое серебро, когда услышал бешеный звон колокольчика. Он не слышал выстрела и вряд ли мог услышать, поскольку буфетная и кухня расположены в самом конце дома и его отделяли несколько закрытых дверей и длинный проход. Экономка вышла из своей комнаты, привлеченная тем же бешеным звоном колокольчика. В переднюю часть дома они прошли вместе.

У основания лестницы они встретили спускающуюся миссис Дуглас. Нет, она не спешила; ему не показалось, что она была особенно взволнована. Едва она дошла до конца лестницы, как из кабинета выскочил мистер Баркер. Он остановил ее и попросил вернуться.

— Ради бога, возвращайтесь в свою комнату! — вскричал он. — Бедный Джек мертв! Вы ничего не сможете сделать! Ради бога, уйдите!

После дальнейших уговоров миссис Дуглас ушла. Она не заллакала, не испугалась ни вскрика, ни возгласа. Миссис Аллен, экономка, догнала ее на лестнице и осталась вместе с ней в ее спальне. Ами и мистер Баркер вернулись затем в кабинет, где обнаружили все в точности таким, каким это увидела полиция. Затем они выскочили в холл, Ами опустил мост, и мистер Баркер помчался на полицейский пункт.

Таковы вкратце были показания дворецкого.

Показания миссис Аллен, экономки, почти целиком совпадали с его показаниями. Ее комната ближе к передней части дома, чем буфетная, в которой работал Ами. Она собиралась лечь спать, когда

громкий звон колокольчика привлек ее внимание. Она немного глуховата. Может быть, поэтому она не слышала выстрела; однако и кабинет далеко. Она вспоминает, что слышала какой-то звук и решила, что хлопнула дверь. Нет, это было намного раньше — за полчаса до того, как зазвонил колокольчик. Прибежали они вместе с мистером Амисом. Она увидела мистера Баркера, очень бледного и взволнованного, выходящим из кабинета. Он преградил путь миссис Дуглас, спускавшейся по лестнице. Попросил ее вернуться, и она ответила ему, но так тихо, что ничего не было слышно.

— Идите с ней! И позаботьтесь о ней! — сказал он миссис Аллен. Поэтому она поднялась с ней в спальню и постаралась успокоить ее. Миссис Дуглас была очень взволнована, ее всю трясло, но она больше не пыталась спуститься вниз. Она просто сидела в своем халате перед камином, опустив голову на руки. Миссис Аллен оставалась с ней почти всю ночь. Что до других слуг, то все они уже спали и тревога их не коснулась до прихода полиции. Все они располагались в самой дальней части дома и вряд ли что-нибудь слышали.

Больше экономка на перекрестном допросе добавить ничего не смогла, кроме жалоб и охов.

Сесиль Баркер сменил миссис Аллен. Что до событий прошедшей ночи, он не мог сообщить о них почти ничего такого, чего бы уже не рассказал полиции. Он лично считал, что убийца бежал через окно. На это, по его мнению, указывало пятно крови. К тому же, поскольку мост был поднят, другой дороги не было. Он не может объяснить, что случилось с убийцей и почему тот не взял велосипед, если велосипед действительно его. Он никак не мог утонуть во рву, там нигде нет более трех футов глубины.

Сам он имел четкую версию относительно убийства. Дуглас был человеком скрытным и о кое-каких периодах своей жизни вообще не говорил. Он уехал в Америку совсем молодым. Там он процветал, и Баркер впервые встретился с ним в Калифорнии, где они стали партнерами и удачно застолбили золотоносный участок в местечке, называемом Бенито Каньон. Дела у них шли очень хорошо, но Дуглас внезапно продал свой пай и уехал в Англию. В то время он был вдовцом. Баркер вскоре свернул дело и отправился в Лондон. Там они возобновили дружбу.

Дуглас производил впечатление человека, над головой которого нависла большая опасность, и он, Баркер, связывает с этим его внезапный отъезд из Калифорнии и аренду дома в таком тихом английском местечке. Он полагает, что какое-то секретное общество, какая-то беспощадная организация шла по следу Дугласа и не оставила его в покое, пока не покончила с ним. Некоторые реплики Дугласа заставляли его так думать, хотя Дуглас никогда не рассказывал ему, что это за организация и почему она ненавидит его.

— Как долго вы были вместе с Дугласом в Калифорнии? — спросил Макдональд.

— Вместе — пять лет.

— Он был холостяком, вы сказали?

— Вдовцом.

— Не знаете, откуда его первая жена?

— Нет, но припоминаю, что он говорил о ее немецком происхождении и показывал мне ее портрет. Она была прекрасна, но умерла от тифа за год до того, как я встретился с ним.

— Вы не связываете его прошлого с определенным регионом Америки?

— Я слышал, как он говорил о Чикаго. Он хорошо знал город и работал там. Упомянул в разговорах угольные и сталелитейные районы. Он немало путешествовал в свое время.

— Он не увлекался политикой? Может быть, секретное общество связано с политикой?

— Нет, к политике он был равнодушен.

— У вас есть основание думать, что он был преступником?

— Напротив, я в жизни не встречал человека порядочнее.

— Было что-нибудь странное в его калифорнийской жизни?

— Он больше всего любил оставаться и работать на нашем участке в горах. Он никогда не отправлялся туда, где были люди, если мог этого избежать. Тогда я впервые подумал, что он от кого-то скрывается. Когда затем он внезапно уехал в Европу, я убедился, что это так. Думаю, он получил некое предупреждение. Меньше чем через неделю после его отъезда заявили с полдюжины людей расспрашивать о нем.

— Что за люди?

— Чрезвычайно неприятная толпа. Они добрались до нашего участка, чтобы узнать, где Дуглас. Я сообщил им, что он уехал в Европу и что я не знаю, как его найти. Нетрудно было понять, что их появление не сулило ему ничего хорошего.

— Эти люди американцы? Калифорнийцы?

— Насчет калифорнийцев не знаю. Но американцы, это точно. Однако не золотоискатели. Не знаю, кем они были, но я был очень рад увидеть их спины.

— Это было шесть лет назад?

— Около семи.
— Сильная ненависть, раз она сохраняется со всей остротой такое долгое время. Что-то темное должно быть в ее основе.
— Но если над человеком нависает опасность и он знает об этом, разве не приходит ему в голову мысль обратиться за защитой в полицию?
— Может быть, это была опасность, от которой он не мог искать защиты. Вот о чем вам нужно знать: он всегда был вооружен. Револьвер никогда не покидал его кармана. Но, к несчастью, он в тот вечер спустился вниз в халате, оставив револьвер в спальне. Я полагаю, что он считал себя в безопасности, раз most был поднят.
— Я хотел бы чуть уточнить даты,— сказал Макдональд.— Дуглас покинул Калифорнию шесть лет назад. Вы последовали за ним через год, так?
— Так.
— А женат он пять лет. Вы должны были вернуться приблизительно во время его женитьбы.
— За месяц до нее. Я был его шафером.
— Вы знали миссис Дуглас до свадьбы?
— Нет. Я провел вне Англии десять лет.
— Но потом вы с ней часто виделись.
Баркер сурово поглядел на детектива:
— Я часто виделся с НИМ. Если я видел ее, то не может же человек навещать мужа, не навещая вместе с тем и жену. Если вы подозреваете какую-то связь...
— Я ничего не имею в виду, мистер Баркер. Я обязан задать все вопросы, имеющие отношение к делу. В этом нет ничего оскорбительного.
— Некоторые вопросы звучат оскорбительно,— сердито ответил Баркер.
— Мы хотим знать только факты. В ваших же и общих интересах, чтобы все прояснилось. Мистер Дуглас полностью одобрял вашу дружбу с его женой?
Баркер поблел и судорожно переплел пальцы своих больших сильных рук.
— Вы не имеете права задавать такой вопрос!— вскричал он.— Какое он имеет отношение к расследуемому делу?
— Я вынужден повторить вопрос.
— Тогда я отказываюсь отвечать.
— Вы можете отказаться отвечать, но вы должны осознавать, что ваше молчание само по себе является ответом, ведь вы бы не отказались, если бы вам нечего было скрывать.
Баркер стоял секунду с мрачным лицом, со сведенными в глубоком размышлении густыми черными бровями, затем с улыбкой взглянул на нас.
— Ладно, джентльмены, я полагаю, вы просто исполняете свои непосредственные обязанности, и не имею права вам мешать. Я бы только просил вас не беспокоить подобными вопросами миссис Дуглас, ведь на нее только что свалилось несчастье. Должен вам сказать, что у бедного Дугласа была только одна слабость— ревность. Он очень любил меня—ни один человек не мог бы больше любить друга. И все-таки, когда мы с его женой разговаривали или, казалось, между нами возникла какая-то симпатия, его захлестывала волна ревности, он выходил из себя и мог наговорить самых ужасных вещей в такой момент. Я из-за этого уезжал, и тогда он писал мне такие показанные, умоляющие письма, что они полностью его извиняли. Но можете поверить мне, джентльмены, и это мое последнее слово: ни у одного человека не было более любящей и преданной жены и, уверяю, не было друга вернее меня!
Это было сказано со страстью и чувством, но инспектор Макдональд не мог еще закончить беседу.
— Вы ведь знаете,— спросил он,— что обручальное кольцо убитого было снято с пальца?
— Так выглядит,— ответил Баркер.
— Что вы имеете в виду под «выглядит»? Это же факт.
Баркер заметно смутился и заколебался:
— Когда я сказал «выглядит», я имел в виду, что, возможно, он сам снял кольцо с пальца.
— Но сам факт отсутствия кольца, кто бы ни снял его, может навести на мысль, что женитьба и трагедия связаны, разве нет?
Баркер пожал своими широкими плечами.
— Я не берусь сказать, что это значит. Но если вы хотите наметнуть, что это каким-то образом задевает честь леди,—его глаза сверкнули на мгновение, а затем он с видимым усилием подавил свои эмоции.—тогда вы на неверном пути, вот и все.
— В настоящее время у меня к вам больше нет вопросов,—холодно сказал Макдональд.
— Есть еще один пункт,—вмешался Шерлок Холмс.—Когда вы вошли в комнату, только свеча горела на столе, так?
— Да, так.
— И в ее свете вы увидели, что произошел ужасный инцидент?
— Разумеется.
— Вы сначала позвонили, зовя на помощь?
— Да.
— И помощь подоспела быстро?
— Где-то за минуту.

— И когда они вошли, то обнаружили, что свеча погашена, а горит лампа. Это несколько странно.
Баркер опять выказал признаки нерешительности.
— Не вижу ничего странного, мистер Холмс,— ответил он после паузы.— Свеча давала мало света. Моей первой мыслью было прибавить его. Лампа стояла на столе; я зажег ее.
— И затушили свечу?
— Конечно.
Холмс больше не задавал вопросов, и Баркер, обведя нас неторопливым и, как мне показалось, пренебрежительным взглядом, повернулся и вышел из комнаты.
Инспектор послал миссис Дуглас записку, извещая ее, что мог бы подняться к ней, но она ответила, что встретится с нами в столовой. Теперь она вошла, высокая и красивая женщина лет тридцати, в высшей степени обладающая выдержкой и самообладанием,—словом, ничего общего с той трагической и обезумевшей фигурой, которую нарисовало мое воображение. Правда, лицо ее было бледным и осунувшимся, как у того, кто перенес огромное потрясение; но манеры ее были сдержанными, а рука прекрасной формы, которую она положила на край стола, была так же тверда и спокойна, как моя. Ее печальные, трогательные глаза переходили с одного из нас на другого со странно любопытным выражением. Этот вопрошающий взгляд внезапно перешел в отрывистую речь.
— Вы еще ничего не нашли?—спросила она.
Почудилось мне, что в тоне ее голоса было больше страха, чем надежды?
— Мы предприняли все возможные шаги, миссис Дуглас,—ответил инспектор.—Вы можете быть уверены, что ничего не упущено.
— Не жалейте денег,—сказала она ровным мертвым голосом.—Мое единственное желание, чтобы было предпринято все возможное.
— Может быть, вы расскажете нам что-то, что прольет немного света на это дело.
— Боюсь, что нет. Но все, что я знаю, к вашим услугам.
— Насколько мы слышали от мистера Баркера, вы так и не видели... Вас так и не было в комнате, где произошла трагедия?
— Нет, он на лестнице остановил меня. Он умолял меня вернуться в мою комнату.
— Да-да. Вы услышали выстрел и вышли из комнаты.
— Я надела халат и затем спустилась вниз.
— Сколько прошло времени с тех пор, как вы услышали выстрел, и до тех пор, как вы были остановлены на лестнице мистером Баркером?
— Наверное, не больше двух минут. Как-то пропадает чувство времени в такой момент. Он умолял меня вернуться. Заверял, что мне там нечего делать. Миссис Аллен, экономка, помогла мне подняться вверх. Все это было как кошмарный сон.
— Имеете вы представление, сколько времени ваш муж провел внизу перед тем, как вы услышали выстрел?
— Не могу вам сказать. Я не слышала, как он вышел из своей туалетной комнаты. Он каждый вечер обходил весь дом, потому что боялся огня. Это единственное, чего он боялся.
— Это как раз то, к чему я хочу подойти, миссис Дуглас. Вы познакомились с вашим мужем только в Англии, да?
— Да, мы женаты пять лет.
— Вы слышали когда-нибудь, чтобы он говорил о каком-либо происшествии в Америке, грозящем ему бедой?
Миссис Дуглас серьезно подумала перед тем, как ответить.
— Да,—сказала она наконец.—Я всегда чувствовала, что над ним нависла какая-то опасность. Он отказывался обсуждать это со мной. Не потому, что не доверял мне—любовь и доверие между нами были полными,—а потому, что желал оградить меня от переживаний. Он полагал, что знание будет тяготить меня, поэтому молчал.
— Как же вы тогда узнали?
Быстрая улыбка осветила лицо миссис Дуглас.
— Может ли человек хранить свою тайну всю жизнь так, чтобы любящая его женщина ни о чем не заподозрила? Я догадывалась по его нежеланию говорить о некоторых эпизодах его жизни в Америке. Догадывалась по определенным предосторожностям, которые он принимал. Догадывалась по словам, которые он порой ронял. Догадывалась, видя, как он смотрит на неожиданных незнакомцев. Я была убеждена, что у него есть могущественные враги, раз он так уверен, что они идут по его следу, и всегда находится настороже. Я настолько в этом была убеждена все эти годы, что начинала волноваться, когда он возвращался домой позже, чем ожидалось.
— Можно спросить,—вступил в разговор Холмс,—что за слова привлекали ваше внимание?
— «Долина страха»,—ответила леди.—Вот выражение, которое он употребил, когда я расспрашивала его. «Я был в Долине страха. Я до сих пор не

расстался с ней». «Неужели мы никогда не выберемся из Долины страха?»—спрашивала я его, когда видела, что он более серьезен, чем обычно. «Порой мне кажется, что никогда»,—отвечал он.
— Вы наверняка его спрашивали, что значит Долина страха?
— Да, но его лицо мрачнело, и он качал головой. «Достаточно плохо, что один из нас оказался в ее тени. Не дай бог, чтобы она коснулась тебя!» Это была какая-то реальная долина, в которой он жил и в которой с ним произошло нечто ужасное, в этом я уверена, но больше я вам ничего не могу рассказать.
— Он никогда не упоминал каких-либо имен?
— Однажды он бредил, когда года три назад лежал в горячке после случая на охоте. Тогда я запомнила, что одно и то же слово постоянно срывалось с его губ. Он произносил его с яростью и с оттенком страха. Макджинти, вот это имя—геррмейстер Макджинти. Я спросила его об этом имени, когда он выздоровел, но он только отшучивался, и я не смогла ничего добиться. Но есть какая-то связь между Макджинти и Долиной страха.
— И еще одно,—сказал инспектор Макдональд.—Вы встретились с мистером Дугласом в лондонском пансионе, правда, и там же были помолвлены с ним. Не было в связи со свадьбой чего-нибудь романтического, какой-нибудь загадки или тайны?
— Романтическое было. Это всегда романтично. Но тайны никакой.
— У него не было соперника?
— Нет, я была совершенно свободна.
— Вы, без сомнения, слышали об исчезновении обручального кольца. Это ничего не говорит вам? Предположим, что какой-то враг из его прежней жизни выследил его и совершил преступление, но зачем ему тогда забирать кольцо?
На мгновение мне показалось, что тончайшая тень улыбки промелькнула на губах леди.
— Я действительно не могу объяснить. Это, несомненно, самая необычайная вещь.
— Хорошо, мы не будем вас дольше задерживать, и простите за беспокойство, которое мы причинили вам в такое время,—сказал инспектор.—Без сомнения, найдется еще несколько вопросов, но мы сможем обратиться к вам, когда возникнет надобность.
Она встала, и я опять явственно ощутил быстрый вопрошающий взгляд, которым она обвела нас. «Какое впечатление произвели на вас мои показания?»—вопрос был настолько ясен, как будто он был произнесен. Затем она вышла из комнаты.
— Она красива, очень красива,—в размышлении проговорил Макдональд, когда за ней закрылась дверь.—Баркер здесь, разумеется, бывал очень часто. Это человек, который может привлечь внимание женщины. Он утверждает, что покойный был ревнив, и, может быть, сам отлично знает, какой он повод давал для ревности. Затем обручальное кольцо. Нельзя пройти мимо этого. Человек, похищающий у мертвого обручальное кольцо... Что вы на это скажете, мистер Холмс?
Мой друг сидел, глубоко задумавшись, опустив голову на руки. Затем встал и позвонил в колокольчик.
— Амиш,—сказал он, когда вошел дворецкий,—где сейчас мистер Баркер?
— Я погляжу, сэр.
Через секунду он вернулся и доложил, что мистер Баркер в саду.
— Вы не помните, Амиш, что было на ногах у мистера Баркера, когда вы присоединились к нему в кабинете?
— Домашние тапочки, мистер Холмс. Я подал ему ботинки, когда он отправлялся за полицией.
— Где эти тапочки теперь?
— Все там же—под стулом в прихожей.
— Очень хорошо, Амиш. Для нас ведь важно разобраться, какие следы оставил мистер Баркер, а какие—кто-то другой.
— Да, сэр. Я, кстати, заметил, что тапочки запачканы кровью—точно так же, как и мои.
— Учитывая состояние комнаты, это вполне естественно. Очень хорошо, Амиш. Мы позвоним, если вы нам понадобится.
Через несколько минут мы были в кабинете. Холмс принес с собой из холла ковровые тапочки. Как заметил Амиш, подошвы обеих были темными от крови.
— Странно!—пробормотал Холмс, стоя в свете окна и с минуту все рассматривая.—Очень странно! Затем одним из своих быстрых кошачьих движений он приложил тапочку к кровавому отпечатку на подошвонике. Они полностью совпали. Он в молчании улыбнулся своим коллегам.
Инспектор был вне себя от возбуждения.
— Послушайте,—загрохотал он,—да ведь нет же никаких сомнений! Баркер сам и припечатал это! Это же намного шире, чем все остальные следы! Я вспоминаю, вы сказали, что отпечаток какой-то плоский, и вот вам объяснение! Но что тут за игра, мистер Холмс, что тут за игра?
— Да, что за игра?—задумчиво повторил мой друг.

Уайт Мэзон хмыкнул и потерял свои толстые ручки с чувством профессионального удовлетворения:

— Я же говорил, что это сногшибательно! И это действительно сногшибательно!

Глава шестая

Забрезжил свет

Три детектива должны были еще разобраться во множестве деталей, поэтому я один отправился в наши скромные апартаменты в деревенской гостинице. Но перед этим я совершил небольшую прогулку по парку, окаймлявшему дом. От парка этого веяло миром и безмятежностью. Ряды причудливо постриженных старых тисов окружали чудесную продолговатую полянку с солнечными часами посередине. И все было пронизано такой тишиной и покоем, что мои взвинченные нервы начали понемногу приходить в порядок.

В этом мирном уголке можно было забыть — или вспоминать как о пригрезившемся кошмаре — о темном кабинете с окровавленной фигурой на полу. Но пока я гулял, успокаивая душу, произошло странное событие, вернувшее меня к трагедии.

Я уже сказал, что сад окружали тисы. В дальнем от дома конце они уплотнились в длинную живую изгородь. За изгородью, укрытая от глаз со стороны дома, была каменная скамья. Когда я оказался на одном уровне с ней, я разобрал голоса, глубокий мужской голос и отвечавший ему серебристый женский смех.

Секундой позже я завернул за край изгороди, и — до того, как они заметили меня, — моим глазам открылись миссис Дуглас и Баркер. Ее вид меня потряс. В столовой она выглядела сдержанной и серьезной. Теперь же в ней не было и следа печали. Глаза ее сверкали радостью жизни, а лицо все еще подрагивало, отвечая смехом на какое-то замечание собеседника. А он сидел перед ней, оперев скрещенные руки на колени, с ответной улыбкой на смелом, привлекательном лице. С мгновенным опозданием они заметили меня, и их лица превратились в прежние торжественные маски. Они быстро обменялись одним или двумя словами, а затем Баркер встал и подошел ко мне.

— Простите, сэр, — сказал он, — но я обращаюсь к доктору Уотсону?

Я поклонился с холодностью, которая, смею сказать, очень ясно выражала впечатление, ими на меня произведенное.

— Мы подумали, что это скорее всего вы, потому что ваша дружба с мистером Шерлоком Холмсом хорошо известна. Не могли бы вы подойти и минутку поговорить с миссис Дуглас?

Я последовал за ним с суровым лицом.

— Боюсь, вы считаете меня черствой и бесщедкой, — сказала она.

— Это не мое дело, — пожал я плечами.

— Может быть, наступит день, когда вы меня простите. Если бы вы только знали...

— Доктору Уотсону нет необходимости знать, — быстро вмешался Баркер. — Как он сам сказал, это не его дело.

— Разумеется, — ответил я. — И прошу вашего разрешения покинуть вас и продолжить прогулку.

— Одну минуту, доктор Уотсон, — сказала она умоляющим голосом. — Есть один вопрос, на который вы можете ответить более авторитетно, чем кто-либо в мире. Вы знаете мистера Холмса и его отношения с полицией лучше, чем кто-либо другой. Предположим, дело будет открыто только ему — при этом ему абсолютно необходимо посвятить во все других детективов?

— Да, вот что, — страстно переспросил Баркер, — действует он сам по себе или целиком и полностью вместе с ними?

— Я действительно не знаю, имею ли я право обсуждать этот вопрос.

— Я прошу, я клянусь вам, что имеете, доктор Уотсон! Уверю вас, что вы поможете нам — очень поможете мне, если просветите нас в этом вопросе.

В ее голосе было столько искренности, что я на мгновение забыл о ее легкомыслии и пошел ей навстречу.

— Мистер Холмс — независимый исследователь, — сказал я. — Он сам себе хозяин и руководствуется собственными понятиями о справедливости. В настоящее время он, естественно, лоялен по отношению к официальным лицам, которые работают над той же проблемой, и он не станет скрывать от них ничего, что может помочь им в розыске преступника. Кроме этого, я ничего не могу вам сказать, и я бы советовал вам обратиться к самому мистеру Холмсу, если вам нужна более полная информация.

Сказав так, я приподнял шляпу и пошел своей дорогой, оставив их сидеть за укрывшей их изгородью. Я оглянулся, когда огибал ее дальний конец, и, увидев, что они горячо обсуждают что-то, глядя мне вслед, понял, что предметом их спора были мои слова.

— Никаких конфиденциальных признаний, — ска-

зал Холмс, когда я доложил ему о случившемся. Он провел день в Мэнор Хаузе в консультациях со своими коллегами и теперь с волчьим аппетитом приступил к ужину, который я для него заказал. — Никаких признаний, Уотсон, а то я могу оказаться в щекотливом положении, если дело дойдет до ареста заговор и убийство.

— Вы думаете, может дойти до этого?

Он был в самом бодром и веселом настроении.

— Мой дорогой Уотсон, когда я покончу с четвертым яйцом, то буду готов обрисовать вам всю ситуацию. Не скажу, чтобы мы добрались до дна — нет, до этого далеко, — но если бы мы нашли потерянную гантелью...

— Гантелью!

— О боже, Уотсон, неужели вы не осознали того факта, что все сводится к пропавшей гантели? Ладно, ладно, не впадайте в уныние; между нами, я думаю, что ни инспектор Мак, ни превосходный местный профессионал не осознали подавляющей важности этого пункта. Одна гантель, Уотсон! Вообразите атлета с одной гантелью! Представьте себе одностороннее развитие, непосредственную опасность искривления позвоночника. Невероятно, Уотсон, невероятно!

Рот его был забит гренками, глаза озорно сверкали.

Само зрелище его прекрасного аппетита было показателем успеха — я хорошо помнил дни и ночи без мысли о еде, когда его раздраженный ум спотыкался о какую-то проблему, когда его тонкие и острые черты лица еще больше истончались от аскетической и полной концентрации ума. Наконец он зажег свою трубку и, сидя перед камином деревенской гостиницы, начал говорить медленно, перескакивая с одного на другое, скорее, как тот, кто думает вслух, чем как тот, кто рассказывает для других.

— Ложь, Уотсон, великая, огромная, очевидная, навязчивая, беззащитная ложь — вот что встретило нас на пороге! И вот от чего мы отталкиваемся. Вся история, рассказанная Баркером, — ложь. Но его история подтверждается показаниями миссис Дуглас. Следовательно, она тоже лжет. Они оба лгут, и лгут поговору. Итак, теперь перед нами вполне определенная проблема. Почему они лгут и где правда, которую они так тщательно стараются скрыть? Давайте попробуем, Уотсон, вы и я, сможем ли мы за ложью восстановить правду.

Откуда я знаю, что они лгут? Потому что это неуклюжая подделка, которая не может быть правдой. Представьте! Согласно преподнесенной нам истории, убийца имел меньше минуты после преступления, чтобы забрать кольцо, находившееся под другим, надеть назад верхнее — чего он бы никогда не стал делать — и положить странную карточку возле жертвы. Нет, это совершенно невероятно.

Вы можете возразить — и тут я взываю к вашему чувству справедливости, Уотсон, полагая, что вы можете его проявить, — что кольцо было отобрано еще до убийства. То, что свеча горела очень недолго, показывает, что разговор был коротким. Был ли Дуглас, о бесстрашном характере которого мы слышали, человеком, который уступил бы свое обручальное кольцо после короткого требования, который вообще бы его отдал? Нет, нет, Уотсон, убийца был наедине с трупом некоторое время, пока горела лампа. В этом у меня нет никаких сомнений.

Но выстрел — очевидная причина смерти. Следовательно, он должен был быть произведен раньше, чем нам сказано. Однако спутать время выстрела нельзя. И, значит, сейчас мы имеем дело с обдуманном сговором двух людей, а именно Баркера и миссис Дуглас. Когда в довершение к этому я добавил, что, как я сумел доказать, кровавый след на подоконнике преднамеренно оставлен Баркером в расчете навести полицию на ложный след, то вы должны согласиться, все начинает складываться весьма мрачно для него.

Теперь мы должны спросить самих себя: когда же на самом деле произошло убийство? До половины одиннадцатого слуги сновали по дому — значит, не до этого времени. Без четверти одиннадцать все они разошлись по своим комнатам, кроме Амиса, который находился в буфетной. Я произвел несколько экспериментов после вашего ухода и установил, что никакой шум, производившийся Макдональдом, до буфетной не доходил, когда все двери были закрыты.

Иначе, однако, обстоит дело с комнатой экономки. Она расположена ближе по коридору, и из нее я мог смутно слышать голоса, когда кричали очень громко. Ружейный выстрел в какой-то мере заглушается, когда стреляют в очень близкую цель, а в данном случае так и было. Выстрел не был очень громким, но в ночной тишине звук легко мог достичь комнаты миссис Аллен. Она, по ее собственным словам, немножко глуховата; тем не менее она показала, что слышала что-то вроде хлопнувшей двери за полчаса до тревоги. Полчаса «до» — это без четверти одиннадцать. Я не сомневаюсь, что она слышала выстрел и что это истинное время убийства.

Если так, то мы должны установить, что Баркер и миссис Дуглас, если убийство было совершено не ими,

могли делать от без четверти одиннадцать, когда звук выстрела заставил их спуститься вниз, до четверти двенадцатого, когда они позвонили в колокольчик и подняли слуг. Что они делали и почему они не подняли тревоги немедленно? Вот вопрос, который встает перед нами, и когда мы решим его, мы так или иначе решим проблему в целом.

— Я лично убежден, — сказал я, — что есть какое-то взаимопонимание между этими двумя людьми. Она должна быть бесщедным созданием, чтобы сидеть и смеяться над какой-то шуткой через несколько часов после убийства ее мужа.

— Разумеется. Она не блистала как жена и в своих показаниях. Я не восторженный поклонник женщин, Уотсон, но мой жизненный опыт научил меня, что очень немногие жены, испытывающие хоть каплю нежности к своим мужьям, позволили бы слову другого человека встать между ними и телом мертвого супруга. Если я когда-нибудь женюсь, Уотсон, то, надеюсь, внушу жене столько чувства, что она не удалится с экономкой, когда мой труп будет лежать в нескольких ярдах от нее. Это плохо поставлено, ведь даже самые неопытные следователи будут потрясены отсутствием обычных женских слез. Если бы даже иных сомнений не было, одно это заставило бы меня предположить предварительный сговор.

— Вы, значит, определенно уверены, что Баркер и миссис Дуглас виновны в убийстве?

— В ваших вопросах есть ужасающая прямота, — сказал Холмс, грозя мне трубкой. — Они летят в меня, как пули. Если вы полагаете, что миссис Дуглас и Баркер знают правду об убийстве и сговорились скрывать ее, мой ответ будет утвердительным. Я уверен, что это так. Но ваше более страшное предположение не так очевидно. Давайте вкратце выделим трудности, с которыми мы здесь встречаемся.

Мы должны предположить, что эта пара была связана узами преступной любви и что она решила избавиться от человека, стоящего между ними. Допущение несколько вольное, поскольку осторожные расспросы среди слуг и прочих не дают достаточных оснований сделать такой вывод. Напротив, более чем вероятно, что на Дугласа напал кто-то посторонний.

— Это, я уверен, неправда, — сказал я, вспоминая прекрасное смеющееся лицо в саду.

— По меньшей мере таково впечатление. Ну, ладно, предположим, что они были необычайно хитры и сумели всех обмануть и что они сговорились убить мужа. Он казался человеком, над головой которого нависла опасность...

— Мы знаем об этом только с их слов.

— Да, Уотсон, вы выдвигаете теорию, согласно которой все сказанное ими — ложь от начала и до конца. По моему мнению, не было ни скрытой угрозы, ни секретного общества, ни Долины страха, ни босса Мак-кого-то-там и ничего другого. Вы все отмечаете своим обобщением. Посмотрим, куда же мы придем. Почему же тогда обрезанное ружье в качестве оружия, причем американское? Как они могли быть уверены, что звук выстрела никого не привлечет? Это же ничтожная случайность, что миссис Аллен не пошла поглядеть, что за дверь хлопнула. Могла ваша преступная пара совершить все это, Уотсон?

— Клянусь, у меня нет объяснений.

— Затем опять же, если женщина и ее любовник сговорились убить мужа, стали бы они выпячивать свою вину нарочитым похищением кольца после его смерти? Это, по-вашему, вероятно, Уотсон?

— Пожалуй, нет.

— И потом, если они надеялись спрятанным велосипедом внушить мысль о постороннем, то стоило ли это затраченного труда? Ведь самый тупой детектив мог бы сразу сказать, что велосипед — первейшая вещь для преступника при его бегстве, это же и слепому ясно.

— Не могу предложить объяснения.

— Нет такой комбинации событий, для которой человеческий ум не мог бы подобрать объяснения. Просто как упражнение ума, без утверждений, что это истина, позвольте мне прочертить перед вами линию моих размышлений. Это, я согласен, всего лишь воображение, но сколько раз воображение становилось матерью правды!

Продолжение следует.

Перевел с английского
Алексей БИРГЕР.

Рисунки
Елены
УЛЬЯНОВОЙ

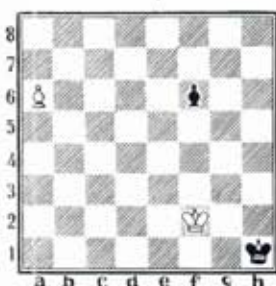
28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

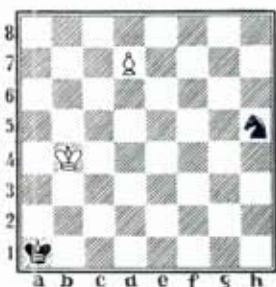
ПРЕВРАЩЕНИЯ ПЕШКИ

У пешек на роду написано быть стойкими и отважными. Суровый воинский закон — ни шагу назад! — для них свят. Поэтому пешки — самая верная и надежная стража своего короля. Но в ранце у каждой пешки лежит маршальский жезл. Если ей удастся преодолеть полный опасностей путь до крайней горизонтали, она может стать ферзем. Или любой другой фигурой (исключая короля)! Композицию интересуют именно эти исключительные случаи, когда здравый практический смысл отступает перед романтикой.

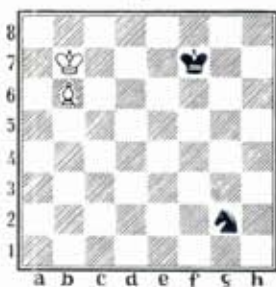
Шестой тур

Белые: Kpf2, п. a6 (2)
Черные: Kph1, п. f6 (2)
Мат в 5 ходов (2 балла)

Белые: Kpb4, п. d7 (2)
Черные: Кра1, Kh5 (2)
Мат в 4 хода (2 балла)

Белые: Kpb7, п. b6 (2)
Черные: Kpf7, Kg2 (2)
Выигрыш (3 балла)
Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «28-я шахматная олимпиада: 6-й тур». Последний срок посылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 июля.

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

50 ПАРТИЙ ЧЕМПИОНА МИРА

В издательстве «Полымя» вышла книга чемпиона мира Анатолия Гантварга «Пятьдесят поединков на ста клетках». Любители шашек смогут получить сведения о дебюте, середине, миттельшпиле, эндшпиле, тактике и стратегии в международных шашках, о том, как тесно связаны все эти стадии в процессе ведения партии. Подробный анализ поединков, логические размышления в ходе партии, позиционные оценки автора доступны не только шашкистам высокой квалификации, но и любителям.

Шестой тур

В. Матус, Хабаровск. Публикуется впервые.

В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 4 балла).

Ответы на задания шестого тура присылайте с пометкой: 4-я шашечная олимпиада. 6-й тур, «100». Каждое задание на отдельной открытке. Рассматриваться будут ответы, отправленные до 1 июля (по почтовому штемпелю).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

9. Терцина. 10. Вокализ. 12. Реактор. 13. Бравада. 14. Истукан. 15. Ударник. 16. Квартал. 20. Адамант. 24. ...барак... 27. Простота... 28. Астеризм. 29. «Рудин». 30. Чиковани. 31. Ехидство. 32. ...норов... 35. Шаталов. 39. Салищев. 43. Лангуст. 44. Персона. 45. Акведук. 46. Собинин. 47. Тремоло. 48. Околица.

По вертикали:

1. Юрмала. 2. Гигант. 3. Караул. 4. Граната. 5. Хатанга. 6. «Эврика». 7. Якутка. 8. Клюква. 9. Тюбик. 11. Зенит. 17. Вершина. 18. Ростова. 19. Авокадо. 21. Дятлина. 22. Мориски. 23. Низовье. 24. ...барин... 25. Радар. 26. Канев. 33. Омнибус. 34. Ожучник. 35. Шелут. 36. Тернер. 37. Леонов. 38. Власов. 39. Станок. 40. Левкой. 41. Щедрин. 42. Векша.

Рисунок Евгения ОСИПОВА

Рисунок
Владимира
СЕМЕРЕНКО

Рисунок Николая ВОРОНЦОВА

ПРОДОЛЖАЕМ ПУБЛИКОВАТЬ РАБОТЫ, ПРИСЛАННЫЕ НА КОНКУРС КЛУБОВ КАРИКАТУРИСТОВ

В этом номере читатели познакомятся с рисунками членов Ленинградского клуба карикатуристов, который существует с 1974 года при редакции журнала «Аврора». Образовали этот клуб 22 любителя рисованного юмора в возрасте от 17 до 45 лет. Эмблемой клуба они выбрали карандаш, завязанный узлом, а девизом — лозунг «Карикатура — это приглашение к раздумью». Многие работы членов клуба экспонировались на союзных и международных выставках и удостоены призов, наград, премий.

Рисунки Виктора БОГОРАДА

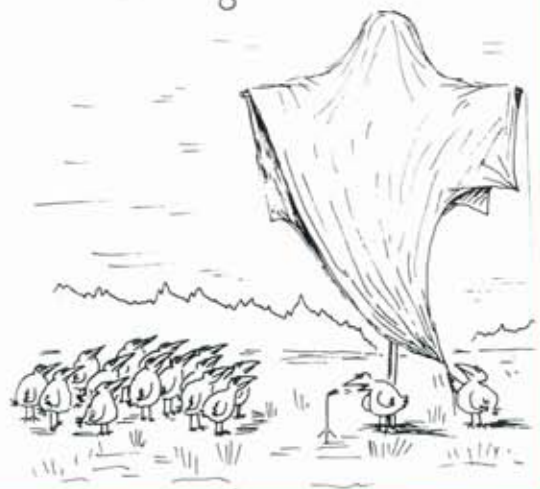
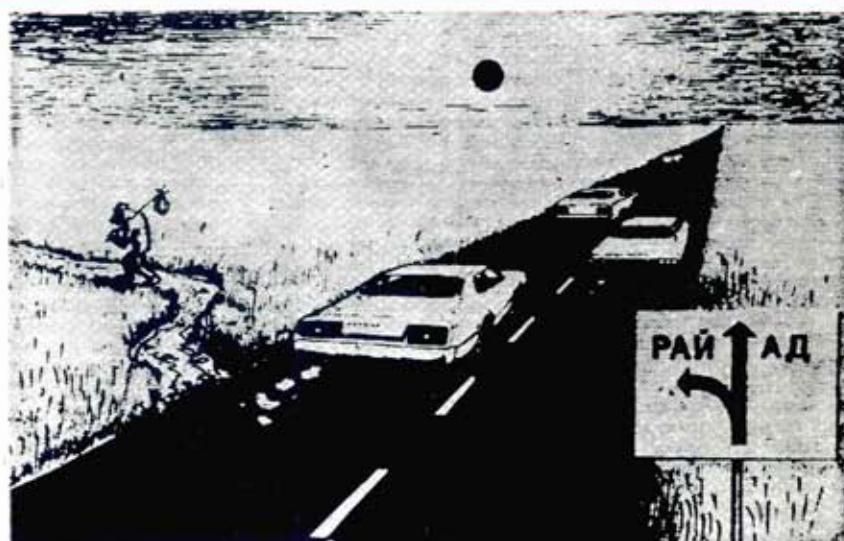

Рисунок Владимира ФРОЛОВА

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 20.03.86. Подписано к печати 01.04.86. А 01953. Формат 70x108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 1057. Заказ № 2652. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

К читателям
и друзьям
«Смены»

Детский дом — теплый дом

КНИЖКИ-ПОДАРОК

Нет на свете ничего дороже человеческой доброты, душевной участливости, благого порыва помочь другому. Спасибо Вам за сердечный отклик на предложение «Смены» прислать книги для ребятшек из детских домов. Знайте: Ваши книги попали тем, кому они, быть может, нужнее всего.
Спасибо! Низкий Вам поклон за доброе сердце!

шее испытание силы и духа народа, — наверное, никогда не ощущает нехватки сил или времени для доброго дела. С 1974 года, как ушла на пенсию, я собрала для общественных библиотек почти три тысячи книг. Спросите, откуда беру деньги на них? У меня хорошая пенсия, за путевку, что мне положено, всегда беру компенсацию — куда ж я, старая, поеду теперь? — детям, внукам на разные тряпки не даю — они сами работают, живут обеспеченно. Вот я и решила: мне ничего не надо, а вот ребяташкам из детских домов и интернатов могу быть еще полезной. В этом сейчас и вижу смысл своей жизни. Дорогая Валентина Петровна, спасибо огромное спасибо и низкий поклон Вам за Вашу доброту, честность и сердечность, с которыми Вы поддерживаете инициативу «Смены», за все хорошее, полезное и ценное, что делаете Вы для детдомовцев страны!

А теперь мы хотим обратиться к нашим читателям новым призывом. Дорогие друзья! Библиотеки в детских домах страны с вашей помощью созданы. Но жизнь не стоит на месте. Ваши книги читаются, переходят из рук в руки, то есть служат людям, как им и положено, и естественно, стареют, ветшают, приходят в негодность. Библиотечные фонды требуют постоянного обновления, оживления новыми книгами, и потому мы снова обращаемся к вам:

В тот день длинный коридор на шестом этаже, где располагается редакция нашего журнала, стал неожиданно узким и тесным, потому что весь он — буквально от пола до потолка — был заставлен картонными ящиками с адресами 100 детских домов, находящихся в самых разных краях и областях нашей страны. Этот — хотя было это четыре года назад — и сегодня памятен всем нам. Ведь тогда мы отправили в детдомовские библиотеки более 100 тысяч книг, присланных вами, дорогие читатели, в ответ на наш призыв.

Книги присылала буквально вся страна, и мы на протяжении нескольких месяцев, из номера в номер, печатали имена всех дарителей книг, цитировали их письма. Всем этим прекрасным, добрым людям мы выслали и нашу благодарность — красочную открытку, которую воспроизводим сегодня на этой полосе. И вот прошло четыре года. За это время у «Смены» появилось очень много новых бескорыстных дарителей книг — честно говоря, их число даже невозможно точно подсчитать! Причем вот эта массовая народная участливость убедительно продемонстрировала, что совершенно не важно, сколько книг прислал тот или иной даритель — всего одну или целую библиотечную ку — важно, что этот человек откликнулся на наш призыв, а значит, проявил очень ценную черту своего характера — бескорыстный порыв и способность прийти на помощь незнакомым, чужим людям.

И все-таки хочется сказать, что среди этого огромного числа дарителей есть люди, чье бескорыстное заслуживает особой оценки и особой признательности. Расскажем только о двух из них, выделив поначалу такой, без сомнения, примечательный факт: Валентине Петровне Андреевой недавно исполнилось 86 лет, а Володе Клинскому сейчас всего 16. Вот это обстоятельство заставляет нас вспомнить, что, объявляя пять лет назад всесоюзный призыв о сборе книг для детдомовских библиотек, мы, конечно, в первую очередь рассчитывали на взрослых людей, то есть на тех, кто сам в силу возраста постиг и знает приятную неожиданность — среди тех, кто приносил книги в дар детдомовцам, очень много оказалось детей и подростков, очень много оказалось людей, что сострадание, чуткость и бескорыстие — черты, присущие взрослому человеку, а вот ведь убедились, что и наши маленькие граждане не обделены этими прекрасными качествами души, отзывчивы на чужие заботы.

Вова Клинский из г. Чайковского Пермской области прислал нам свою первую посылку с книгами пять лет назад, когда ему было всего 11 лет. Помогали ему в этом родители и бабушка, а сейчас он уже сам ходит

на почту и каждый год после окончания очередного класса отправляет незнакомым друзьям по несколько своих, как он пишет, «самых любимых книг». Бескорыстие может проявляться по-разному: одни читатели присылали книги, другие — кому купить хорошие переводы, третьи — присылали денежные школьники — предлагали свою помощь в комплектации и отправке книг на места. А вот москвичка Валентина Петровна Андреева, член партии с 1919 года, персональный пенсионер союзного значения, привлекла к сбору книг для детдомовских библиотек еще и работников Тимирязевского районного отдела социального обеспечения, где сама долгие годы проработала. Слабого здоровья, плохо слышащая — 86 лет! — эта героическая женщина собирает книги и рассылает их по общественным библиотекам страны с 1974 года! Активно помогают ей в этом и соседи по дому, где она живет, — молодая семья Огальцовых: Елена Николаевна, медсестра поликлиники № 180, и Валерий Александрович, слушатель Высшей школы милиции, добрые, сердечные люди. Для которых помощь, содействие в чем-то другим людям — естественное, врожденное состояние души. Недавно мы побывали в гостях у Валентины Петровны, поздравили ее с 8 Марта, вручили Почетный диплом «Смены» и спросили, откуда же она в свои немалые уже годы черпает силы на такое хлопотное дело, как сбор книг для общественных библиотек. Валентина Петровна ответила: — Тот, кто пережил войну — это поистине величай-

— Давайте, как это было пять лет назад, снова проведем сбор книг для библиотек детских домов и интернатов — теперь уже с целью пополнения их фондов. Только с одним очень важным условием: эти книги должны быть рассчитаны на подростков старших возрастов. То есть это должна быть художественная, научно-популярная, военно-спортивная, приключенческая литература, так необходимая юным для взросления и формирования своего мировоззрения. Как в прошлые годы, мы считаем на отклик не только наших постоянных читателей-подписчиков, но и на мощь комсомольских организаций школ, институтов, заводов и фабрик. Комплектование литературы, как и раньше, будет проходить в стенах нашей редакции по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена». «Детский дом — теплый дом». Каждому, кто пришлет свои книги в дар воспитанникам детских домов и интернатов, мы по традиции направим нашу благодарственную открытку. Ждем вашего отзыва, ваших книг. Друзья!